

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка

ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Лекции по спецкурсу

Издательство “Самарский университет”

1998

ББК 81
А47

Алексеев Д.И. История лингвистических учений: Лекции по спецкурсу. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 1998. с.

ISBN 5-230-

Пособие Д.И.Алексеева “История лингвистических учений”, составленное его учениками М.Н.Барабиной и С.А.Карпухиным по конспектам лекций, хранящимся в архиве Д.И.Алексеева, включает цикл лекций, раскрывающих историю лингвистики XIX и XX вв., и показывает ход развития лингвистической науки, основные ее направления, главные лингвистические школы, крупнейших представителей этих школ, наиболее интересные и важные лингвистические теории и труды.

Для студентов заочного отделения филологического факультета, а также других форм обучения.

Составители: к. ф. н., доц. *М.Н.Барабина*,
к. ф. н., доц. *С.А.Карпухин*.

М $\frac{4602000000 - 21}{6К4(03) - 98}$ 2 - 96

ISBN 5-230-06050-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Профессор Д.И.Алексеев на протяжении многих лет читал историю лингвистических учений в куйбышевских вузах — сначала в пединституте, затем в университете. Не имея возможности выделить эту дисциплину в специальный курс, он включал ее составной частью в курс общего языкознания.¹ Однако Дмитрий Иванович неоднократно указывал на необходимость такого выделения (особенно в университете), как в ряде вузов страны это и делается в настоящее время.

Фактически предлагаемые читателю лекции Дмитрия Ивановича по истории лингвистических учений по своей проблемной цельности, композиционной стройности, глубине и тщательности разработки составляют спецкурс, который студенты могут использовать как для изучения соответствующего раздела общего языкознания, так и для более углубленного знакомства с историей зарубежного и русского дореволюционного языкознания.

Фактологическая сторона настоящего курса в основном не отличается от содержания известных вузовских пособий по истории языкознания. Вместе с тем изложение отдельных лингвистических теорий и учений дополнено автором многочисленными фактами и деталями, существенно углубляющими материал, но отсутствующими в учебной литературе. Больше, чем в учебниках, уделено вниманию раскрытию личности выдающихся лингвистов, оценке их общественной, (а не только научной) значимости, что также способствует более глубокому проникновению в суть лингвистических идей.

Особенно кажется нам важным то, что книга содержит собственный, авторский, во многом оригинальный взгляд как на историю языкознания в целом (в частности его периодизацию), так и на отдельные концепции, выдвигавшиеся в прошлом, внутренние связи между ними. Эти связи, по мысли Д.И.Алексеева, обусловлены неизбежностью решения любой лингвистической школой, направлением трех коренных вопросов лингвистики: 1) о сущности языка и его строении; 2) о развитии языка и 3) о задачах лингвистики.

Все оценки излагаемым концепциям, логике развития лингвистической науке автор дает с позиций современного языкознания, что представляется плодотворным и в научном, и в педагогическом плане.

Составители настоящего пособия были учениками Д.И.Алексеева в студенческие и аспирантские годы, в годы самостоятельной педагогической деятельности. Одному из нас удалось дважды прослушать полный курс лекций по общему языкознанию Д.И.Алексеева, позднее - многократно посещать отдельные его лекции по данному курсу (что, кстати, позволяет судить о процессе становления этого курса). Рукописи лекций, по которым публикуется пособие, были предоставлены своим ученикам самим Д.И.Алексеевым в последние годы его жизни, во время тяжелой болезни. Мы старались воспроизвести их в неприкосновенности, чтобы хоть в небольшой степени передать своеобразие лекций Дмитрия Ивановича - их основательность, полемичность, доходчивую форму изложения. К сожалению, в публикации не передать великолепного умения

¹ См.: Общее языкознание: Рабочая программа / Сост. Д.И.Алексеев. КГУ. 1-е изд. 1976; 2-е изд. 1980. 11 с.

Д.И. Алексеева снять напряжение студенческой аудитории от прослушивания сложного историко-теоретического курса остроумной шуткой, добродушным юмором, а иногда и едкой иронией, неизменно связанными с излагаемым материалом. Не зафиксированы в рукописях многочисленные рекомендации, советы, наставления Д.И. Алексеева студентам, направленные на формирование у них лингвистических, методологических интересов, навыков самостоятельной научной работы. Имея в прошлом счастливую возможность слушать и записывать лекции Д.И.Алексеева, при подготовке их к публикации мы иногда вносили в рукописный текст незначительные изменения и уточнения по его устным высказываниям в аудитории.

Система лекций по истории языкознания в представляемом виде сформировалась у Д.И.Алексеева постепенно, в течение более десятка лет (об этом свидетельствует сопоставление сохранившихся в его архиве многочисленных вариантов лекций) и тесно увязана с разработанной им системой семинарских занятий по данному курсу. На этих занятиях студентам предлагался круг тем по узловым вопросам программы для написания реферативных докладов. Например: “Труды и взгляды на язык Вильгельма фон Гумбольдта”, “Проблемы дарвинизма в концепции Августа Шлейхера”, “Учение о звуковых законах и принципе аналогии в концепции младограмматиков”, “Учение Ф.Ф.Фортунатова о форме слова и словосочетании и развитие этого учения”, “Преодоление психологизма во взглядах Бодуэна де Куртенэ и его последователей”, “А.А.Шахматов и Л.В.Щерба о частях речи. Современное учение о частях речи” и т.д. От характера формулировок этих тем зависела степень раскрытия тех или иных вопросов в лекциях, что предоставляло студентам возможность самостоятельного их изучения.

Составители настоящего пособия далеки от стремления представить взгляд Д.И.Алексеева на историю языкознания (впрочем, как и любые другие воззрения) единственно верным и непреходящим. Дело в том, что путь, пройденный лингвистикой,- это не только непрерывное накопление знаний о языке,- это еще и постоянно меняющиеся оценки этих знаний, без чего в принципе невозможно добывание все новых знаний, т.е. поступательное движение науки вперед. Поэтому спецкурс Д.И.Алексе-ева - это, наряду с аналогичными пособиями других авторов, лишь одна из вех, помогающих в изучении истории лингвистики ориентироваться на длительном и отнюдь не прямолинейном пути.

Нам же, ученикам Дмитрия Ивановича, его понимание истории лингвистики, логики ее развития, оценка тех или иных теорий и направлений кажутся не только убедительными, благодаря тщательно продуманной аргументации, но и методологически плодотворными. Об этом свидетельствует весь опыт преподавания данного курса в Самарском университете.

ВВЕДЕНИЕ

Спецкурс по истории лингвистических учений является важнейшей составной частью курса общего языкознания.

Общее языкознание - теоретический лингвистический курс, изучающий общие свойства языков, или свойства языка как средства общения. Это наука о языке, законах его существования, функционирования и развития. Знакомство с этой наукой предполагает также изучение истории отечественного и зарубежного языкознания, логики его развития, Решению данной задачи и посвящен спецкурс по истории лингвистических учений.

История языкознания представляет интерес и как самостоятельная наука. и как фон для решения проблемных общелингвистических вопросов, для выявления исторических истоков этих проблем и освещения их современного состояния.

Без истории науки нет, собственно говоря, ни одной науки. Если бы история науки забывалась, то невозможно было бы самое развитие науки, ее движение вперед: во-первых, постоянно повторялись бы старые ошибки, а во-вторых, без конца изобретались бы заново уже открытые истины.

Первая проблема, на которой следует остановиться в курсе истории лингвистических учений, как понимать самую историю языкознания. При рассмотрении этой проблемы встают три вопроса:

1. Когда возникло языкознание?
2. Какие этапы выделяются в истории языкознания?
3. Какие вопросы истории считать важнейшими?

Итак, **когда возникло языкознание?** На этот счет существуют разные мнения. Некоторые полагают, что языкознание появилось чуть ли не с языком, с произнесением первого человеческого слова. Но эта идея в публикациях не высказывается. А вот о **появлении лингвистики вместе с письмом** пишут. Так, французский лингвист Антуан Мейе несколько десятилетий тому назад писал, что “развитие египетской письменности” свидетельствовало “о высокой лингвистической культуре”, что характер письменности отражает структуру языка, а также осознание этой структуры языковым коллективом. Другие французские лингвисты уточнили, что при идеографическом письме происходит лишь первое членение речи (выделяются слова и понятия), а при буквенном письме возникает второе членение речи (выделяются звуки и слоги), Это, так сказать, **этапы** поступательного развития лингвистического осознания языка.

Как известно. идеографическое письмо возникло примерно четыре тысячи лет тому назад, а буквенное - две тысячи. Выходит, что языкознание существует четыре тысячи лет. Но если продолжить мысль французских ученых, то можно считать, что осознание понятий произошло еще раньше. Об этом можно судить по наскальным рисункам, на которых изображены мамонты, бизоны, охотники и т.д. Первые наскальные рисунки дошли до нас от древнейших времен, самые древние насчитывают сорок тысяч лет. Значит ли это, что языкознание возникло сорок тысяч лет назад? Видимо, не значит. Тогда вообще никаких наук не было, а были лишь зачатки знаний.

Общепризнанно также, что собственно языковыми вопросами не занимались ни в древнем Египте, ни в Вавилонии, ни даже в древнем Китае, где возникло наиболее раннее письмо.

Собственно лингвистические вопросы начали разрабатываться в древней Индии (особенно в VII в. до н.э.), в Греции (IV в. до н. э.), в Риме (Iв. н.э.) и у арабов (VIIв. н.э.). Здесь появились **грамматики, словари**, отдельные **лингвистические высказывания**. С этого обычно и начинают историю языкознания.

Такое решение вопроса представляется не вполне точным. Речь здесь может идти не об истории, а о **предыстории языкознания**.

В **периодизации** истории языкознания до последнего времени наблюдается известный субъективизм.

Например, В.И.Кодухов (ЛГУ) выделяет в истории языкознания пять этапов², Ю.В.Рождественский и Б.А.Ольховиков (МГУ) - шесть этапов, имеющих мало общего с теми, которые выделяются В.И.Кодуховым³. Авторы учебников по истории лингвистических

² Кодухов В.И. Общее языкознание. - М.: Высш.школа, 1974. -С.5.

³ Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики.- М.: Наука, 1975. - С.28-29.

учений Ф.М.Березин (1975) и Н.А.Кондрашов (1979) вообще не дают периодизации лингвистики.

Подобный разрыв в периодизации объясняется сравнительной молодостью специальной науки о науках - **науковедения**. Науковедение возникло в начале 1960-х годов и, следовательно, существует только около трех десятилетий.

Кстати сказать, науковедение не случайно возникло именно в 1960-е годы. К этому времени в мире отпочковались и признали себя отдельными около двух тысяч наук. Науковедение и считает своей задачей изучение взаимоотношения наук, их классификаций, времени возникновения, периодизации истории и т.д. Не все эти вопросы еще решены.

Показательна судьба такой молодой науки, как кибернетика. Ее родоначальником считается американский ученый Винер, опубликовавший свои первые работы по кибернетике в 1948 году. Первые годы, как известно, советская наука отнеслась к кибернетике с пренебрежением. В БСЭ второго издания (1953 г.) нет даже термина “кибернетика”, ничего не сказано и о Винере. Лишь в дополнительном томе в 1958 г. приводятся некоторые сведения о Норберте Винере, получившем в 14 лет высшее математическое образование, а в 18 лет степень доктора философских наук (работал в Гарвардском университете, умер в 1964 году).

В настоящее время кибернетика признается всеми странами мира как особая наука. Что касается истории кибернетики, то оказалось, что самый термин “кибернетика” впервые употребил не Винер, как раньше считали, а древнегреческий философ Платон в IV в. до н.э., что вопросами кибернетики (т.е. управления) занимались Ползунов и Уатт в XIX в., что становлению кибернетики способствовали исследования акад. И.П.Павлова и т.д. и т.п.

Иначе говоря, каждая наука, став на ноги, старается как можно глубже найти свои корни, прочнее укрепиться. Этим и можно объяснить в целом, почему предысторию науки иногда выдают за историю. Мы считаем, что история начинается с того времени, когда **наука выделяется в самостоятельную область**, а до этого у нее есть лишь предыстория.

Языкознание (лингвистика) как самостоятельная наука оформляется с начала XIX века, хотя предварительная подготовка к этому имела место и раньше. Как и всякая наука, она не возникает внезапно, без подготовленной почвы. Однако выделение лингвистики в самостоятельную науку в начале XIX века делает ее принципиально отличной от всего предшествующего. Отличия лингвистики XIX в. от более ранних этапов ее развития следующие:

1. До XIX в. в русском языке (по всей вероятности и в европейских языках) не было слова и понятия “лингвистика”, “языкознание”. В древней Греции лингвистикой занимались философы, в древней Индии - филологи. Были выработаны многие лингвистические понятия - например, грамматика, части речи, фонетика, словарь и пр., но лингвистики как понятия не было. Даже М.В.Ломоносов, написавший “Российскую грамматику” в 1755 году (т.е. в XVIII в.), ни разу не употребляет в ней терминов лингвистика, языкознание или языковедение. Впервые эти слова появляются только в XIX веке. Они зафиксированы, например, в Словаре Академии Российской 1847 года: лингвистика, лингвистический, языкознание и языковедение.

Лингвистика в древние периоды если и представлена, то только в составе других наук - еще не выделившись в самостоятельную науку, т.е. **синкретически**.

2. До XIX в. не было ученых, которых можно было назвать **лингвистами**. Крупнейший русский ученый XVIII в. М.В.Ломоносов не считался лингвистом и сам себя таковым не называл. Написание “Российской грамматики” для него было делом попутным и практическим. Самое слово **лингвист** было заимствовано, по данным словаря Н.М.Шанского, в XIX в. из французского языка.

Не можем мы назвать лингвистами и древнейших предшественников, занимавшихся языком. Так, Аристотель - философ, занимавшийся в связи с философией многими вопросами. Впрочем, не все придерживаются мнения о том, что в древности не было лингвистов и лингвистики. Так, в 1969 г., в Душанбинском университете была защищена докторская диссертация В.В.Каракулаковым, посвященная истории лингвистики, а точнее - Марку Теренцию Варрону из Древнего Рима. Диссертант доказывает, что в

Древнем Риме были лингвисты, только их называли грамматиками (грамматистами), в переводе на современный язык - филологами. Варрон - один из них. Он написал ряд сочинений по грамматике. Самое крупное из них - "О латинском языке" - представляет собой 25 папирусных книг (из которых до нас дошли шесть, остальные сгорели). Таких грамматистов было много. Например, Атей Протекстат, грек по происхождению, написал сочинение "Чаша" ("про все") из 800 книг (до нас не дошедших).

3. Наука, как известно, развивалась в университетах, а позднее - в академиях. Первые университеты возникли в Италии, прямой наследнице римской античности, еще в XI веке, а затем, после XI века, появлялись во многих странах Европы.

Однако вплоть до XIX в. ни в университетах, ни в академиях **не было не только языковедческих, но и вообще филологических кафедр**. Так, в первых университетах в течении многих веков существовало три-четыре факультета: низший факультет - так называемый артистический (позднее - философский) и высшие факультеты: права, медицинский и богословский.

Только на низшем факультете имели дело с языком как предметом изучения. Здесь в целом преподавали семь свободных искусств: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Успешно одолевший первые три предмета студент получал степень бакалавра искусств, а окончивший весь факультет - степень магистра искусств (кандидата наук - в современной терминологии). Выпускники же высших факультетов получали степень доктора соответствующих наук. Для преподавания семи искусств не требовалось научных кафедр, потому что **обучение носило не научный, а практический, прикладной характер**.

Так, обучение грамматике велось не на родном языке, а на латыни. Изучить надо не итальянскую, или французскую, или немецкую грамматику, а только латинскую, чтобы можно было по латыни говорить и писать. Латынь оставалась вплоть до XVIII в. включительно международным языком науки.

Так, в Нидерландах на латинском языке написаны научные труды философа Б.Спинозы (XVII в.) и др. ученых; в Англии - труды Ф.Бэкона (XVII в.). Ньютона (XVII-XVIII вв.); в России - труды М.В.Ломоносова, Л.Эйлера (знаменитого математика) и др.

Внимание к научному изучению родного языка, которое должно бы было наступить с формированием наций, так и не приобрело массового характера (а ведь нации, как известно, сформировались в Европе довольно рано и в разное время). Сначала происходило практическое утверждение и применение национальных языков, и только позднее их научное изучение. Так, на родных языках, а не на латыни начинают публиковаться художественные произведения. На английском языке написаны произведения Шекспира (XVI-XVII вв.), на русском языке - стихотворения Ломоносова (XVIII в.) и т.д. Именно в связи с практическим освоением национальных языков появляются ранние грамматики: английского языка (XVI-XVIII вв.), русского языка (Ломоносов, 1755) и др.

4. До XIX в. публикации по языку носили исключительно **практический, прикладной характер**. Они были связаны: а) с изучением древних текстов; б) с изучением философских проблем (например, у Аристотеля); в) со школьным преподаванием латыни (в средние века). Как известно, до XIX в. опубликовано несколько грамматик. Знаменитая **древнеиндийская грамматика Панини** (IV в. до н.э.) служила пособием для чтения и правильного понимания древних священных текстов, написанных во 2-1 тысячелетии до н.э. на санскрите, - так называемых "вед" (они были созданы за полторы тысячи лет до Панини и стали труднодоступны для понимания). Целям лучшего понимания древнейших произведений служили также **греческие грамматики**, создаваемые с IV по II в. до н.э. (несколько позднее Панини). Особенно высоко ценились произведения Гомера, написанные приблизительно за восемьсот лет до IV в. до н.э. - между XII и VII вв. до н.э. Аналогичное значение **имели грамматики арабского языка**. Они создавались позднее двух первых - в XII-XIII вв. н.э. - для комментирования корана, священной книги, написанной Мухаммедом в VII в. н.э. - приблизительно за пятьсот лет до XII в.

Все древнейшие грамматики, таким образом, имели прикладное значение. Примерно таково же положение с **грамматиками средневековья**. Это были грамматики латинского языка, созданные в "научных центрах" того времени - монастырях - как школьные учебники для практического изучения латыни. Они напоминают знаменитую грамматику славянского языка, написанную в 1916 г. Мелетием Смотрицким, "архиепископом Полоцким", известным русским церковным деятелем.

К лингвистическим вопросам в Древней Греции обращаются **философы - Платон**, его ученик **Аристотель** и др. Так, Аристотель впервые в античности разрабатывает **учение о частях речи**. Но не ради грамматики, а для решения вопросов логики и философии.

В XIX в. впервые возникают не прикладные, а собственно лингвистические проблемы, которые отсутствуют в других науках. Например, проблема родства или неродства языков⁴, проблема истории конкретных языков и т.д.

5. До XIX в. даже прикладные вопросы языка решались узко **локализовано**. В древней Индии разрабатывались проблемы санскрита, о котором древние греки даже не слышали. Греки изучали только греческий язык Гомера. арабы - только арабский язык корана. В каждой стране признавались и изучались только свои языки, а другие считались варварскими (за исключением классической латыни). Между учеными разных стран не было связей ни по времени, ни по идеям, ни территориально, т.е. не было никакой преемственности. Правда, европейское языкознание в течение многих веков испытывало влияние греко-латинских лингвистических традиций. За пределами же Европы они тоже еще не были известны.

И только в XIX в. лингвистика приобретает по-настоящему **интернациональный характер**. К этому времени появляется признание чужих языков как равноправных. Сравнением языков занимаются одновременно в Германии, в Дании, в России, в Англии, а затем и в других странах.

6. До XIX в. **не было разработано** какого-либо **специального научного метода исследования**, который можно было бы назвать лингвистическим. Лишь в XIX веке был разработан метод, с помощью которого можно было научно доказать родство языков и изучать их историю. Это был знаменитый сравнительно-исторический метод.

Правда, это положение не считается бесспорным. Высказывается и иная точка зрения, согласно которой один лингвистический метод (**описательный**) был известен еще в XVII в. и, следовательно, языкознание как наука появилось не позднее этого времени. Для доказательства приводят в пример знаменитую грамматику 1660 г., вышедшую в монастыре Пор-Рояль под Парижем. Однако эта грамматика в XIX в. была признана ненаучной из-за ее неисторичности. Она, как писал Мунэн в 1967 г., была авторитетна только во Франции. Там она сыграла известную роль в лингвистике, при этом - роль отрицательную, консервативную. По мнению Мунэна, она задержала на 50 лет появление компаративизма в стране. (А ведь Мунэн вовсе не сторонник сравнительно-исторического языкознания, он поддерживает структурализм).

Таким образом, **научное языкознание возникло в начале XIX в. как языкознание сравнительно-историческое**.

Социальные **причины** его возникновения: становление нации и национальных языков; укрепление национальных языков в качестве литературных, письменных языков; активное освоение колониальных и зависимых земель, вызвавшее интерес к изучению языков этих стран.

Корни сравнительно-исторического языкознания (т.е. его предьстория) имелись как в ближайшем прошлом (XVIII в.), так и в отдаленные времена (классическая древность).

Исходя из всего сказанного выше, мы предлагаем следующую периодизацию лингвистической науки:

Предьстория языкознания. - От древности до начала XIX века⁵.

1 этап: Сравнительно-историческое языкознание. - XIX век.

2 этап: Возникновение социологических школ языкознания. - Конец XIX века - начало XX века.

3 этап: Структурализм. - XX век⁶.

⁴ Сама идея и понятие родства языков возникли еще в конце XVI - начале XVII веков в работах голландца И.Ю.Скалигера, итальянца Ф.Сассети и др. (см. об этом дальше, в лекции "Сравнительно-историческое языкознание"). К концу XVIII века в трудах ряда лингвистов разных стран стали вырисовываться и самые общие принципы сравнительного языкознания. Но все это было только подготовкой к осознанию идеи родства языков в XIX веке уже как глобальной лингвистической проблемы, объясняющей сходство между языками общностью их происхождения. (Примеч.сост.).

⁵ Раздел по предьстории языкознания Д.И.Алексеев выносил на самостоятельное изучение студентами. При этом особо выделялись следующие вопросы; 1) древнеиндийское языкознание (грамматика Панини); 2) древнегреческое языкознание (Аристотель о частях речи, александрийские грамматисты); 3) латинский период (сочинение о латинском языке Варрона); 4) арабское языкознание (словарь арабской лексики Фирузабади, сравнительная грамматика арабских языков Махмуда аль Кашгари); 5) европейское языкознание ("Грамматика Пор-Рояля", "Российская грамматика" М.В.Ломоносова, четырехтомный словарь академика П.С.Палласа) и некоторые др. вопросы (Примеч. сост.).

Тема I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. НАТУРАЛИЗМ.

Сравнительно-историческая языкознание как самостоятельная наука появляется в начале XIX века в Германии, России, Англии, Дании и других странах Европы. Среди первых лингвистов, основоположников сравнительно-исторического метода, особо можно выделить четырех ученых: Франца Боппа (Германия), опубликовавшего в 1816 г. работу “О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского и германского языков”; Расмуса Раска (Дания) - “Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка” (работа написана в 1814 г., опубликована в 1818 г.), Якоба Гримма (Германия) - “Немецкая грамматика” в четырех томах (опубликована в 1819-1837 гг.) и Александра Христофоровича Востокова (Россия) - “Рассуждение о славянском языке” (1820 г.).

Мысли о родстве языков неоднократно высказывались и до этих ученых, по крайней мере с XVII века. Например, философ Лейбниц (конец XVII - начало XVIII в.) отмечалась близость венгерского и финского языков. Еще раньше голландский лингвист И.Ю.Скалигер выделил по признаку родства II групп языков: латинскую (романскую), греческую, германскую, славянскую и др. М.В.Ломоносов видел родственные связи славянских языков с немецким, балтийскими, греческим и латинским языками. В конце XVIII века впервые заговорил о родстве санскрита с греческим и латинским языками английский юрист Вильям Джонс. Однако все подобные идеи высказывались тогда скорее на уровне предположений о родстве языков, так как еще не были разработаны специальные приемы научного доказательства этого родства.

Другое дело - в XIX веке. Основатели сравнительно-исторического языкознания Ф.Бопп, Р.Раск, А.Х.Востоков и др. впервые применили практически на конкретных языках **метод сравнения** родственных языков с целью выделения звуков и грамматических форм этих языков. Были сделаны первые открытия в истории языков, причем научно обоснованные. Так, А.Х.Востоков, сравнивая старославянский язык с другими языками, пришел к выводу, что буквы @ (юс большой) и # (юс малый), употребляемые в памятниках старославянской письменности (а этот язык к XIX веку был уже мертвым языком, известным только в записях) следует читать как носовые гласные О и Е: г@сь, п#ть. До А.Х.Востокова значение названных букв оставалось нерасшифрованным, неизвестным. Открытие же его оказалось неоспоримым на века (оно и сегодня не устарело).

Особую роль в развитии сравнительно-исторического метода сыграл открытый ранее в Индии **санскрит** - литературный мертвый язык древнеиндийских памятников письменности, содержащих, к удивлению ученых, очень много сходства с европейскими языками. Со временем санскрит стал считаться чем-то вроде старшего брата в семье европейских языков; на него стали ссылаться во всех исторических описаниях. Роль санскрита долгие годы преувеличивалась. Распространенным было мнение, что если бы не санскрит, то и само сравнительно-историческое языкознание не возникло бы. Однако такая оценка санскрита неправильна. Действительно лишь то, что изучение санскрита послужило толчком к появлению многочисленных исследований, в которых европейские языки непременно сравниваются с санскритом. В то же время уже Р.Раском сравнительно-исторический метод применялся без санскрита, но не менее успешно.

Сравнительно-историческое направление в языкознание отвечало потребностями своего времени, поскольку было связано со становлением наций и национальных государств, с преодолением последствий феодализма и другими историческими условиями. Оно оказалось господствующим в Европе на протяжении всего XIX века и даже начала XX -го. Но это направление не было единственным уже в прошлом веке, так как потребности общества в лингвистике тоже были разнообразными.

Например, почти одновременно с Ф.Боппом, Р.Раском и А.Востоковым публикуют свои труды крупнейших философов и лингвист Европы, основоположник общего языкознания Вильгельм Гумбольдт (Германия).⁷ Главный интерес для него представляли не европейские языки, а языки колоний: индейские,

⁶ Настоящая периодизация заметно отличается от предлагаемой другими авторами (см. выше, с.7), но именно она обосновывается всем содержанием данного спецкурса (Примеч. сост.).

⁷ В последние годы Д.И.Алексеев отказался от чтения специальной лекции по лингвистической теории В.Гумбольдта, разбирая этот материал со студентами на семинарских занятиях в виде обсуждения доклада “Труды и взгляды на язык Вильгельма фон Гумбольдта”. В данной же лекции приводился лишь тот минимум информации,

полинезийские, малайские, китайский, язык басков и другие экзотические языки. Не все эти языки имели такую же древнюю письменность, как европейские, поэтому к ним трудно было применить сравнительно-исторический метод, трудно заглянуть в их историю.

В.Гумбольдт и не старался пользоваться сравнительно-историческим методом в том плане, как его современники. Сравнивая языки между собой (причем отнюдь не родственные, т.е. применяя сопоставительный метод), В.Гумбольдт пошел по линии философского, а не лингвистического объяснения различий между языками, как бы продолжая линию ученых XVII-XVIII вв. Он утверждал, например, что язык отражает мышление народа, его дух, предопределенный свыше, из чего и делал вывод о неравноправии языков, считал, что языки, имеющие иной строй, чем европейские, свидетельствуют об умственной отсталости народов. Такое отождествление языка и мышления приводило В.Гумбольдта к идеализму и даже к расизму, который особенно ярко проявился у позднейших немецких последователей В.Гумбольдта (неогумбольдтианцев).

Однако философское направление в языкознании не получило такого бурного развития, как сравнительно-историческое. Точнее сказать - оно переломилось в психологическом направлении, которое влилось в сравнительно-историческое.

Психологическое направление развилось во второй половине XIX века. На западе его видными представителями были Гейман Штейнталь и Вильгельм Вундт, в России - Александр Афанасьевич Потебня. Психологическое направление, влившись в сравнительно-историческое направление, накладывает на него определенный отпечаток, но не вытесняет его. Вернее - сравнительно-историческое языкознание вбирает в себя основные положения психологического направления в качестве теоретической базы и приобретает новое качество.

Таким образом, сравнительно-историческое направление, господствуя на протяжении всего XIX века, видоизменяется, варьируется. Особенно заметный след в истории сравнительно-исторического направления оставили две его разновидности, сменившие одна другую. Это **натуралистическое**, или **биологическое** направление, и **индивидуально-психологическое**, известно под названием **младограмматизма**.

Натурализм и младограмматизм - это, по существу, два периода в развитии европейского компаративизма. Примерные даты расцвета этих направлений: натурализм - 50-60-е годы XIX в., младограмматизм - от 70-х годов XIX в. до первого десятилетия XX века.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Натурализм явился первым заметным направлением в сравнительно-историческом европейском языкознании, которое можно назвать школой в лингвистике.

В дальнейшем подобные школы, достойные внимания, оставившие заметный след в науке, появляются в различных странах: в Германии, в России, в Швейцарии, во Франции.

Каждая оригинальная школа отличается от другой существенными признаками, среди которых наиболее показательными мы считаем следующие три признака:

1. Понимание объекта своего исследования, т.е. языка, его сущности и строения.
2. Понимание развития языка, его движения во времени, законов этого развития.

Как бы лингвист ни старался быть оригинальным в частных вопросах, его рассуждения о языке неизменно будут сводиться к названным двум существенным признакам, в которых отражены соответственно статика и динамика языка.

3. Понимание задач самой науки о языке, исходя из ответов на первые два вопроса, а также понимание места языкознания среди других наук и его структуры как научной дисциплины.

Ответы на эти три вопроса мы и будем искать во всех учениях на Западе и в России при рассмотрении деятельности отдельных ученых.

Итак, натурализм. Он возник в Германии в середине (точнее - во второй половине) XIX в. в рамках компаративизма. Зачинателем, а в дальнейшем главой натуралистического направления был профессор Йенского университета в Германии Август Шлейхер (1821-1868). Шлейхер представлял второе поколение компаративистов. Он прошел школу в славном Йенском университете под Лейпцигом (южнее Берлина), основанном еще в 1558 году. В этом университете преподавали такие светила науки, как Гегель, Фридрих Шиллер и др. Там учился знаменитый философ Лейбниц, а Карл Маркс защищал докторскую диссертацию.

С 1850 г. Шлейхер преподает в Пражском университете (как известно, Чехословакия в прошлом веке не была самостоятельным государством, а входила в состав Австро-Венгрии, дружившей с германскими княжествами), а с 1857 г. он - профессор Йенского университета.

который подтверждал неединообразие лингвистики в характеризуемый период. (Примеч. сост.).

Вслед за своими предшественниками Шлейхер успешно продолжает сравнительно-историческое изучение языков, причем не только германских, но и балтийских, славянских и других.

Успешное описание балтийских и славянских языков, т.е. языков на территории России, принесло Шлейхеру признание за пределами Германии: в 1857 г. он избирается членом-корреспондентом Российской Академии наук и начинает публиковать свои работы не только в немецких, но и в петербургских изданиях на русском языке.

Под влиянием учения английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина, получившего мировую известность в конце 50-х годов прошлого века, Шлейхер, и ранее подходивший к языку с позиций естественных наук (помимо языкознания он интересовался ботаникой), решительно поворачивает в сторону биологизма в лингвистике. Одна из его позднейших работ, опубликованная в 1864 г. на русском языке, так и называется: “Теория Дарвина в применении к науке о языке”.

Главной работой Шлейхера является книга, вышедшая в 1861 г. под названием “Компедий сравнительной грамматики индоевропейских языков”. (Компедий - значит краткое изложение). Эта книга за 15 лет выдержала 4 издания. В ней Шлейхер как бы подводит итог достижениям компаративистики за предшествующие 50 лет и наиболее суммировано излагает собственные взгляды. Книга принесла Шлейхеру мировую известность, она оказала сильное влияние на развитие языкознания, хотя его биологические концепции и не были приняты лингвистами безоговорочно. Сам же Шлейхер свою книгу считал вообще непревзойденной. Свой вклад в лингвистике он сравнивал с вкладом в философию Гегеля, идеи которого разделял. (Гегель работал в том же университете, что и Шлейхер, в 1801-1807 гг.)

В чем же сущность биологической концепции Шлейхера? Чем вообще характеризуется это направление? Биологизм Шлейхера проявлялся последовательно при решении всех трех основных вопросов лингвистики (о сущности языка и его строении, о развитии языка и о задачах его изучения). Так, язык он определяет как **природный организм**. “Язык, - говорит он, - это наивысший организм среди организмов природы, созданный из звуковой материи”. Давая такое определение, Шлейхер полагал, что как Дарвин в естествознании, так и он в лингвистике борется с религией и с религиозной теорией о божественной природе языка: язык от природы, а не от бога!

Биологически понимает Шлейхер и строение языка. Язык служит для звукового выражения мысли. Это осуществляется в слове. Мысль состоит из двух составных частей - понятия и отношений между понятиями. Например, слово **зеленый** состоит из двух компонентов: корня **зелен-**, обозначающего известный цвет и соответствующего в мысли определенному понятию, и формы **-ый**, выражающей в мысли отношение к какому-либо другому понятию, например **лист** (ср.: **зелен-ая трава**).

Разные языки по-разному устроены, в них по-разному осуществляется указанная связь между языком и мышлением. Шлейхер различает три случая проявления этой связи. (Три - возможно, под влиянием Гегеля, который во всем видел триаду).

1. **В изолирующих** (или корневых) языках, типа китайского, бирманского, в слове отражаются только понятия. Средства выражения отношений находятся за пределами слова (слова не имеют формы). Строение слов в этих языках подобно структуре неорганического вещества, например кристалла, то есть слова здесь имеют простейшее строение.

2. **В агглютинирующих** языках (типа турецкого) понятия и отношения уже соединяются в пределах слова, но выражены раздельно в корнях и аффиксах. Между собой корни и аффиксы соединены непрочно, механически, они как бы приклеены друг к другу. Это еще несовершенная структура слова, оно подобно растению (но уже сложнее неорганического кристалла).

3. **В флектирующих** языках (типа немецкого) понятия и отношения более прочно синтезированы, объединены в пределах слова, в слове наблюдается взаимное проникновение (а не механическое скрепление) корней и аффиксов, лексического и грамматического. Это наиболее совершенная структура слова, она подобна животному организму.

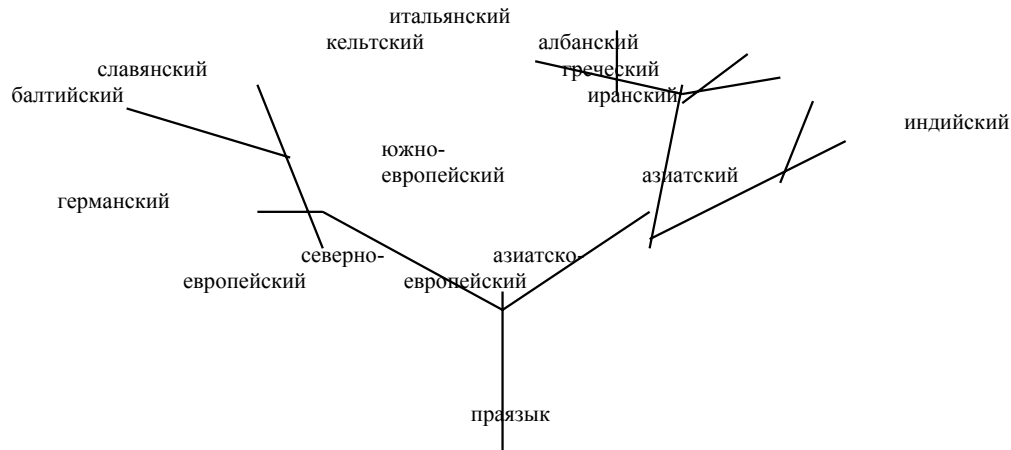
Таким образом, проявляя биологический подход к пониманию сущности и строения языка, Шлейхер говорит о неравноправии языков, причем наиболее совершенными организмами считает европейские языки цивилизованных народов.

Биологизм проявился и при решении второго главного вопроса лингвистики - о развитии языков. Шлейхер, прежде всего, считает, что языки развиваются, как и природные организмы, по законам, не подвластным воле человека.

Языки в своем развитии **проходят этапы** - от низших стадий к высшим: от корневых к агглютинирующим и затем к флектирующим, повторяя развитие природы (кристалл, т.е. неорганическая материя, - растение, или органическая материя, - животное, как высшая форма органической материи). Здесь, как видим, признание неравноправности языков. Но в то же время признается поступательность, прогресс в развитии языков. Высшей стадии достигли индоевропейские и семитские языки (флективные), другие - остановились на низших стадиях.

Однако поступательность в развитии, по Шлейхеру, не является постоянной: **языки, как организмы, сначала достигают расцвета, а потом дряхлеют и идут к упадку.** Так, индоевропейские языки пережили свой расцвет уже в далеком прошлом, в дописьменный период, и с тех пор они не развиваются, а наоборот - дряхлеют и постепенно умирают.

В процессе развития один язык может разделиться на два или несколько языков. То есть процесс возникновения новых языков Шлейхер объясняет лишь последовательной дифференциацией существующих языков. Ему принадлежит **теория праязыка и теория “родословного древа”** (1863 г.), в виде которого он схематически изобразил развитие индоевропейских языков. Сначала, в его представлении, был единый индоевропейский праязык. Затем, в результате миграций народов, он разделился на две ветви: северно-европейскую и азиатско-европейскую. Каждая из них, в свою очередь, тоже распалась на две ветви и так до современного состояния:

По сравнению с азиатско-европейской ветвью языки северно-европейской ветви ушли в своем развитии дальше от языка-предка.

Здесь все соответствует биологии: семья родственных языков, происшедшая от одного предка, соответствует роду животных. Ветви языков и отдельные языки - виду животных; диалекты, наречия - подвидам животных; говоры - породам животных; языки индивидов - особям животных.

Наконец, третий вопрос - о задачах лингвистики. Лингвистика, по Шлейхеру, это естественная наука, она должна быть решительно отграничена от филологии. Филология имеет свое назначение: давать эстетические оценки языковым фактам, предлагать рекомендации в употреблении языковых форм и т.д. **Задача же языкознания - фиксировать законы языкового организма, классифицировать факты языка,** наподобие систематизации в естествознании. Шлейхер сравнивает филолога с цветочником, а лингвиста с ботаником. Главная книга самого Шлейхера, “Компедий”, может служить примером такого скрупулезного, выполненного с немецкой пунктуальностью классификационного труда. “Компедий” прослыл как гербарий натуралистического языкознания.

В своих практических исследованиях Шлейхер продолжал генетические студии истории языковых явлений, начатые основателями сравнительно-исторического направления. **Главной задачей он считал восстановление проформ, употреблявшихся в индоевропейском праязыке.** Разумеется, эти реконструкции носили предположительный характер. Шлейхер даже сочинил басню о коне и о овце, написанную им на праязыке (см. в “Хрестоматии...” В.А.Звегинцева, с.104).

Общественное направление натуралистического направления. Натурализм в целом - пройденный этап, седая старина лингвистики, хотя натуралисты для своего времени и сделали шаг вперед. Некоторые положения Шлейхера, уточненные после него, дожили до наших дней. Таковы, например, положения о родстве индоевропейских языков и происхождении этого родства. Шлейхером заложены основы двух классификаций языков - **генеалогической и типологической** (см. выше три типа языков, выделяемые по морфологической структуре).

Очень важным и плодотворным было признание Шлейхером объективности законов развития языка. Более того, он же и положил начало изучению этих законов, успешно продолженное на следующем этапе (звуковые законы у младограмматиков).

Понятен и простителен вульгарный материализм Шлейхера: он относил язык не к общественным явлениям, а к естественным, потому что в те времена считалось, что только природе, но не обществу свойственны объективные законы.

Заслугой Шлейхера является и выделение лингвистики в самостоятельную науку, отделение ее от филологии, хотя обоснование этого отделения не может быть нами принято.

Очевидны и ошибки Шлейхера. Это - схематизм, умозрительность его построений и рассуждений, стремление подогнать языковые факты под упрощенные схемы. Все это не соответствовало действительности, более сложной, чем представлял себе Шлейхер.

Совершенно неприемлем прямолинейный шлейхеровский биологизм, за который Шлейхера критиковали еще при жизни, а после смерти от него отказались даже прямые последователи и продолжатели натуралистического языкознания, например - Макс Мюллер, профессор Оксфордского университета, придерживавшийся до конца жизни биологического направления, но отказавшийся от упрощенного и прямолинейного биологизма Шлейхера.

Закату биологизма способствовала убедительная критика его со стороны представителей психологического направления, о чем подробнее будет сказано в следующей лекции.

Невольная польза Шлейхера в том, что его рассуждения заставили задуматься других ученых над истинной природой языка и решить этот вопрос если не правильно, то более точно, чем Шлейхер.

Тема 2. МЛАДОГРАММАТИЗМ

Успехи натуралистического направления рано выявили и обнажили в то же время его недостатки и промахи. Критика натурализма началась еще при жизни А.Шлейхера и продолжалась в течение длительного времени в XIX веке. Особенно сильным оказались позиции критиков-психологов. Так, Гейман Штейнталь, основатель психологии XIX века в Германии, современник Шлейхера, решительно выступил против биологического понимания языка. **Природа языка, утверждал Штейнталь, - в психологической деятельности человека, язык служит для выражения внутреннего духовного мира человека.** Поэтому основой для лингвистики может быть только психология, но не биология.

Психологический подход к языку оказался более реалистичным, чем биологический, и он получил широкое распространение в науке. Весь XIX век в Европе (отчасти и в России) проходил в лингвистике под флагом психологизма.

Наиболее мощным было психологическое течение, зародившееся в Лейпцигском университете и получившее название **младограмматизм**. Оно господствовало в Германии и за ее пределами примерно 40 лет, то есть значительно дольше, чем натурализм, а именно с 1878 года, когда был опубликован "манифест" младограмматиков, до 1916 года, когда вышла книга Ф.де Соссюра "Курс общей лингвистики", которая по существу закрыла младограмматизм, да и компаративизм в целом.

Первоначально младограмматизм был воспринят как бунт молодых лейпцигских ученых против засилия шлейхеровского языкознания.

Зачинателями младограмматизма были 29-летний Карл Бругман и 36-летний Герман Остгоф, опубликовавшие в 1878 году в Лейпциге книгу "Морфологические исследования", предисловие к которой и явилось манифестом нового, психологического направления в языкознании. В этом манифесте авторы призывали лингвистов покинуть душную мастерскую, где куются индоевропейские проформы (прямой намек на Шлейхера!) и выйти на свежий воздух осязаемой действительности и современности!

Надо сказать, этот манифест не был выполнен младограмматиками вполне: они, пожалуй, еще глубже, чем Шлейхер, ушли в историю языка, а не в его современность (хотя известное внимание было удалено и современным языкам).

Один из "старичков", сторонник шлейхеровского направления, некий Царнке насмешливо назвал новоявленных критиков натурализма младограмматиками (за возраст, по-немецки - *Junggrammatiker*), и это название прижилось уже и в качестве самоназвания.

Младограмматики, или, по В.И.Кодухову, неограмматики, образовали мощное движение в компаративистике. В Германии его представляли такие ученые, как Герман Пауль (1846-1921) - глава всего

лейпцигского направления, Август Лескин, знаменитый исследователь старославянского языка, Иоганн Шмидт - глава берлинской школы компаративистов и многие другие.

Младogramматических концепций придерживались лингвисты и в других странах: Мишель Бреаль (Франция), Вильям Уитни (США), знаменитый автор теории звукоподражательного происхождения языка, Грацидио Асколи (Италия), автор теории субстрата, то есть остаточных явлений побежденного языка при смешении двух языков, и ряд других.

Крупнейшие русские языковеды XIX века (акад. Ф.Ф.Фортунатов, проф. И.А.Бодуэн де Куртенэ и др.) тоже испытали на себе влияние немецкого младogramматизма.

Главной книгой младogramматиков была книга Германа Пауля "Принципы истории языка" (1880 г.), вышедшая на русском языке в 1960 г. и не потерявшая значения до нашего времени.

Книга считается "катехизисом младogramматизма" (как шлейхеровский "Компедий" - гербарием натурализма).

Опираясь на эту книгу, рассмотрим по порядку главные положения младogramматиков.

1. Понимание сущности языка младogramматиками

Как уже сказано, младogramматизм расцвел под влиянием успехов психологии, особенно ассоциативной.

Ассоциативная психология - господствующее направление в психологии на протяжении XVII - XIX веков. По ее теории все сложные психические процессы объяснялись как результат соединения - ассоциации - простейших процессов: ощущений, представлений, чувства удовольствия и неудовольствия.

Но психология Штейнтала, Вундта, а также философия языка В.Гумбольдта были критически переработаны младogramматиками. В своих воззрениях на язык младogramматики подчеркивали индивидуальное начало, а не коллективное и общественное, о котором писали Штейнталь и Вундт. Таким образом, младogramматики, выступая с резкой критикой шлейхеровского биологизма, не смогли от него полностью отрешиться: признание человека независимым от общества - это тоже своеобразный биологизм, хотя эта независимость и проводилась в области психологии.

Итак, младogramматики понимали язык как средство выражения внутреннего, духовного мира человека.

Развивалась эта идея следующим образом. Язык связан с психическими явлениями, происходящими в сознании человека; он и отражает психику человека, а не его биологию. Язык связан с умственной деятельностью человека, а не с его инстинктами (здесь - стремление отгородиться от прямолинейного шлейхеровского биологизма).

Далее. Поскольку психическая и умственная деятельность индивидуальны по своей природе, то не может быть и речи о какой-то коллективной психологии (как утверждал Штейнталь), об этнопсихологии и вообще о каком-либо народном духе, отразившемся в языке (как утверждал В.Гумбольдт). **Существует, реально только индивидуальная психология.**

Как видим, младogramматики отказываются от всех теоретических, философских концепций своих предшественников (Гумбольдта, Боппа, отчасти Шлейхера и др.).

Но если язык есть продукт психики человека, а психика - индивидуальна, то и язык **индивидуален**. И **каждый индивид имеет свой язык**. Каких-либо коллективных языков реально не существует, реальны только индивидуальные языки. "На свете столько же индивидуальных языков, сколько индивидов" (Г.Пауль).

Г.Пауль, однако, подчеркивает, что индивидуальная духовная и материальная жизнь человека протекает не в изоляции, а в обществе, в окружении других людей. Следовательно, существуют не только индивидуальные факторы в психике и языке, но и какие-то коллективные начала: люди сходно думают, переживают, а также говорят. Общение и понимание с помощью языка - это невозможно было отрицать, и Пауль данное явление признает.

Но здесь возникает противоречие: язык индивидуален, т.е. не приспособлен для общения по своей природе, но этот язык фактически служит для общения.

Как же Пауль выходит из этого противоречия? Он говорит, что в сознании человека есть область бессознательного, где стихийно накапливаются когда-то или услышанные языковые средства. Прибегая в своей речи к этим накоплениям, человек и достигает взаимопонимания: раз он в прошлом что-то понял и запомнил, то и теперь, обратившись к запаснику в области подсознания, он рассчитывает, что его поймут.

В концепцию об индивидуальности языка Пауль вынужден внести понятие **узуса**. Узус - это и есть те языковые средства, которые оказываются общепонятными и общепринятыми. Это нечто среднее, противостоящее индивидуальной речевой деятельности, состоящей не из узуального, а из окказионального. Узус - это по существу общепринятая языковая норма.

Таким образом, в концепции Г. Пауля проявились зачатки учения о языке и речи, развитого позднее Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром.

Итак, младограмматики понимают язык как явление, имеющее две функции: 1) обслуживание внутренних индивидуальных психических потребностей - это главная функция; 2) внешняя функция, обеспечиваемая узусом, - для связи с другими людьми. Но это уже вторая, а не первая функция, хотя и важная.

В целом же такое понимание языка представляет собой шаг вперед по сравнению с натурализмом Шлейхера.

2. Младограмматизм о развитии языка

Младограмматизм, как и натурализм, сохранил и даже усилил историческую направленность языкознания. Здесь решались многие вопросы истории языка: **причины** языковых изменений; **законы** языкового развития; проблема **взаимодействия** языков и ряд других.

О причинах развития языка говорилось следующее. Поскольку язык - явление индивидуальное, а не общественное, то и причины развития надо искать в индивидууме, а не в обществе. Конечно, человек развивается в обществе, но принципиально он может жить и без общества, как Робинзон на острове. Человек сам способен создавать круг представлений и суждений, то есть свою психику и соответствующие средства для выражения психики, то есть язык. Роль общества лишь в том состоит, что этот процесс облегчается и убыстряется. Самостоятельно любой человек не скоро открывает теорию Пифагора, гораздо проще выучить эту теорию, уже открытую кем-то другим.

Таким образом, обществу в процессе развития человека и языка отводится весьма скромная роль. Вывод делается крайне индивидуалистический: "Каждый индивидуум,- говорит Г. Пауль, - имеет свой собственный язык, и каждый из этих языков имеет свою собственную историю".

Далее. В своей речи каждый индивидуум, чтобы быть понятным, пользуется узуальными средствами. Добиваясь лучшего понимания, он бессознательно допускает отклонения от узуса. Поиски лучшего самовыражения ведут к изменению узуса. Если отклонения от узуса индивидуальны (например, в свое время кто-то из журналистов назвал лабораторию, запущенную в сторону луны **лабником**), то они не имеют последствий для развития языка. Если же они совпадают у многих индивидов, то такие изменения становятся узуальными.

Пауль различает положительные и отрицательные изменения узуса. Появление нового слова - это положительное изменение. Утрата - отрицательное.

Все изменения происходят в речи. Большую роль играет подражание старшим. Например, чье-либо произношение (как образец хорошего вкуса) путем подражания широко распространяется, становится модой и превращается в узус.

Следует заметить, что, настаивая на индивидуальных причинах всех языковых изменений, Пауль - противоречиво и непоследовательно - подчеркивал и общественный фактор: "Только в обществе возможна культура, только общество делает человека историческим существом".

Младограмматики не только иначе - с психологических позиций - решали вопросы развития языка, чем натуралисты с биологических позиций, но и брали совсем не те стороны этой проблемы. Так, если Шлейхера интересовало, **как** происходит развитие языка, то Пауля - **почему** происходят изменения, каковы **причины** языковых изменений. В то же время, как уже отмечалось, не все положения натурализма младограмматики отвергли. Они, в частности, приняли на вооружение идею Шлейхера об объективности изменений в языке, о закономерном характере развития, но внесли в это положение существенные уточнения. Например, они считали, что все звуковые изменения в языке зависят от индивидуума, а именно - или от **физиологии** (артикуляции) говорящего, или от его **психологии**. Так, оглушение звонких согласных перед глухими имеет физиологическую причину. Ср. в произношении: *рыба - рыпка*, где голосовые связки, готовясь к произношению глухого **к**, выключаются заранее, почему **б** и произносится без голоса. Аналогичным образом можно объяснить и другие изменения, например: *просить - прозьба, сварить - шишить*, (вместо: *сшить*), *плету - плести* (вм.: *плетти*) и т.д. В других случаях - причина ассоциативно-психологическая. Например, по ассоциации со склонением: *чулки- чулок* стали склонять и: *носки - носок* (вм.: *носков*); по ассоциации с формами *сна - сон, лба - лоб, рва - ров*, стали говорить и огня - *огонь* (вм.: *огнь*, как было первоначально). По ассоциации с формами *клен, клена, клену* стали говорить и на *клене*, хотя должно бы быть перед мягким согласным: *на клене*. Ср. случаи, где ассоциация не действовала: *плетка*

- *плеть, веселый - веселье, села - сельский* и т.д. Или: по ассоциации с *козленок - козлята, ягненок - ягнята* стали говорить и *опенок - опята*, хотя здесь нет суффикса *-енок*.

Таким образом, младограмматики установили наличие двух типов закономерных языковых изменений в процессе развития языка:

1 тип - изменения по физиологическим причинам. Они были названы **звуковыми законами** (их существование в языке открыл еще Шлейхер).

2 тип - изменения по ассоциативно-психологическим причинам. Они были названы **законами аналогии**. Это достижение младограмматиков. Здесь сказалось положительное влияние ассоциативной психологии, которая была положена в основу учения младограмматиков.

Представители старшего поколения младограмматиков утверждали, что если изменения по аналогии допускают исключения, то изменения по звуковым законам - абсолютны, обязательны. Звуковые законы действуют безотказно, со слепой необходимостью, со слепой силой законов природы. То есть звуковые законы в области языка отождествлялись с физическими законами, действующими в природе, например, одинаково независимо от воли людей в русском языке отвердели шипящие *ш, ж* (в древнерусском языке они были мягкими), а в природе действует закон тяготения. Данное утверждение было ошибочным, и позднее младограмматикам пришлось отказаться от абсолютизации действия звуковых законов (уже Пауль отказался в своих поздних работах). Было доказано, что действие звуковых законов в языке ограничено рядом факторов, в том числе территориальным, временным и другими.

Что касается **взаимодействия языков** в процессе развития, то в этом вопросе младограмматики по существу не сказали ничего нового. Они приняли родословное древо Шлейхера за основу и лишь внесли уточнения в его рисунок. К примеру, в 1871 г. Август Фик (Геттингенская школа) утверждал, что из индоевропейского праязыка сразу же выделились две ветви - европейская и азиатская, а потом уже общеевропейский язык разделился на ветви южно-европейскую и северно-европейскую (по Шлейхеру, южно-европейская ветвь долго объединялась с азиатской).

Таким образом, младограмматики, как и Шлейхер, придерживались в этом вопросе так называемой теории **миграций**, по которой появление европейских языков объяснялось переселением народов. Был-де когда-то на территории Европы единый пранарод с единым праязыком. Потом он постепенно расселялся на новые земли. В новых условиях обособленного развития эти новые народы и развили современные языки: русский, немецкий, греческий т.д. А основа у них сохранилась старая, праязыковая.

Но в общем -то следует заметить, что младограмматики эти крупные проюлемы считали второстепенными, они были убежденными эмпириками: наблюдали то, что есть, и делали из этих фактов выводы.

3. Понимание задач лингвистики

Младограмматиками было пересмотрено и понимание лингвистики как науки естественноведческой (по Шлейхеру). Язык, говорит Пауль, тесно связан с культурой, поэтому и языкознание должно быть отнесено к наукам о культуре, то есть к гуманитарным наукам. А поскольку в человеческой культуре и ее развитии важнейшим фактором выступает психика, то именно на психологию должно опираться языкознание как на базу, а не на естествознание. Изучаться должны индивидуальные языки, ибо только они имеют свою историю. Национальный язык - это фикция (ср. у А.А.Шахматова), это лишь сумма индивидуальных языков. Пауль говорил, что в идеале история языка складывается из истории каждой личности. Но изучение всех индивидуальных историй недостижимо. Тем не менее к этому надо стремиться, наука должна знать свой идеал.

Положительное у младограмматиков

1. Младограмматики выделили фонетику в самостоятельную научную дисциплину. Внимание к индивидуальному привело к развитию экспериментальной фонетики. Впервые стали изучаться особенности произношения, артикуляции, созданы специальные приборы, организованы фонетические лаборатории (в 1881 г. в Париже, несколько раньше - в Казани). Наблюдение над произношением показало, что многие изменения в звуках объясняются артикуляционно, например ассимиляция звуков, выпадение согласных в труднопроизносимых сочетаниях и т. д.

2. Призыв зачинателей младограмматизма уйти из душной мастерской (где "куются" индоевропейские праформы) на свежий воздух осязаемой действительности привел к тому, что вместо истории записанных языков стали изучаться живые, произносимые языки в своих разновидностях. С 80-х годов возникает **диалектология**. Изучается именно звуковой язык, а не буквенный, как это нередко имело место у лингвистов первой половины XIX века.

3. С младограмматиками связано совершенствование сравнительно-исторического метода. Главной задачей считалось установление звуковых законов, по которым происходят и происходили исторические изменения в языках. Для этого неизбежно было обращение к родственным языкам и к истории изучаемых

языков. Все исследования оказались подчиненными главной задаче. Это и подчеркнул Пауль в своем определении характера лингвистики: языкознание есть историческая наука, и никакого иного языкознания, помимо исторического, нет и быть не может. Описательное языкознание только тогда становится научным, когда факты современных языков получают в нем историческое объяснение. Однако в отличие от Шлейхера и его последователей младограмматики не докапываются до родословной, а ограничиваются установлением соответствий.

Надо сказать, что в исследовании звуковых законов младограмматики добились блестящих успехов. Как заметил Ф.Шпехт (современный поздний немецкий младограмматик), за первые 15 лет младограмматики сделали столько открытий в исторической фонетике и морфологии, сколько не сделали лингвисты за все последующие 50 лет.

Современная историческая грамматика процентов на 80-90 держится на старых открытиях, сделанных с младограмматических позиций. Любопытно, например, сравнить следующие факты: если Шлейхер говорил о 24 звуках в языке, то у младограмматика Бертольда Дельбрюка их уже 73! Еще один пример открытий. Долгое время оставалось непонятным, почему в немецких словах типа *Vater* (отец), *Mutter* (мать) и *Bruder* (брат) в одних случаях произносится *t* а в других - *d*, хотя в латинском эти слова имеют одинаковые согласные (*pater*, *mater*, *frater*). Объяснение нашел датский младограмматик Карл Вернер, который увидел здесь зависимость передвижки согласных от ударения. Он обнаружил, что полторы тысячи лет назад немцы произносили первые два слова с иным ударением - на конечном слоге, а согласный был звонким в отличие от латинских слов: *fadar*, *modar*. Перед ударным слогом и произошло оглушение (передвижение согласных): вместо *d* стал произноситься *t*. *Vater*, *Muter*. В слове же *Bruder* и тогда было ударение не первом слоге, в заударной позиции оглушения не произошло, поэтому в данном слове и сохранился древний звук *d*. Это открытие получило название "закона Вернера".

Немцы, кстати сказать, досадовали, что открытие сделал какой-то датчанин, но потом успокоились: оказалось, что отец Вернера был немец, ремесленником из Верхней Саксонии, когда-то эмигрировавшим в Данию.

4. Открытие Вернера положило начало еще одной отрасли языкознания - акцентологии, т.е. учению об ударении.

5. Младограмматикам принадлежит открытие закона аналогии.

6. Опираясь на звуковые законы и законы аналогии, младограмматики правильно объяснили происхождение многих слов и тем самым основали **научную этимологию**. Младограмматиками были созданы первые этимологические словари. Из их среды вышли такие видные ученые-этимологи, как Фасмер, Бернекер, Уленбек и другие.

7. В области морфологии и синтаксиса заслуги младограмматиков скромнее, но и здесь некоторые их наблюдения весьма существенны. Во-первых, они уточнили идею Шлейхера о том, что флексия является единственным средством грамматического значения. Младограмматики доказали, что кроме флексии средствами морфологии являются также ударение, интонация, служебные слова и порядок слов. Во-вторых, младограмматики дополнили и утверждение Шлейхера о том, что флексия возникает в результате агглютинации (т.е. приклеивания к основе), показав, что флексия может образовываться также путем разложения и переразложения основы.

Критика младограмматизма

Она началась уже в 1880-е годы, т.е. в период расцвета младограмматизма, и в дальнейшем усиливалась. Кончилось дело значительным отходом от младограмматизма в XX веке и поворотом к новым направлениям во всей европейской и международной лингвистике. Из наиболее крупных недостатков, которые признаются при исторической оценке младограмматизма и теперь (с позиции нашего времени), назовем следующие:

1. **Узкое понимание задач лингвистики.** В качестве объекта лингвистики признавалась только история языка. Между тем исторический подход не позволял разрешить все проблемы, стоявшие перед лингвистикой и выдвигавшиеся вновь в связи с развитием общества.

Узкое понимание сказывалось в том, что сравнительно-исторический метод считался универсальным методом, способным раскрыть все тайны языка и разрешить все задачи. Однако оказалось, что жизнь выдвинула такие задачи по изучению языка, при разрешении которых сравнительно-исторический метод бессилён. Например, он не годится для изучения взаимоотношений между неродственными языками.

Уже Бодуэн де Куртенэ выдвинул идею о необходимости двух подходов к изучению языка: не только **динамического** (т.е. исторического, как у младограмматиков), но и **статического** (т.е. неисторического, описательного). В начале XX века эта идея получила дальнейшую разработку у Соссюра как учение о диахронии и синхронии в языкознании.

В XX веке наблюдается отказ от диахронии младограмматиков вообще и переход к синхроническому языкознанию.

II. Эмпиризм и атомизм в исследовании фактов языка, уход в индуктивные наблюдения.

Младограмматики занимались тем, что наблюдали факты языка, накапливали их, забывая о системных связях этих фактов. Прием наблюдения и накопления фактов в этот период господствовал во всех науках, то же и в лингвистике.

Младограмматики как бы анатомировали, препарировали язык, не уделяя большого внимания синтезу, установлению системности языка. Открытия младограмматиков, сохраняющие силу и теперь, все же остаются атомистическими, разрозненными. Показательными являются даже самые их названия, например: история звука Ъ в русском языке, падение редуцированных и др.

В исследованиях младограмматиков проявляется и эмпиризм, - в частности в том, что они исключили из науки все проблемные философские вопросы типа: происхождение языка, язык и общество, язык и культура и т.д. В этом отношении их наука была даже беднее, чем у предшественников.

Бодуэн де Куртэн высмеивал младограмматиков за их преувеличенное внимание к индивидууму и забвение роли общества в языке.

Он писал в 1910 году о младограмматиках: “Для этих людей постоянно существует некий индивидуум, олицетворяющий все человечество..., который говорит непрерывно, никогда не закрывая рта... Они считают носителем вариантности языка некое воображаемое существо, олицетворяющее собой человечество, и исследуют относящиеся к нему факты, отвлекаясь от социального общения людей (Избранные труды по общему языкознанию: В 2 томах. - М., 1963. - Т.2. - с.206).

В противовес младограмматикам Бодуэн выдвигает идеи, позднее блестяще развитые Соссюром, о необходимости различать язык и речь, внешнюю и внутреннюю лингвистику и т.д.

III. Младограмматики замкнулись в исследовании старописьменных языков, языков индоевропейской семьи, поскольку только наличие многовековой истории у языков, многочисленные памятники письма обеспечивают успех сравнительно-исторического метода. Таким образом, лингвистическая база оказалась суженной рамками Европы. В XX веке развитие человечества потребовало втянуть в орбиту исследований многие другие языки мира, помимо европейских.

4. Для младограмматиков характерен в истории языка уход в фонетику, а в фонетике - в аналогии и звуковые законы, которые они абсолютизировали. Почти не исследовался синтаксис (кроме Дельбрюка), в морфологии тоже подчеркивались фонетические причины изменений.

Учение о звуковых законах подверглось многосторонней критике. Так, австрийский ученый Шухардт упрекал младограмматиков за то, что развитие фонетики слов они отрывали от изучения развития семантики.

Бодуэн говорил о множественности причин изменения в языке, о влиянии экстралингвистических факторов на развитие отдельных явлений, в том числе и фонетических. Он высмеивал идею о том, будто бы “каждое фонетическое изменение имеет своего автора, своего инициатора..., а другие люди следуют его примеру, подражают ему, как овцы или гуси” (1910 год. Указ .соч., т.2. С.207).

В этом, конечно, сказывается вульгаризация законов развития языка, механистическое объяснение этого развития у младограмматиков.

Представителям Казанской и Московской лингвистических школ принадлежит разработка идеи комплексного объяснения причин звуковых изменений. В частности, учитываются: фонетическое окружение; влияние морфологии (морфологизированные чередования); возрастные особенности говорящих и социальные условия функционирования языка; влияние диалектной речи; влияние письма на произношение и др.

Напомним также о неабсолютности звуковых законов, ограничении их действия временем, сферой (язык, диалект), законами аналогии.

Таковы основные минусы младограмматизма, с преодолением которых были связаны поиски новых путей в лингвистике.

Тема3. РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В XX ВЕКЕ

На преодоление догматизма и узости младограмматизма, господствовавшего в конце XIX века, были направлены усилия многих европейских лингвистов в начале XX века. Особенно крупные успехи,

достигнутые на этом пути, связываются с тремя лингвистическими школами: московской - во главе с Ф.Ф.Фортунатовым, казанской - во главе с Бодуэном де Куртеном⁸ и швейцарской социологической школой во главе с Ф. де Соссюром. Тот факт, что две из этих школ были русскими, свидетельствовал об определенном успехе русского языкознания конца XIX века. Этот успех был не случайным. Он подготовлен всем ходом развития лингвистики в России в течение XIX века. Что же было характерно для нее в этот период?

Прежде всего, как и во всей Европе, русское языкознание в XIX веке было **сравнительно-историческим**. Уже отмечалось, что среди зачинателей мирового (европейского) компаративизма был и русский лингвист - Александр Христофорович Востоков, который в 1820 году опубликовал свою знаменитую статью под названием "Рассуждение о славянском языке..." (в соответствии с традициями того времени статья имела более длинное название). Помимо А.Х.Востокова сравнительно-историческое языкознание в России представляли такие выдающиеся ученые XIX века, как акад. Федор Иванович Буслаев (1818-1897), проф. Измаил Иванович Срезневский (1812-1880), акад. Игнатий Викентьевич Ягич (1838-1923), проф. Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891), акад. Яков Карлович Грот (1812-1893) и др.

Какими же проблемами занимались эти ученые? Каковы были направления их деятельности?

Таких направлений было несколько. Главные из них - сравнительно-историческое изучение языков, создание грамматик русского языка, лексикографическая и собирательская деятельность. Кратко охарактеризуем их.

I. Сравнительно-историческое изучение языков

Разумеется, русские лингвисты не следовали слепо за европейским компаративизмом, а решали свои внутренние, российские проблемы. Чаще всего они исследовали историю старославянского языка, а затем и русского (в старославянском языке они видели ключ к решению всех вопросов сравнительно-исторического языкознания). Зачинателем компаративизма в России, как известно, был А.Х.Востоков, который обратился к изучению истории именно старославянского языка (и установил, в частности, звуковое значение отдельных его букв - юсов, еров и т.д.). Но главным специалистом по истории старославянского языка был И.В.Ягич. Родом И.В.Ягич был из Хорватии, там он родился и умер, но с 1880 по 1886 год жил и работал в России, возглавляя после смерти Срезневского кафедру славянской филологии в Петербургском университете. После смерти его учителя Миклошича в Вене, он уезжает туда руководить кафедрой славянских языков. В Вене, так же как и до этого у себя на родине, а еще раньше в Берлине и в России, он был избран академиком.

Любопытна скромность прославленного слависта. Когда Ягич приехал в Петербург и ему предложили читать курс русского языка, который обычно вел И.И.Срезневский, тот согласился, но готовился к нему в течение трех лет.

Впервые в истории Петербургского университета Ягич начал читать там курс польского языка, пользовавшийся у молодежи особой популярностью.

В целом сравнительно-исторические исследования русских ученых велись по следующим проблемным направлениям:

1. **Происхождение славянской письменности** и двух славянских алфавитов, глаголицы и кириллицы. Ягич, в частности, был крупнейшим специалистом по глаголице.

2. **Развитие славянской письменности**, в частности проблемы палеографии. И А.Х.Востоков, и И.В.Ягич были первыми крупными палеографами. Из более поздних палеографов особенно известен проф. В.Н.Щепкин, дело которого продолжила его дочь М.В.Щепкина.

3. **Происхождение и развитие старославянского языка**. Велись работы и по изучению истории собственно **русского языка**, а также началось описание его современного состояния (как правило, с историческими комментариями). В этой области работали А.А.Барсов, Ф.И.Буслаев, акад. Н.И.Греч, К.С.Аксаков (сын писателя), Н.П.Некрасов, А.А.Потебня, А.И.Соболевский и др.

II. Создание грамматик русского языка

В XIX веке в создании грамматик, по традиции продолжающих сохранять исторический характер, принимают участие такие крупные лингвисты, как А.Х. Востоков: Ф.И.Буслаев, А.А.Потебня и др. Так, в 1831 году была издана "Русская грамматика" А.Х.Востокова.

Сам Востоков не был преподавателем. Говорят, что преподавать ему мешал сильный дефект речи (а возможно, он даже был немым). Весь

⁸ Вопрос об отношении обеих русских школ к младограмматизму решается историками языкознания по-разному. Например, их нередко включают в младограмматическое направление в качестве особого течения. (См. об этом дальше, с.39 и др. Примеч. сост.)

свой талант ученый посвящает исследовательской деятельности. Работал он не в университете, а в библиотеке, сначала в Академии художеств⁹, затем в Петербургской публичной библиотеке и, наконец, в библиотеке Румянцевского музея в Москве (недавней Библиотеке им. В.И.Ленина), где был старшим библиотекарем. За научную деятельность А.Х.Востокову заочно присвоили звание доктора философии Тюбингенского университета в Германии (1825), а также Пражского университета (1848); в 1841 году он был избран академиком Петербургской Академии наук, почетным членом Московского и Харьковского университетов (в 1855 и 1856 гг.).

Изданная Востоковым в 1831 году грамматика называлась Сокращенной русской грамматикой и предназначалась в качестве учебного пособия для низших учебных заведений. Она переиздавалась 16 раз. В том же году Востоков издает полную грамматику, в два раза больше по объему (407 страниц вместо 207 в сокращенной), которая выдержала в дальнейшем 12 изданий. Эту научную грамматику очень высоко оценивал В.Г.Белинский, И.И.Срезневский и др. ученые. Акад. В.В.Виноградов, занимаясь уже в наше время историей синтаксиса, подчеркивал в грамматике Востокова преемственность, продолжение традиций М.В.Ломоносова и отмечал ее сильное влияние на последующие исследования по русскому языку.

В 1858 году под названием “Опыт исторической грамматики русского языка” выходит грамматика Ф.И.Буслаева, уроженца Пензенской губернии, профессора Московского университета, в 1860 году избранного академиком Российской Академии. В 1863 году опубликовано второе издание этой книги (уже без слова “опыт”), которое положило начало вузовскому курсу исторической грамматики. Пользуясь большой популярностью, эта книга только при жизни Ф.И.Буслаева переиздавалась пять раз, шестое издание вышло в советский период. Своеобразием данной грамматики является то, что главное внимание в ней уделяется предложению. Ф.И.Буслаев считал, что люди начинали не со звуков, которые потом складывали в слоги (а слоги в слова и предложения), а с предложений, ибо только в предложении высказывается мысль. Потом уже из этой мысли выделяются отдельные элементы. Следовательно, история языка должна быть прежде всего историей синтаксиса. (К сожалению, до сих пор история языка изучает историю синтаксиса только в последнюю очередь).

Ф.И.Буслаев (как и И.И.Давыдов) - крупнейший представитель **логико-грамматического направления в XIX веке**. (Хотя, несмотря на то что логико-грамматическое направление смешивает логическое и языковое, Ф.И.Буслаев специально разграничивает их!)

Определенной реакцией на логико-грамматическое направление было **психологическое направление**, возглавлял которое в России проф. А.А.Потебня. А.А.Потебня, крупнейший лингвист XIX века, всю свою жизнь проработал в Харькове. Некоторые исследователи считают его основателем Харьковской лингвистической школы. К ученикам Потебни принадлежат проф. Д.Н.Овсяннико-Куликовский и акад. Б.М.Ляпунов (по другим данным, последний является учеником Ягича и представителем московской школы Ф.Ф.Фортунатова; однако и сама московская школа, и выходцы из нее, особенно А.М.Пешковский и А.А.Шахматов, испытали на себе огромное влияние Потебни). Начав свои научные публикации по лингвистике в 1862 году с работы “Мысль и язык”, высоко оцениваемой специалистами до сих пор, Потебня издает затем одну из самых фундаментальных русских грамматик под названием “Из записок по русской грамматике”. Написанная по материалам докторской диссертации, она выходит разными выпусками: I и II тома в 1874 году, III том в 1899 году, IV том в 1941 году. В этой работе Потебня рассмотрел основные вопросы лексикологии и морфологии, дал анализ важнейших проблем синтаксиса.

III. Русская и славянская лексикография

Зачинателем этого направления деятельности русских лингвистов также следует считать А.Х.Востокова, который в 1858-61 годах издал первый исторический словарь церковно-славянского языка. Наиболее обстоятельный словарь древнерусского языка (с XI по XIV в.) был составлен И.И.Срезневским

⁹ Дело в том, что Востоков, внебрачный сын графа Остен-Сакена, немца из г.Кингисепа, б.Аренсбурга, в Эстонии, после окончания Кадетского корпуса учился в академии художеств, готовясь стать архитектором, и был оставлен на пансионе при Академии, где и прирабатывал в Вольном обществе любителей словесных наук и художеств на должностях переводчика и библиотекаря.

(сам Срезневский работал над словарем в течение сорока лет, а затем 32 года продолжала его работу дочь). “Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам” выходили уже после смерти И.И.Срезневского в течение 22 лет в трех основных и одном дополнительном томах. Оставаясь до настоящего времени непревзойденным лексиконом древнерусского языка (в нем обработаны материалы из 2700 древних памятников письменности), словарь выдержал три издания (последнее в 1958 году). Большим событием в лексикографии XIX века было также издание “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И.Даля.

IV. СобираТЕЛЬСкая деятельность

В XIX веке, попутно с другими направлениями работы, осуществляется **разыскание и публикация** старославянских и древнерусских памятников письменности. Так, уже в самом начале века, в 1800 году, было опубликовано незадолго перед этим открытое “Слово о полку Игореве”. В 1843 году А.Х.Востоков опубликовал “Остромирово евангелие” (его издание до сих пор считается одним из лучших). Изданием древних памятников старославянской письменности занимаются также И.И.Срезневский, И.В.Ягич и др. Этими учеными была проделана колоссальная работа, поскольку подготовка памятников к изданию требовала много времени и сил. Так, даже небольшой памятник - Синайская псалтырь - готовился целым коллективом ученых в течение двадцати лет (он был издан в 1922 году). Можно оценить труд Ягича, который за 40 лет издал более десяти крупнейших памятников старославянской письменности.

К этому же роду деятельности **относится составление научных описаний** рукописных памятников, разбросанных в разных местах по России (в монастырских библиотеках, в хранилищах, в архивах и т.д.), и публикация таких описаний. Этим занимались также А.Х.Востоков, Ф.И.Буслаев, И.И.Срезневский, А.А.Шахматов и многие другие лингвисты и филологи. Наличие таких каталогов позволяло находить нужные рукописи и изучать их, причем не только русским, но и зарубежным славистам. Полезно это было и в том отношении, что исключало исчезновение и похищение рукописей.

Известен такой случай. В Россию в конце XVIII века неоднократно приезжал немецкий профессор Маттеи, крупный специалист по греческой и латинской филологии, для изучения древних рукописей в наших архивах и библиотеках. Он был даже принят на работу в Московский университет, награжден Екатериной II и пр. В 1811 году он умер. И вот только в конце XIX века, в связи с поисками легендарной библиотеки Ивана Грозного, один из работников архива, С.А.Белокуров (умер в 1918 г.), установил, что почтенный профессор выкрал в России более 50 уникальных книг и вывез их в Германию, где и продал за большие деньги в библиотеки (большой частью в Дрезденскую). Только после 1945 года удалось вернуть большую часть из них в нашу страну. (Подробнее см.: Р.Пересветов. По следам находок и утрат. М., 1963).

В целом, таким образом, для ученых славистов XIX века характерна широта исследовательских интересов. Они были и лингвистами, и палеографами, и лексикографами, и филологами, и этнографами. Разносторонние достижения их многогранной деятельности и подготовили почву для возникновения в России двух крупных лингвистических школ - московской и казанской.

Тема 4. МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ЛИНГВИСТОВ

ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ В ЛИНГВИСТИКЕ (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

Младограмматизм уже в период своего развития и расцвета, т.е. в 80-90-е гг. XIX в., не смог удовлетворить всех потребностей, поставленных жизнью перед национальными языковедами и мировым языкознанием. Многие ученые, приезжавшие учиться в Лейпциг, уезжали оттуда, не получив ответов на все вопросы.

Начинаются поиски новых путей в лингвистике. В различных странах возникают свои школы и направления. Особенно крупными были три школы: 1) Московская школа лингвистов во главе с академиком

Ф.Ф.Фортунатовым, 2) Казанская школа во главе с проф. И.А.Бодуэном де Куртенэ и 3) Швейцарская школа во главе с Ф. де Соссюром.

Кроме этих трех школ существовали в это время менее значительные направления, не сыгравшие большой роли в лингвистике в целом, но все же повлиявшие на пересмотр отдельных важных проблем в языкознании. Таковы школы: 1) австрийская школа слов и вещей Гуго Шухардта 2) немецкая (мюнхенская) школа эстетического идеализма Карла Фосслера, 3) итальянская школа неолингвистов. Позднее на смену этим школам приходит структурализм - течение, охватившее всю мировую лингвистику XX века.

О ШКОЛАХ ФОРТУНАТОВА - БОДУЭНА - СОССЮРА

Названные школы занимают промежуточное положение между младограмматизмом XIX века и структурализмом XX века, поэтому вопрос об их тяготении к XIX или XX веку решается историками языкознания не одинаково.

С младограмматиками все эти школы объединяют следующие особенности:

1. Понимание языка как психического явления. Вообще по основным вопросам все три школы не отличаются большой оригинальностью, включая соссюровскую.

2. Сравнительно-исторический характер многих конкретных исследований и Фортунатова, и Бодуэна, и раннего Соссюра.

3. Признание всех названных ученых "своими" в школах поздних младограмматиков. По образованию все три ученых связаны с Лейпцигской школой.

Опираясь на сказанное, некоторые историки науки рассматривают все эти школы как второй этап младограмматизма. Так, например, считают М.В.Черепанов (Саратов), автор учебника по общему языкознанию¹⁰, Т.А.Амирова, Б.А.Ольховиков и Ю.В.Рождественский в "Очерках по истории лингвистики". Без оговорок Фортунатов, Бодуэн и Соссюр отнесены к младограмматикам А.А.Леонтьевым в БСЭ.

Однако при сходстве с младограмматизмом ряд существенных черт сближает школы Фортунатова, Бодуэна и Соссюра с языкознанием XX века. Среди них:

1. Более высокая, чем у младограмматиков, оценка социальной, общественной сущности языка. Так, соссюровское направление, послужившее теоретической базой для структурализма, в истории языкознания называется социологическим.

2. Отход от диахронического направления к синхроническому. В связи с этим - резкая критика младограмматизма, особенно в понимании задач лингвистики.

3. Смена целевых установок в науке о языке. Главным для указанных школ становится не раскрытие законов развития языка, а изучение его современной системы, особенно грамматики. Отсюда - особое внимание к выявлению объективных единиц в системе языка. Так, Бодуэн, в качестве центральной единицы, выделил в языке **морфему**, Фортунатов - **словоформу**, Соссюр - **парадигму**.

4. Школы Фортунатова, Бодуэна и Соссюра дали в основном современную систематизацию языкознания, они выделили новые разделы в нем, получившие позднее признание, например словообразование, фонологию, прикладную лингвистику, методику преподавания. В XIX веке такой систематизации не было.

Показательно признание языковедами XX века названных ученых в качестве своих непосредственных предшественников, использование их идей и дальнейшее развитие этих идей. Так, структуралисты приняли на вооружение синхронизм "промежуточных" школ и сделали его единственным "достойным науки" направлением. Восприняли структуралисты и учение о единицах языка, но внесли в их понимание свои особенности¹¹.

¹⁰ Интересно, что М.В.Черепанов в своем учебнике признает три российские лингвистические школы: Московскую, Харьковскую (возглавляемую А.А.Потебней) и Казанскую. При этом первые две он ставит ниже третьей. Казанскую школу он выделяет особо и рассматривает ее под отдельным заголовком. Особо рассматриваются также концепции Соссюра и Шухардта. О Фортунатове же и Потебне говорится в общем обзоре русской лингвистики, как о чем-то неважном и второстепенном. Такая расстановка лингвистических течений того периода не может быть признана объективной.

¹¹ В частности, соответственно противопоставлению языка и речи структуралисты расщепили единицы языка, выделенные предшественниками, на "эмовые" - относящиеся к языку (фонема, морфема, семема и т.д.) и "алловые" - относящиеся к речи (аллофон, алломорф, аллосема и т.д.).

Современные историки лингвистики (Ю.В.Рожественский и др.) Соссюра вообще зачисляют в структуралисты.

Таким образом, есть основания считать школы Фортунатова, Бодуэна и Соссюра новыми направлениями в лингвистике, как бы первым этапом современного структурализма. Так считает, например, проф. В.И.Кодухов.

Что касается связи обсуждаемых школ с младограмматизмом, то, как уже говорилось, и она имела место. Этот факт лишней раз свидетельствует о том, что в развитии науки при любой смене школ и направлений сохраняется преемственность, опора на достигнутое, уважение к предшественникам.

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ЛИНГВИСТОВ

Основатель и глава школы - Филипп Федорович Фортунатов (1884-1914), уроженец г.Вологды. Московская школа - первая по времени русская школа, а Ф.Ф.Фортунатов - первый русский лингвист с мировым именем. Как заметил немецкий ученый А.Брюкнер, "Фортунатов - первый русский языковед большого стиля". (На самом деле таким же был и современник Ф.Ф.Фортунатова - А.А.Потебня). По словам ученика Ф.Ф.Фортунатова, академика А.А.Шахматова, "не только русская лингвистическая семья, но и иностранцы признали Фортунатова гениальным ученым".

Действительно, у Ф.Ф.Фортунатова были последователи во многих странах, в частности в Норвегии, Финляндии, Швеции, Дании, Голландии, Франции, Германии, Чехии, Румынии и др. Ученые из этих стран приезжали в Москву на лекции Фортунатова, как когда-то в Лейпциг на лекции знаменитых младограмматиков.

Однако, как утверждал А.А.Шахматов, Фортунатов "шел впереди немецкой лингвистики", которая считалась самой передовой в мире.

В самом деле, научная деятельность Фортунатова началась еще до "официального" провозглашения младограмматизма, в Московском университете, который он закончил за 10 лет до "манифеста" младограмматиков, опубликованного в 1868 году, и был оставлен в нем в качестве будущего профессора. За 43 года своей научной деятельности он прошел путь от студента до академика.

Собирая материалы для магистерской диссертации (по диалектам санскрита), Фортунатов два года проводит в Европе (но не в Индии?!), слушает лекции будущих младограмматиков - Лескина в Лейпциге, Мишеля Бреала в Париже. Он многое воспринял от младограмматиков, но во многом и обогнал их. Его взгляды изложены в курсах лекций, издававшихся студентами литографическим способом. (Сам он почти не публиковал своих работ - всего 37 публикаций.)

Ф.Ф.Фортунатов с первых же шагов своей научной деятельности показал свое превосходство над младограмматиками. Так, ученый раньше младограмматиков начинает критику шлейхеровского натурализма. Уже в 1875 г., за три года до "манифеста" младограмматизма, Ф.Ф.Фортунатов, например, высказывает мысль о неправильности взглядов Шлейхера на праязык. Он утверждает, что праязык не был и не мог быть единым и монолитным, как считал Шлейхер, что в нем были диалекты, подготовленные длительной историей праязыка. Эта идея о диалектном членении праязыка нашла потом развитие у А.А.Шахматова и в современной компаративистике вообще. Кстати сказать, Ф.Ф.Фортунатов считал неудачным и самый биологический термин - "праязык".

Ф.Ф.Фортунатов опережал немецкий младограмматизм и по всем узловым вопросам лингвистики, к рассмотрению которых мы и перейдем.

1. Ф.Ф. Фортунатов о сущности и строении языка

1) Как и Бодуэн де Куртенэ, Фортунатов не был вполне свободен от влияния младограмматизма в понимании сущности языка. Ему не чужд психологизм младограмматиков. Но признавая индивидуальность языка, Фортунатов большее внимание уделял социальной стороне.

Он подчеркивал зависимость языка от внешних (экстралингвистических) условий. Такой подход позволил Ф.Ф.Фортунатову более широко применять сравнительно-исторический метод. Он призывал к сравнительно-историческому изучению не только родственных, но и неродственных языков. Это было новым словом в языкознании: объединение сравнительного и типологического изучения языков.

2) Психологизм Ф.Ф.Фортунатова сказался в учении о связи языка и мышления. Это учение было основано, как и у младограмматиков, на ассоциативной психологии Гербарта. К примеру, суждение Ф.Ф.Фортунатова понимает как психологическую ассоциацию двух представлений - господствующего и подчиненного. Таким образом, обходятся более сложные, абстрактные формы мышления - понятия. Точнее, понятие не отделяется от представления.

3) Идеи фортунатовской школы вновь (после Шлейхера) оживляют интерес лингвистов к структуре языка, которой, наряду с сущностью языка, придается большое значение. Понимание строения языка Фортунатовым отличается особой оригинальностью. Именно это понимание делает своеобразной московскую школу вообще. Оно предопределило и название школы Фортунатова - **формально-грамматическое направление в языкознании**. Таким образом, Ф.Ф.Фортунатов игнорирует качественное

различие между предложением и словосочетанием. **Устраняется смысловая наполненность конструкций языка. Это и есть формально-грамматический подход в синтаксисе.**

Забегая вперед, заметим, что на Ф.Ф.Фортунатова в какой-то мере опирались в дальнейшем структуралисты, а из современных концепций к учению Фортунатова тяготеет учение проф. Н.Ю.Шведовой о грамматической структуре предложения.

Ф.Ф.Фортунатов разработал учение о формах словосочетаний. Он делит их на грамматические и неграмматические. Первые - с согласованием (птица летит), вторые - без него (Пушкин - поэт).

Понятие словосочетания в свою очередь опирается у Ф.Ф.Фортунатова на учение о форме слова. По его мнению, форма слова - это наличие в слове делимости на основу и аффикс. При этом игнорируется содержательная сторона формы, выражаемая аффиксами.

Ф.Ф.Фортунатов, очевидно под влиянием психологизма А.А.Потебни, слишком широко понимает словообразование, в отличие от казанской школы.

Позднее более узкое (более современное) понимание словообразования, близкое к идеям казанской школы, высказали Л.В.Щерба и В.В.Виноградов. (См. статью Е.С.Кубряковой в Изв. АН СССР, 1976, т.35, вып.6)

2. Понимание развития языка Ф.Ф. Фортунатовым

В этом вопросе Ф.Ф.Фортунатов отходит от традиционного младограмматизма еще дальше. Если младограмматики источник развития языка видели в индивидууме, то Ф.Ф.Фортунатов - во внешних, социальных условиях. Экстралингвистическим факторам он придает настолько серьезное внимание, что исследователи говорят о его близости к теории Ф.Энгельса.

Это последнее утверждение связано с пониманием Ф.Ф.Фортунатовым взаимодействия языков в процессе исторического развития. В Европе в то время господствовала идея, идущая еще от Шлейхера, о том, что языки за свою историю знали только дробление, дифференциацию. Ф.Ф.Фортунатов тоже допускает распад языков, например на диалекты. Но, утверждает он, в ходе истории возможна и интеграция двух диалектов. Сходные мысли излагаются у Энгельса в его работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства".

Ф.Ф.Фортунатов, однако, мало занимался общетеоретическими вопросами развития языка, а больше вел конкретные исследования по истории языков. Ему, например, принадлежат открытия в области истории ударения: закон Фортунатова - де Соссюра касается изменений в области ударения в славянских и балтийских языках. Это закон о передвижке ударения с начальных слогов на конечный, ср.: *ру́ку, ру́ки* (было и - *ру́ка*) - *рука́, руки́, руке́* и т.д.

Ф.Ф.Фортунатов, далее, установил, что переход заднеязычных в шипящие: к - ч, г - ж, х - ш произошел раньше, чем их переход в свистящие: к - ц, г - з, х - с. Эти явления получили названия соответственно - первой палатализации и второй палатализации.

3. Понимание задач лингвистики

Как и младограмматики, Ф.Ф.Фортунатов много занимался диахроническими исследованиями языков. Однако фактически именно он впервые ставит вопрос и о синхроническом языкознании. Так, к синхроническому аспекту относится его учение о форме слова. Как сказано выше, под формой слова Ф.Ф.Фортунатов понимал способность слова члениться на основу и флексию. С этой точкой зрения Ф.Ф.Фортунатов делит все слова на два типа: 1) слова, обладающие формой, или грамматические (*вод-а, красн-ый*) и 2) слова, не обладающие формой, или неграмматические (*пальто, здесь*). На основании этого противопоставления представителями Московской школы разрабатывалось учение о классах слов (наряду с традиционным учением о частях речи). Например, проф. М.Н.Петерсон делил "грамматические" слова на три класса:

- 1) класс падежных слов (*вода, четыре, я* и т.д.);
- 2) класс родовых слов (*красный, пришел, он* и т.д.);
- 3) класс личных слов (*лишу, идешь* и т.д.).

Синхроническим было у Ф.Ф.Фортунатова и учение о формах словообразования и формах словоизменения. Словообразование Ф.Ф.Фортунатов понимал шире, чем теперь. К нему он относит, например, не только соотношения типа *читать - читатель, красный - красненький*, но и: *стол - столы*, т.е. образование форм мн. числа.

К формам словообразования Ф.Ф.Фортунатов относит формы времени, лица и наклонения глаголов, падежные формы существительных и прилагательных и некоторые другие.

В связи с учением о формах словоизменения представители Московской школы разработали учение о нулевых аффиксах. Приоритет здесь принадлежит А.М.Пешковскому.

Говоря о задачах лингвистики, Ф.Ф.Фортунатов требовал объяснительно изучения языка, а не просто его описания. В этом он предвосхищает школу пражских лингвистов.

К заслугам Московской школы следует также отнести четкое разделение грамматики на морфологию (в основе которой - учение о форме слова) и синтаксис (основа которого - учение о словосочетании).

* * *

Учениками и последователями Ф.Ф.Фортунатова, следовательно, представителями Московской лингвистической школы, были многие выдающиеся русские языковеды: проф. А.М.Пешковский (автор классического труда “Русский синтаксис в научном освещении”), проф. М.Н.Петерсон, В.К.Поржезинский (автор одного из первых учебников по введению в языковедение), проф. Е.Ф.Будде (диалектолог), проф. Д.Н.Ушаков (редактор первого нормативного толкового словаря русского языка советской эпохи), акад. А.А.Шахматов и др. Особенно талантливым выходцем из этой школы был акад. А.А.Шахматов, который настолько творчески развивал идеи своего учителя, что его труды составили целую школу.

Поэтому на деятельности А.А.Шахматова остановимся особо.

Академик А.А.Шахматов (1864-1920). В истории русского дореволюционного языковедения Алексей Александрович Шахматов - наиболее крупный и яркий лингвист.

Талантливость А.А.Шахматова проявилась рано. Он начал с детского увлечения историей. Сидел в библиотеках Москвы, читал знаменитых историков древности, но постепенно переключился на историю самих книг и их языка.

Еще в 5-м классе гимназии, когда А.А.Шахматову было 15 лет, он знакомится с профессорами Московского университета, в частности с Фортунатовым. С разрешения последнего гимназист А.А.Шахматов получает доступ в Румянцевский музей (ныне Библиотека им. В.И.Ленина), где изучает старинные памятники письменности русского и церковнославянского языков. Это было в 1880 году.

Через год, в 1881 году, А.А.Шахматов начинает переписку с академиком И.В.Ягичем (и поддерживает ее в течение 35 лет). И.В.Ягич, крупнейший специалист по древним рукописям, жил тогда в Петербурге. Как следует из переписки, письма юного А.А.Шахматова были не бытового, а исследовательского содержания. 5 октября 1881 г. И.В.Ягич извиняется за задержку ответа и так объясняет ее:

“...Главное же - у меня столько официальных занятий, что я не успел еще порядочно и з у ч и т ь Ваше последнее письмо. Вы видите, что я говорю об и з у ч е н и и Ваших писем; они столь многосодержательны, что я очень дорожу ими и вношу их отдельно в ту книжку, где прячутся мои коллекции”.

Переписка началась по поводу рукописи памятника XII в. “Житие Феодосия”, который был в 1879 г. опубликован А.Н.Поповым в Москве, а А.А.Шахматов нашел в этой публикации массу погрешностей. В 1881 г. по представлению И.В.Ягича было опубликовано в Лейпциге первая статья 17-летнего А.А.Шахматова по поводу критики публикаций старорусских текстов.

В 1882 году состоялась защита магистерской диссертации А.И.Соболевского, будущего академика, крупнейшего специалиста по истории русского языка. Гимназист 7-го класса А.А.Шахматов успешно выступает на защите А.И.Соболевского в качестве неофициального оппонента с критическими замечаниями. Вскоре А.А.Шахматов публикует и свою рецензию на диссертацию А.И.Соболевского.

Окончив гимназию, А.А.Шахматов поступает в Московский университет и заканчивает его в 1890 г. После окончания он оставлен при университете для подготовки к профессуре (нынешняя аспирантура). Эту подготовку А.А.Шахматов проходит под руководством Ф.Ф.Фортунатова в течение двух лет (1890-91 гг.). Затем он работает над магистерской (кандидатской) диссертацией, которую и защищает в 1893 г. под названием “Исследования в области русской фонетики”. Однако по результатам защиты ему была присвоена не магистерская, а сразу докторская ученая степень, что было явлением вообще исключительным.

В 1894 г., по представлению И.В.Ягича, А.А.Шахматов избирается в академики, опередив А.И.Соболевского (академик с 1900 г.) и своего учителя Ф.Ф.Фортунатова (академик с 1902 г. По некоторым данным - с 1898 г.). С 1906 г. и до смерти (1920 г.) академик А.А.Шахматов - председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Каковы же заслуги А.А.Шахматова? Прежде всего он является крупнейшим специалистом по истории русского и славянских языков, русской диалектологии, а также современного русского языка в области грамматики. Он автор более 150 работ, причем это работы в основном солидные, по 600-700 страниц каждая, или состоящие из 2-3 томов.

В теории А.А.Шахматов, как и Ф.Ф.Фортунатов, придерживался психологических концепций, но в то же время он не пошел вслед за Ф.Ф.Фортунатовым по формально-грамматическому направлению.

А.А.Шахматов - убежденный сторонник историзма в языковедении. Здесь тоже обнаруживается его преемственность с Ф.Ф.Фортунатовым. Более того, А.А.Шахматов как бы хронологически продолжает Ф.Ф.Фортунатова: Ф.Ф.Фортунатов исследовал общеславянскую эпоху (дописьменный период), А.А.Шахматов - общерусскую эпоху (начиная с XI века), обращаясь, однако, и к более глубокому прошлому. Но заслуга А.А.Шахматова - в новом подходе: его история языка строится в тесной связи с историей народа, с историей славянских племен. Для решения языковых вопросов Шахматов привлекает, кроме истории,

этнографию, и палеографию, и фольклор, - все это позволяет ему добиться максимальной ясности в исторической картине языка. Таким образом, А.А.Шахматов -зачинатель комплексного метода в сравнительно-историческом языкознании.

Далее. В истории языка А.А.Шахматов впервые в качестве источников отдал предпочтение не литературным памятникам, а показаниям диалектной речи, как живой, так и отраженной в письменности. Диалектную речь, кстати, он ставил даже выше литературного нормированного языка, который считал искусственным. А.А.Шахматов впервые организовал планомерное (по специальной программе) изучение диалектов, которое продолжается и поныне. В 1903 г. по его инициативе была учреждена знаменитая Московская диалектологическая комиссия (МДК).

А.А.Шахматову принадлежат блестящие гипотезы о происхождении южнорусского аканья и сопровождающих его явлений (яканье, иканье). Он связывал его с диссимиляцией гласных и количественным изменением ударения. Он определил время возникновения аканья - до XIII в., что в дальнейшем, правда, вызвало споры. Это было новое применение сравнительно-исторического метода - для внутренних реконструкций языка.

А.А.Шахматов объяснил причины перехода ударения с серединных слогов на начальные (ср.: берег, но на берег, прост, но попросту). Переход, по А.А.Шахматову, происходил в тех случаях, когда корневой слог имел краткий гласный, а не долгий (когда-то долгие гласные были в славянских и балтийских языках), и тогда, когда корневой слог имел так называемое циркумфлексное ударение.

Циркумфлексом вообще-то по-латински называется надстрочный знак *o*, а в акцентологии - музыкальное неоднородное нисходяще-восходящее ударение (оно начинается с высокой ноты, потом снижается, а к концу слога снова повышается).

В дальнейшем, когда музыкальное ударение в славянских языках сменилось силовым, перетягивание ударения на предлог и приставку продолжалось, но уже по аналогии. Это открытие получило название "**акцентологического закона Шахматова**".

Акцентологическая школа Фортунатова-Шахматова в советское время получила дальнейшее развитие в трудах украинского академика Л.А.Булаховского.

Что касается морфологии и синтаксиса современного русского языка, то в современной грамматической науке на А.А.Шахматова ссылаются, пожалуй, чаще всех дореволюционных лингвистов.

А.А.Шахматов, как и Ф.Ф.Фортунатов, принял активное участие в подготовке проекта реформы орфографии, осуществленной в 1917-18 гг.

Тема 5. КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Казанская лингвистическая школа была основана и возглавлялась проф. **Бодуэном де Куртенэ** (1845-1929).

До сих пор ведутся споры о том, чей это ученый, какой он национальности. Предки его были французами, переехали а Варшаву. Родители уже писались поляками, говорили на польском языке. Бодуэн родился в Радзымине, местечке под Варшавой. Польша в те времена входила в состав России. Работая среди русских, Бодуэн де Куртенэ назывался Иваном Александровичем, поляки звали его Ян Игнацы Нецислав. Сам он не очень дорожил национальной принадлежностью, считал, что человек должен быть свободным во всем - в выборе национальности, языка, места проживания и работы.

В 1866 г. Бодуэн де Куртенэ окончил отделение славянской филологии историко-филологического факультета Варшавского университета и сразу начинает исследовательскую работу. По собственной инициативе он изучил санскрит.

Бодуэн де Куртенэ был очень талантливым человеком. С детства он увлекается различными науками, в том числе математикой и лингвистикой. Интерес к лингвистике перевесил остальные увлечения, но и они не были забыты. Так, в сорок лет, работая в

Юрьевском университете (Тарту), Бодуэн изучает высшую математику.

В 1867 он едет в научную командировку за границу, во время которой слушает лекции лингвистов в Праге, Йене, Берлине. В 1868-70 гг. Бодуэн работает в Петербурге под руководством И.И.Срезневского и в 1870 г. защищает магистерскую диссертацию “О древнепольском языке до XIV столетия”. В этом же году его труд был опубликован в Лейпциге, и Бодуэн получает право читать лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков в качестве приватдоцента в Петербургском университете.

В 1872-75 гг. Бодуэн де Куртенэ снова командирован за границу, где в Австрии и Италии изучал южнославянские языки, познакомился с известным лингвистом Г.Асколи, а в Лейпциге вместе с Г.Паулем слушал лекции младограмматика А.Лескина. В возрасте 29 лет он защищает по диалектам польского языка докторскую диссертацию “Опыт фонетики резьянских говоров” (через год публикует ее в Петербурге) и затем по контракту едет в Казань на должность профессора. В казанском университете Бодуэн пробыл восемь лет, а затем в течение десяти лет работает профессором Юрьевского университета (с 1883 по 1893 гг.). С 1893 по 1899 гг. он профессор Краковского университета в Польше. В последующие 17 лет читает курсы сравнительного языкознания и санскрита в Петербургском университете. В 1918 г. по приглашению Варшавского университета Бодуэн переехал в Варшаву, где и скончался в 1929 г.

Так, всей своей жизнью Бодуэн защищает право человека свободно выбирать место работы, а также национальность и язык. Он успешно работал в пяти университетах, писал свои труды на десяти языках (однако наиболее часто на русском и польском).

Наиболее плодотворными в деятельности Бодуэна были три периода - Казанский, Петербургский, Варшавский. Здесь им были созданы научные школы, условно именуемые казанской лингвистической школой. (Точнее было бы назвать их бодуэновскими.)

Наличие казанской школы не всеми признается. Так, например, категорически отрицает создание Бодуэном какой-либо школы проф. А.А.Леонтьев. Под его влиянием находятся и другие исследователи.

Существует, правда, и другая крайность, когда оценка Казанской школы явно завышается и она ставится над всеми остальными школами (см., например, “Общее языкознание” М.В.Черпа-нова).

В целом же большинство исследователей признают создание Бодуэном Казанской школы, а главное, признают это его ученики, называя себя его последователями. В Казани учениками и последователями Бодуэна были Н.В.Крушевский, В.А.Богородицкий, С.К.Булич, А.И.Александров; в Петербурге - Л.В.Щерба, М.Р.Фасмер, К.К.Буга, Е.Д.Поливанов, Л.П.Якубинский, В.Б.Томашевский, В.В.Виноградов, И.А.Фалев, С.И.Бернштейн, Б.А.Ларин, А.П.Баранников и др.; в Варшаве - Г.Улашин, К.Ю.Аппель, Ст.Шобер, Т.Бенни, В.Дорошевский¹².

Как ученый, Бодуэн был талантлив, многогранен и противоречив. Противоречия не исключены у него уже потому, что он работал на протяжении 64-х лет. Начиная Бодуэн как младограмматик, много критиковал Шлейхера. Еще в кандидатской диссертации разработал принцип аналогии, который был главным у младограмматиков. Они признают заслуги Бодуэна в данном вопросе, считают его здесь своим начинателем. Бодуэн критикует однако и младограмматиков, их увлечение диахронией, чем во многом предвосхищает Соссюра. В связи с этим Бодуэна де Куртенэ не без оснований считают предшественником структурализма XX в.

Итак, первой яркой особенностью Бодуэна как ученого было предвидение новых направлений в науке (и младограмматизма, и структурализма).

Вторая постоянная его черта - стремление к оригинальности, независимости в суждениях.

Главная задача лингвистов, считал он, - не зарываться в фактах, а стремиться к широким теоретическим обобщениям. Такими обобщениями всю свою творческую жизнь занимался и сам Бодуэн. С другой стороны, он высоко ценил факты, сознательно стоял на индуктивном пути познания. Он любил выражение Герцена: “Мелочь-то, мелочь надо обсудить да понять, а крупное и само дается”.

Будучи прогрессивным мыслителем, Бодуэн де Куртенэ занимался активной общественной деятельностью, защищал интересы малых народов. В 1914 г. за издание брошюры, направленной против

¹² Концепция Казанской лингвистической школы изложена, например, в следующих трудах: Крушевский Н.В. Очерки по языковедению. - Казань, 1891; Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. - Казань, 1915; Он же. Казанская лингвистическая школа \ Труды МИФЛИ, т. У, Сборник статей по языковедению. - М., 1939 и др.

угнетения национальных меньшинств в царской России, он пробыл три месяца в петербургской тюрьме. В 1922 г. малые народы Польши выдвинули его кандидатом на пост президента.

Широта кругозора Бодуэна, его научных и общественных интересов имели не только положительные, но и отрицательные последствия. Он опубликовал более 600 работ, но цельной концепции (как у Соссюра) у него не получилось. Им не был создан такой труд, в котором была бы отражена вся его лингвистическая система. Поэтому Бодуэн и не сыграл в лингвистике той роли, какую мог бы сыграть, и не он, а Соссюр получил мировое признание как предшественник современного языкознания. Отрицательно сказалось и то обстоятельство, что труды Бодуэна были разбросаны по разным городам и странам и их полного собрания не было даже в России (впервые двухтомник его сочинений опубликован у нас только в 1963 г.). Многие его работы были малоизвестны, поскольку напечатаны в труднодоступных периодических изданиях. Нередко очень ценные его лингвистические мысли были высказаны в связи с другими вопросами. Повлиял даже тот факт, что Бодуэн писал в основном на русском и польском языках, что являлось препятствием для ознакомления с его работами западноевропейских ученых.

1. Понимание Бодуэном сущности языка

Некоторые современные лингвисты считают, что взгляды Бодуэна на сущность языка представляют собой лишь русский вариант немецкого младограмматизма. Действительно, здесь он менее оригинален, чем при решении других основных вопросов лингвистики. Сказалось то, что он связан с младограмматиками и образованием, и первыми публикациями. Однако уже и в понимании сущности языка Бодуэн пошел дальше младограмматиков, которые считают язык явлением исключительно индивидуальным.

Бодуэн, с одной стороны, вынужденно, по традиции признает это (“Существуют только индивидуальные языки”, см. его “Избранные труды по общему языкознанию”. М., 1963, т.2, с.131), но, с другой стороны, испытывает от такого понимания неудовлетворенность. Язык интересует его прежде всего как вместилище социальных форм. Таким образом, оставаясь на позициях индивидуально-психологических, Бодуэн придает большее, чем младограмматики, значение социальным, общественным фактам в объяснении функционирования языка, его эволюции. Эта противоречивость Бодуэна уже у самых истоков вызвала несоответствие оценок его взглядов разными биографами. Так, В.Дорошевский видит в индивидуально-психологическом понимании языка ахиллесову пяту Бодуэна, называет его “странным недоразумением”. Акад. В.В.Виноградов считает такое понятие у Бодуэна делом временным, переходящим. Такого же мнения придерживается Л.В.Щерба: “Это дань времени”; “Психологизм Бодуэна легко вынуть из его лингвистической теории, и все в них останется на месте”. (Кстати сказать, с этим успешно и справился как раз акад. Л.В.Щерба, самый талантливый ученик Бодуэна по Петербургской школе).

Утверждение В.Дорошевского следует признать ошибочным, Сам Бодуэн отходил от крайнего индивидуализма младограмматиков: “Индивидуальное является одновременно и общим, общечеловеческим”. Он не мало пишет о языке как о средстве общения: “Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отметить в нем всегда сторону социальную” (Избр. труды, т.1, с.384). В многочисленных подобных высказываниях Бодуэна - прямой отход от младограмматиков. В отличие от них он понимает язык как явление динамическое, а не статическое. Язык по Бодуэну - это процесс, а не результат процесса.

В этих положениях сказывается влияние В.Гумбольдта, который, как известно, выделял две сущности языка - энергию (движение) и эргон (исполнение), считая более важной первую.

Исходя из такого понимания сущности языка, Бодуэн по-своему решает и вопрос о **строении** языка. Он впервые говорит о **системности** языка. Система языка, по мнению Бодуэна, состоит из отдельных подсистем, которые, в свою очередь, включает языковые единицы, находящиеся между собой в определенной связи, зависимости.

Бодуэн впервые разрабатывает учение о фонеме как одной из единиц определенного языкового уровня и, таким образом, первым закладывает основы фонологии. (Другой представитель Казанской школы, В.А.Богородицкий, разрабатывает учение о морфеме. Самый термин “морфема” был введен Бодуэном.)

До Бодуэна существовало только понятие звука речи. В таком значении употребляется и термин “фонема” у Соссюра (звук речи, находящийся в системе других звуков). Бодуэн вложил в термин “фонема” новый, фонологический смысл. Он расчленил понятие звука речи на два понятия: “звук речи” - то, что произносится, и “фонема” - тот звук речи, который обладает “различностью”.

Прямым продолжателем Бодуэна в фонологии стал акад. Л.В.Щерба, основатель Ленинградской фонологической школы (публикации 1912 г.). От Бодуэна же ведут свою родословную представители

Московской фонологической школы (Р.И.Аванесов, П.С.Кузнецов и др.). Дело в том, что Бодуэн в своих поисках сути фонемы дал этому понятию не менее пяти различных определений. Так, в 1881 г. он разрабатывает морфолого-этимологическую теорию фонемы, на которую опираются представители Московской школы. В 1883 г. он переходит к психологической теории фонемы, от которой ведет свое начало Ленинградская фонологическая школа (у Л.В.Щербы происходит освобождение от психологизма).

Считается, что от этой школы теория фонемы разрабатывается праццами. Н.С.Трубецкой, которого называют основателем европейской фонологии, опирается в своей теории на Бодуэна, соединив его идеи с идеями Соссюра.

В понимание языковой системы Бодуэн близок к **идее знаковости языка, развитой** впоследствии Соссюром¹³. Так, он отмечает условность слов человеческого языка; сравнивая язык человека и животных, говорит, что подавляющее большинство слов - случайно возникшие символы (т.е. совершенно определенно указывает на произвольность языкового знака), звуки же животных по необходимости непосредственно связаны с конкретным представлением или чувством и воздействуют на них сразу.

В настоящее время многими исследователями признается, что Бодуэн предвосхитил идею Соссюра о противопоставлении **языка и речи** (см., например его “Некоторые общие замечания о языковедении и языке”, опубликованные в Петербурге в 1871 г.), не нашедшей, однако, у него развития в дальнейшем.

Правда, в работе Соссюра “Курс общей лингвистики”, развивающей данную идею в виде антиномии языка и речи, нет ссылок на Бодуэна, но, возможно, это связано с тем, что труд Соссюра был опубликован посмертно его учениками Сешэ и Балли по студенческим лекциям.

2. Понимание Бодуэном развития языка

Хотя, как и младограмматики, Бодуэн признает развитие только индивидуального языка (в течение жизни каждого говорящего), источник этого развития он видит не в индивидуальной психике человека, а в социальных условиях: “В языковом отношении индивидуума может развиваться только в обществе”... (Изб. труды, т.1. с.108.)

Бодуэн признает историю общества прогрессивным движением (что, как мы знаем, не всегда было характерно для предшествующих лингвистов).

Говоря о закономерном характере языковых изменений, Бодуэн подчеркивает наличие в языках общих законов. Одним из ведущих законов развития языка он считает **принцип экономии**, стремление к удобству, к “сбережению сил” говорящих. По мнению Бодуэна, это принцип носит всеобщий характер, действует во всех областях языка - произношении (перехода более трудных звукосочетаний в более легкие), орфографии (упрощение записей, введение раздельного написания слов, облегчение правил правописания и т.д.), морфологии (сближение трудных для понимания корней с простыми в явлениях народной этимологии) и т.д. Проф. В.А.Богородицкий распространяет действие этого процесса на словообразование, где для обозначения новых понятий не создаются абсолютно новые слова, а используются уже известные морфемы. Е.Д.Поливанов подчеркивает действие принципа экономии по социально-экономическим факторам (он видит их в появлении аббревиации, стяжении и др.), критикуя бытовавшее до него мнение о влиянии на развитие языка климата, расы, стремления к благозвучию и т.п.

Большую роль в языковых изменениях, по мнению Бодуэна, играют принципы аналогии и народной этимологии¹⁴.

3. Задачи лингвистики.

В решении этих вопросов Бодуэн значительно отходит от младограмматизма, считая, что наука о языке не может быть только исторической, диахронической, но и должна быть и синхронической. Он называет эти аспекты изучения языка **динамическими** (т.е. историческими) и **статическими** (т.е. описательными).

В современной лингвистике приняты предложенные позже Соссюром термины диахронии и синхронии. Считается, что учение Соссюра о синхронии и диахронии возникло под влиянием Бодуэна,

¹³ Впрочем, знаковую природу слов выявил еще раньше Ф.Ф.Фортунатов, но вне системного понимания языка.

¹⁴ Этим принципам была посвящена специальная работа одного из наиболее ярких представителей Казанской школы Н.В.Крушевского, которая так и называется: “Об аналогии и народной этимологии” (Русский филологический вестник, 1879, N3).

хотя первый и не цитирует его. В отличие от Бодуэна, который не умалял значение ни одного аспекта, Соссюр признает основную описательную, синхроническую лингвистику, а историческую считает второстепенной. Эта идея получает впоследствии свое крайнее выражение у структуралистов.

Сам Бодуэн так и изучал языки в двух планах. Он считал, что сначала надо изучить **живые языки**, а потом уже обращаться к их истории, ибо только в живых языках лингвист имеет дело с живыми звуками, а не “с мертвыми буквами, которые неизвестно как звучали в эпоху своего начертания”. В отличие от младограмматиков, которые лишь декларировали необходимость исследовать звучащую речь, а не бумажные языки, однако на деле явно недооценивали этот аспект, он много записывал живую речь, изучал польский, литовские и русские диалекты, детскую речь, занимался самонаблюдением за собственной речью. У него была разработана целая система транскрибирования для точной передачи звучания. От живой речи он и шел к истории, в частности, к вопросу о передаче языка от поколения к поколению. Это был уже не археологический подход к языку, а живая история, с использованием собственной речи.

В статических наблюдениях Бодуэн учитывает **частотность употребления**. Это был зародыш статистического метода изучения, получивший в наше время всеобщее признание. У Бодуэна он означал подход к языку не как к явлению индивидуально-психологическому, а как **социальному** явлению, общественному.

Изучая живую речь, Бодуэн не только оглядывался назад, но и смотрел вперед, искал в речи зародыши будущих изменений. Бодуэну принадлежат слова о возможности и необходимости **сознательного вмешательства** в процесс развития языка. Он говорил: “Существует ли человек для языка или язык для человека? Язык не является ни замкнутым организмом, ни неприкосновенным идиолом; язык представляет собой орудие и деятельность. Целесообразно совершенствовать свое орудие не только право человека, но и его общественная обязанность”.

С этих позиций он приветствовал искусственные языки типа эсперанто, предсказывая им распространение.

Идея Бодуэна о возможности наблюдений над зарождающимся в языке привела к тому, что Казанская школа (сам Бодуэн и его последователи, особенно В.А.Богородицкий) усиленно разрабатывала вопросы **словообразования** и вообще **морфологии**. Во многом благодаря заслугам ученых этой школы словообразования в дальнейшем выросло в самостоятельную отрасль языкознания (казанцы еще считали его разделом морфологии). Под влиянием Казанской школы в советском языкознании выросли крупнейшие специалисты как в области словообразования (напр. проф. Г.О.Винокур), так и в области морфологии (акад. Л.В.Щерба и В.В.Виноградов).

Главным в лингвистике Бодуэн считал изучение **системности** языка, причем **не только в синхронии**, но и **в диахронии**. Он стоит за изучение **внешней и внутренней истории языка без разрыва** (как у Соссюра).

С противопоставлением внутренней и внешней истории у Бодуэна совпадает внутренняя и внешняя лингвистика у Соссюра, между которыми, по выражению проф. С.Д.Кацнельсона, “разведены мосты”.

В отличие от Соссюра, Бодуэн категорически требует не отрывать язык от говорящих на нем людей, от их географического и этнографического распространения, влияния иностранных языков и т.д.

В науке XIX века изучалось только отпочкование, дробление языков, процесс их дифференциации, или дивергенции. Бодуэн признает интеграцию языков, или конвергенцию. В связи с этим он, как и Шухардт, выдвинул положение о смешанном характере всех языков. Бодуэн первый в языкознании (1901-04 гг.) поставил вопрос о новой классификации языков - по языковым союзам. Впоследствии идею языковых союзов подхватили и стали разрабатывать пражские структуралисты (Трубецкой, Якобсон и др.). Это идея привела в XX в. к исследованиям типологической направленности.

В целом в трудах Бодуэна рассмотрены три классификации языков: генеалогическая, морфологическая, классификация языковых союзов.

Заслугой Бодуэна является также создание учения о чередованиях звуков (“альтернациях”) как частном проявлении звукового закона (до Бодуэна ограничивались лишь общим рассмотрением этого

закона). Он одним из первых выступил против признания непреложности фонетических законов, действию их без исключений.

Итак, Бодуэн де Куртенэ, лингвистическая мысль которого тесно связана с ведущими направлениями XIX в., является одним из зачинателей языкознания XX в. Идеи Бодуэна оказали влияние на развитие языкознания не только в России и Польше, но и в Западной Европе (и непосредственно, и через Пражскую школу).

Тема 6. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. ДЕ СОССЮРА

Фердинанд-Монжен де Соссюр (1857-1913) родился в Женеве. Его предки - выходцы из Франции, по религии протестанты, бежали из страны еще в XVI веке.

В роду Соссюров было немало ученых. Прапрадед Фердинанда Никола де Соссюр сотрудничал в XVII веке в знаменитой французской Энциклопедии Дидро. Ему принадлежат статьи по садоводству. Прадед Фердинанда Орас де Соссюр был профессором натурфилософии в Женевском университете в XVIII веке. Дед Фердинанда Никола-Теодор де Соссюр был видным физиком, химиком и геологом в XIX веке. Учеными были: дядя Соссюра, отец (путешественник), два брата. Третий брат - художник.

Таким образом, Фердинанд де Соссюр не только выходец из интеллигентной семьи, но и представитель целого рода талантливых людей.

В семью Соссюров были вхожи тоже одаренные люди. Один из таких людей - Адольф Пикте, математик, лингвист и философ, друг Гегеля и Шеллинга, оказал влияние на Фердинанда еще в детстве и в какой-то мере определил его лингвистическое будущее. С 1873 года Соссюр учится в гимназии. Уже в эти школьные годы он самостоятельно и сверх программы изучил санскрит. В 1874 г. юный Фердинанд пишет первую свою лингвистическую работу "Опыт о языках", в которой делает открытие о носовом сонанте в индоевропейском языке. То же открытие через три года сделал Карл Бругман, знаменитый к тому времени лингвист.

Работа не была опубликована, поскольку в рукописи ее прочитал друг Соссюра А.Пикте и отнесся к статье как к ребячеству. Фердинанд обескуражен и на два года забрасывает языкознание полностью. Видимо, статья была уничтожена (до нас она не дошла).

В 1875 году Фердинанд закончил гимназию и поступил в Женевский университет. Но не на филологический, а по настоянию маститых родных на естественных факультет, где изучает физику и химию.

Через год Ф. де Соссюр, тяготившийся естественным факультетом, уезжает в Лейпциг, чтобы продолжать университетское образование, но уже по филологии. В Лейпциге в это время работали ученики Франца Боппа, которому еще поклонялся Ф. де Соссюр. Там же жили друзья родителей Фердинанда, которые могли и помочь Фердинанду и присмотреть за ним.

За годы учебы в Лейпциге (1876-1878) Соссюр слушает лекции Августа Лескина, Георга Остгофа, Карла Бругмана и других основоположников младограмматизма.

Еще до поездки в Лейпциг Ф. де Соссюр подает заявление и вступает в "Парижское лингвистическое общество", куда представляет для публикации 4 статьи (из 6 имевшихся у него в рукописи). Таким образом, еще не начав учиться в университете, Соссюр заявляет о себе как исследователь. Не удивительно, что уже студентом он издает в Лейпциге в 1878 году свою знаменитую книгу "Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках".

На эту книгу последовало два отрицательных отзыва со стороны Остгофа. Положения статьи были объявлены незрелыми, недоношенными, или заимствованными, т.е. плагиатом (речь шла о тех самых носовых согласных, которые Соссюр открыл раньше Бругмана, но не "застолбил" их публикациями, а теперь в книге писал как о своих).

В чем причина такой незаслуженной оценки?

Во-первых, в 1878 г. Остгоф и Бругман, как мы уже отмечали, начинали новое направление - младограмматизм, которому было чуждо понятие системности языка, провозглашавшееся Соссюром.

Во-вторых, следует учесть, что Соссюр был не немцем, а французом, а Германия недавно закончила войну с Францией, отняв у нее Эльзас-Лотарингию, откуда были родом Соссюры.

Были, впрочем, и положительные отзывы на "Мемуар". Например, когда Соссюра привели к известному лингвисту Царнке в Лейпциге (тому, который придумал название *junggrammatiker*), Царнке заинтересовался, не приходится ли Соссюр родственником швейцарскому лингвисту Фердинанду де

Соссюру, автору известного “Мемуара”. Это была похвала, но велик ли авторитет у Царнке? Были печатные положительные отзывы Бодуэна и Н.Крушевского, но в малоизвестных русских изданиях.

Отрицательные отзывы Остгофа Соссюр воспринял болезненно, но на этот раз он не ушел из лингвистики. После окончания Лейпцигского университета в 1878 году Соссюр едет на полтора года в Берлин, где изучает санскрит.

Что касается фактической ценности “Мемуара”, то она вполне выявилась только после смерти Соссюра. Дело в том, что Соссюр, исходя из системных представлений о языке, высказал мысль о наличии в индоевропейском языке так называемых ларингальных (придыхательных) согласных (которые в лингвистической литературе принято обозначать сочетаниями соответствующих букв с последующей буквой h). Такие звуки не сохранились ни в одном известном науке индоевропейском языке, поэтому гипотезу Соссюра при его жизни нечем было подтвердить. И только в 1916 году, когда чешский лингвист Грозный расшифровал хеттское письмо, оказалось, что ларингальные согласные реально представлены в хеттском языке.

Но это, повторяем, было потом, спустя десятилетия. А вообще принцип системности был провозглашен Соссюром примерно на 50 лет “раньше времени”!

В 1880 году Соссюр, вернувшись в Лейпциг из Берлина, защищает докторскую диссертацию по синтаксису санскрита. Синтаксис и системный подход, а также описательность, а не диахрония - все это было чуждо лейпцигским младограмматикам, но они ничего не могли поделать с талантливым ученым.

Тем не менее ненормальные отношения с лейпцигскими младограмматиками заставили Соссюра уехать из Германии во Францию, считавшуюся тогда дремучей лингвистической провинцией. С 1881 по 1891 г. Соссюр преподает в Парижской высшей школе (университете). В 1891 г. французское правительство предложило Соссюру отказаться от швейцарского гражданства, принять французское - только на этом основании его сделали бы профессором. Соссюр отказался и уехал в Женеву. На его место пришел его ученик Антуан Мейе, с 1891 г. ставший профессором, а затем главой французской социологической школы в лингвистике, т.е. соссюровской школы.

Соссюр с 1891 по 1912 г. - профессор Женевского университета. Здесь он читает сравнительную грамматику, историю языков и санскрит. В 1906 г. умер проф. Вертгеймер, преподававший в университете общее языкознание. Соссюру предложили занять его место и читать общее языкознание, которого он никогда не читал. Соссюр читает этот курс три учебных года. В 1907 г. на лекции Соссюра записалось 6 студентов, в 1908 - 11 студентов и в 1910 - 12 студентов.

Вот по этим лекциям ученики Соссюра Шарль Балли и Альберт Сеше, уже после его смерти, и воспроизвели курс общего языкознания, издав его в 1916 г. Сами Сеше и Балли окончили университет до 1907 года, Соссюра-компаративиста они слушали, а общее языкознание восстановили по чужим записям. Они использовали хорошие конспекты, а позднее, уже после издания книги, были обнаружены и отличные конспекты.

Такова история книги и ее автора.

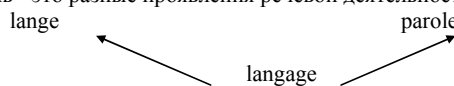
АНТИНОМИИ Ф. ДЕ СОССЮРА

Основные взгляды Ф. де Соссюра на язык изложены в виде антиномий. К числу важнейших обычно относят 4 антиномии: **языка и речи** (отражает взгляды Соссюра на сущность языка); **означающего и означаемого** (отражает понимание Соссюром строения языка); **внешней и внутренней истории языка** (раскрывает проблему развития языка в понимании Соссюра); **диахронии и синхронии** (касается проблем понимания задач лингвистики).

1. Антиномия языка и речи

О разделении языка и речи упоминали и до Соссюра: Гумбольдт, Пауль, отчасти Бодуэн. Впрочем, некоторые исследователи считают, что Бодуэн совсем не занимался языком и речью и что это целиком европейская идея.

Соссюр был первым, кто создал цельное и стройное учение о языке и речи. Соссюр выделял здесь три понятия: речевую деятельность, т.е. способность говорить (фр. langage), язык (langue) и речь (parole). На схеме Соссюра язык и речь - это разные проявления речевой деятельности:

Язык и речь у Соссюра противопоставлены друг другу, они антиномны и не связаны между собой. Соссюр всячески подчеркивает их несовпадение: речь - это индивидуальное проявление речевой

деятельности (т.е. то, что у младограмматиков и считалось языком), это акты говорения. В речи нет ничего коллективного, все индивидуально.

Язык - это клад, отлагаемый практикой говорения в памяти носителей языка. Язык - это образы слов, грамматических конструкций, произносительных правил. Образы! Т.е. язык - это не звучащее материальное явление, а нечто идеальное, сохраняемое в голове.

Если речь по исполнению индивидуальна, то язык сугубо коллективен: дело в том, что индивидуум в силу ограниченности своей практики не в состоянии знать или запомнить язык в целом. Ни один отдельный человек не знает языка. Язык - достояние коллектива, он социален, он навязан индивиду коллективом.

Таким образом, Соссюр отрывает язык от речи. Он говорит о необходимости двух автономных лингвистик: одна должна изучать речь, другая - язык. В этом вопросе Соссюр поднялся над младограмматиками: он считал язык более важным объектом, чем речь.

Следует заметить, что в понимании проблемы языка и речи у Соссюра есть зачатки диалектики. Например, он говорил, что речь предшествует языку, что изменения в речи отлагаются в языке. Отмечал Соссюр и наличие взаимных связей между языком и речью: язык нужен, чтобы речь была понятна; речь нужна, чтобы установился язык. Однако с точки зрения современной лингвистики проблему языка и речи Соссюр в целом решает еще метафизично: он отрывал язык от речи.

Правда, по замечанию С.Д.Кацнельсона, отвергнув соссюрские разведенные мосты, современная наука еще не свела их фактически. Мы еще, например, не проникли в механизм формирования речи на базе языка. Так, студенты знают иностранный язык, а речью не владеют. Лучшая методика обучения не выработана.

2. Антиномия означающего и означаемого

Данная антиномия отражает, как уже сказано, понимание Соссюром строения языка. Соссюр считал, что язык по своему устройству представляет систему знаков. Ему принадлежит приоритет в разработке семиотической теории языка. Намеки были у предшественников, но теорию разрабатывает Соссюр.

Антиномия означающего и означаемого касается понимания знака в качестве центральной фигуры любой знаковой системы.

По мнению Соссюра, главным знаком в языке является **слово**. Этот знак - величина двухкомпонентная. Слово, как языковой знак, содержит нечто **означающее**, некую оболочку, нечто внешнее. Таким означающим является звуковая оболочка слова. Правда, Соссюр считал означающим не самое звучание слова, как теперь, а лишь акустический образ слов, хранящийся в памяти.

Это означающее закреплено за определенным содержанием, значением, понятием: **стол** - это предмет мебели, **барабан** - музыкальный инструмент, **ложка** - инструмент для принятия пищи и т.д. Содержание, соответствующее акустическому образу, это и есть **означаемое**, т.е. второй компонент языкового знака.

Двухкомпонентность языкового знака - важная черта соссюрской теории знака. Дело в том, что, развивая Соссюра, некоторые современные лингвисты (таких, впрочем, немного) пришли к идее однокомпонентности знаков. Они считают знаком только то, что воспринимается органами чувств, т.е. только означающее, а означаемое, т.е. содержание, в знак не включают.

Итак, Соссюр понимал языковой (как и всякий другой семиотический) знак как величину двухкомпонентную, хотя и психическую: языковой знак состоит из акустического образа (означающее) и понятия о предмете (означаемое). В чем же метафизичность данной антиномии Соссюра? Она в том, что Соссюр не акцентирует взаимных связей между означающим и означаемым, всячески подчеркивает произвольность и случайность связи акустического образа и понятия. Современные продолжатели Соссюра преодолели эту метафизичность.

Однако в целом теория знаковости Соссюра - одна из самых разработанных частей его курса и она получила наибольшее развитие в современной лингвистике. Остановимся несколько подробнее на рассуждениях Соссюра о языковых знаках и системности языка. Как уже отмечалось, Соссюр считает, что означающее не зависит от означаемого, их связь случайна и произвольна. **Между означающим и означаемым мосты разведены**. Так, понятие "стол" в русском языке имеет означающее *стол*, в немецком *Tisch*, в английском *table*, французском *table* и т.д. Однако, несмотря на случайность означающего, носители языка не могут по своему произволу заменять слова в языке. Во-первых, сама случайность названий не позволяет говорящим установить, что хуже и что лучше. Во-вторых, замена невозможна потому, что языком пользуются ежеминутно, постоянно. И обязательным условием этого является языковая косность, сопротивление новшествам со стороны говорящих. "Солидарность с прошлым ежеминутно давит на свободу выбора", - говорит Соссюр. В этом отношении неязыковые знаки более поддаются замене. Наконец, Соссюр отмечает, что означаемое зависит от места знака в системе. Это положение Соссюр разъясняет путем сопоставления названий во французском и немецком языках. Попробуем разъяснить это на одном примере из русского языка.

Когда-то *мотоцикл* и *велосипед* составляли “микросистему” названий для машин с двумя колесами. Их и различали, исходя из данной микросистемы: *мотоцикл* - это двухколесная машина с мотором, а *велосипед* - двухколесная машина без мотора. Примерно так они и определены в толковом словаре Д.Н.Ушакова (издание 1934-1938 гг.): *велосипед* - аппарат для езды на двух или трех колесах, приводимый в движение ногами; *мотоцикл* - двухколесный экипаж вроде велосипеда с двигателем внутреннего сгорания.

Зависимость означаемого от места в системе Соссюр назвал значимостью, или ценностью и противопоставил значимость значению.

Чтобы понять мысль Соссюра, продолжим наше сравнение. В конце 40-х годов (в Москве - в конце 50-х) появилась новая машина - *мотороллер*. Это разновидность мотоцикла. “Микросистема” изменилась. Было: *велосипед* - *мотоцикл*. Стало: *велосипед* - *мотоцикл* - *мотороллер*. Изменилось ли из-за этого значение слов? Значение не изменилось. А значимость изменилась. Если раньше достаточно было про мотоцикл сказать, что это машина вроде велосипеда с мотором, то теперь надо считаться с появлением мотороллера и указать на разграничительные признаки того и другого.

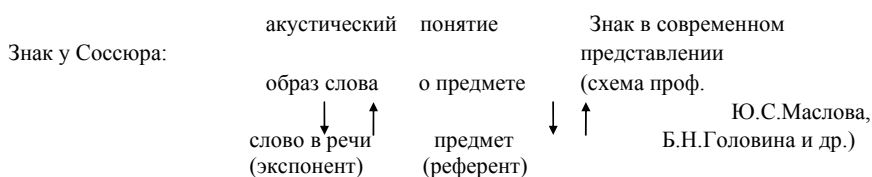
Словарь С.И.Ожегова (10-е изд., 1973 г.) так разграничивает эти машины: *мотоцикл* - машина с двумя колесами и с двигателем впереди седока. *Мотороллер* - разновидность мотоцикла с колесами малого диаметра и с двигателем позади седока. Для точности добавим, что микросистема к 1973 году имела уже 4 названия: четвертым стало название *moped* - разновидность велосипеда (с мотором). *Велосипед* в словаре 1973 года по-прежнему определяется как двухколесная машина, приводимая в движение с помощью педалей.

Таким образом, значение слов *велосипед* и *мотоцикл* не изменилось, а **значимость стала иной**, особенно у слова *мотоцикл*: это машина с мотором и большими колесами.

В целом Соссюр подчеркивал три признака у языкового знака: его **произвольность, обязательность** (не поддается замене) и **системность** (зависимость от соседних знаков).

Эти признаки знака были уточнены, и к нашему времени соссюровская теория знаковости языка сильно изменилась. Во-первых, уточнено само строение знака. У Соссюра знак двухкомпонентен, но психичен. Современные лингвисты признали двухкомпонентность знака, сохранили ее, но отказались от идеи психичности знака. **Знак материален!**

Сравнительная схема структуры знака

Таким образом, знак получил материальное воплощение, материальную манифестацию.

Кстати сказать, современные лингвисты ввели в обращение новые термины, которых не было у Соссюра. Например, звучащее слово названо **экспонентом**, а обозначаемый предмет - **референтом**.

Во-вторых, современные лингвисты продвинули вперед соссюровские общие положения. В частности, разработано учение о типах знаков. У проф. Ю.С.Маслова, например, указано на три типа знаков в языке, составляющих как бы три яруса. На первом ярусе находятся **знаки-дистинкторы**. Это - фонемы и слоги, которые не несут информации, лишены содержания и являются полузнаками. Назначение фонем и слогов - отличать один знак от другого и отделять знак от окружающего фона.

Второй ярус - **знаки-делimitаторы**. Это пограничные сигналы. Таковы паузы между словами и др. Они указывают на конец одного слова в речи и начало другого в сплошной речи. Они имеются во многих языках, но не во всех.

Третий ярус - **знаки-информаторы**. Это - слова, морфемы, фразеологизмы. За последние годы пытаются причислить к знакам-информаторам и предложения. Этой точки зрения придерживаются, например, Н.А.Арутюнова, Т.В.Бульгина и др. По мнению проф. Маслова, предложение - это не знак, а комплекс знаков.

В-третьих, после Соссюра, для которого лингвистика, в сущности, оказалась лишь частью новой науки о знаковых системах вообще - семиотики (по Соссюру - семиологии), изучение вербальных знаков оформилось в пограничную между лингвистикой и семиотикой отрасль науки - лингвосемиотику¹⁵.

В лингвосемиотике произведены уточнения - в чем же специфика языковой знаковой системы по сравнению с искусственными знаковыми системами. Как известно, Соссюр безоговорочно приравнивал язык к искусственным знаковым системам. В частности, он любил сравнивать язык с шахматами, находил в обеих системах много общего. Современные же лингвисты подчеркивают, например, более сложный характер языка по сравнению с любой другой знаковой системой. Ни одна искусственная знаковая система не обладает универсальностью языка. Все искусственные знаковые системы построены по образцу какой-либо детали языка. Таковы игровые, памятные, дорожные и иные знаковые системы. Язык обладает гибкостью, способностью реагировать на вновь возникающие потребности общения, чего нет у искусственных знаковых систем. Есть у языка и другие особенности.

В теории Соссюра знаки языка (слова) связаны между собой двумя типами связи - ассоциативными и синтагматическими. **Ассоциативные связи** говорящий обнаруживает при анализе фактов языка и их сопоставлении. Например, анализируя фразу **педагог обучает школьника русскому языку**, носитель языка может установить следующие ассоциативные связи:

1. Падежные формы слова **педагог**: **педагог - педагога - педагогу** и т.д.; личные формы глагола **обучать**: **обучаю - обучаешь - обучает** и пр. Такие связи являются парадигматическими.
2. Синонимические связи: **педагог - учитель - наставник**; **обучает - наставляет - просвещает** и т.д.
3. Словообразовательные (деривационные) связи: **педагог - педагогика - педагогический**; **обучать - обучение - ученик - учение** и др.

Подобных ассоциативных связей много. Теперь их все называют не ассоциативными, а парадигматическими (в широком смысле).

Синтагматические связи - это грамматические линейные связи слов в тексте. **Педагог обучает** - предикативная связь, **русскому языку** - атрибутивная связь, **обучает школьника** - объектная связь. К числу синтагматических связей относится также связь элементов слова между собой, например основы и окончания: **язык-у**, корня и суффикса: **школь-ник** и т.д. Развивая учение Соссюра о синтагматике речи, проф. Реформатский, например, вводит понятие о **внутренней (язык-у)** и **внешней синтагме (педагог обучает)**.

3. Антиномия внешней и внутренней истории языка

В понимании истории языка Соссюр не опровергает своих учителей - младограмматиков, но и не повторяет их. Он по существу берет другие стороны данной проблемы.

Например, младограмматики усматривали источник развития языка в индивидууме. Индивидуум говорит, пользуясь узуальными средствами. Чтобы быть лучше понятым, он невольно отступает от узуса. В конце концов это и ведет к возникновению нового узуса, если отступления совпадают у многих индивидов. Примерно то же говорит и Соссюр, но коротко, в виде формулы: всякие изменения в языке начинаются в речи, в индивидуальном говорении. Подробности этого процесса не раскрываются. Зато Соссюр обращает особое внимание на другую сторону в развитии языка.

Он впервые четко разделил все факторы, влияющие на развитие языка, на две группы - внешние и внутренние. Внешние факторы он назвал **экстралингвистическими** (этот термин широко используется и сегодня), внутренние - **интралингвистическими** (менее распространенный термин, поскольку, по-видимому, его смешивают с другим термином - **интерлингвистический** - о переводе с одного языка на другой). У младограмматиков эта проблема не разбиралась, так как и внешние и внутренние факторы выходили за рамки индивидуального в языке.

Итак, Соссюр четко разграничил внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие языка. **Внешние факторы** - это географические, политические, социальные и иные условия, в которых язык используется и функционирует. К ним же относятся сами реалии, обозначаемые словами языка. **Внутренние факторы** - это условия чисто лингвистические: положение звуков в слове, закономерности сочетания морфем, место слова в лексико-семантической группе, взаимозависимость морфологической и синтаксической систем и т.д.

Пояняя свои мысли, Соссюр сравнивает язык с шахматами. В Европу шахматы завезли из Персии - это внешний фактор. (Кстати сказать, в XX веке уточнили, что шахматы завезены не из Персии, а из Индии.)

¹⁵ Семиотика как наука о знаках вообще разрабатывалась одновременно с Соссюром американским философом-идеалистом Пирсом, основателем прагматизма. Последователь Пирса, проф. Чарльз Уильям Моррис, тоже американский философ-идеалист, в 1938 году разработал и выпустил специальную книгу по семиотике.

Шахматы могут быть сделаны из кости, из дерева и проч. - это тоже внешний фактор. Самое очертание фигур - коня, слона, ладьи и др. - опять же внешний фактор. Внутренние факторы - набор шахматных фигур, их система, правила игры.

Из своей антиномии Соссюр делает следующие выводы:

1) для изучения двух сторон в языке необходимы **две автономные лингвистики - внешняя и внутренняя**;

2) **из двух лингвистик более важна внутренняя, а не внешняя.**

Соссюр всячески и неоднократно подчеркивает второстепенность внешних факторов для знания языка. Можно, например, не знать, что шахматы привезены из Персии и сделаны из дерева (под краской этого и не видно). Важно - знать правила игры. То же и язык: можно не знать, какова история языка, под влиянием каких внешних условий и из какого диалекта сформировался язык, чтобы пользоваться им. В конце соссюровского "Курса общего языкознания" провозглашается формула, ставшая знаменитой: "Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя". Перевод на русский язык этого высказывания Соссюра впервые сделан А.М.Сухотиным в 1933 году.

Как же оценить рассмотренную антиномию Соссюра? Советские лингвисты не согласны с тем, что она искусственно отрывает внутреннюю историю языка от внешней. Они считают, что историю языка невозможно понять без знания истории общества; невозможно также и прогнозирование в развитии языка без привлечения внешних факторов (особенно социальных). Правда, как заметил проф. С.Д.Кацнельсон, мы только теоретически отказались от соссюровской идеи разведенных мостов. А на практике еще не свели их. Мы, например, научились объяснять зависимость истории слов от истории общества. А вот зависимость звуков или грамматических средств - нет.

4. Антиномия диахронии и синхронии.

Это - одна из центральных, направленных против младограмматизма антиномия. Если первые три связаны с пониманием сущности языка, его строения и развития, то данная - с пониманием задач лингвистики.

Лингвист, говорит Соссюр, изучает языковые факты в двояком плане: он располагает их или на оси одновременности, или на оси последовательности. При чем эти оси пересекаются. В первом случае изучаются сосуществующие явления, например система падежных форм: **сын, сына, сыну, сыном** и т.д. (Если предложить говорящему просклонять слово **сын**, то он приведет именно эти формы, то есть те, которые употребляются сейчас, и не поставит в одном ряду формы, относящиеся к языку разных эпох, например: Им. - **сын**, Род. - **сына**, но: Дат. - **сынови**.)

На оси последовательности изучаются факты языка в их развитии, в их истории - а не факты, сменяющие друг друга, не сосуществующие. Например, современное **сын** в древнерусском языке произносилось в два слога - сынъ, а еще раньше, в дописьменный период, в праславянском языке - ***syniti**. Так и каждый падеж, ср.: **сыном**<**сынѡмь** (под влиянием основ на о типа **плодомь**)<**сынѡмь** (основа на ь)<***syniti**.

Первый подход к изучению языка Соссюр (вслед за Бодуэном) назвал **синхроническим**, второй - **диахроническим**.

Соссюр не отрицает диахронии, но всячески подчеркивает превосходство синхронической лингвистики. Только синхрония дает представление о системе языка. Это превосходство синхронии над диахронией он поясняет сравнением с изучением ствола дерева. Если ствол распилить поперек (синхронический срез), то на срезе можно увидеть все готовые кольца в их системе. А если ствол расколоть (или распилить) вдоль (диахронный разрез), то на боковом сколе (или распиле) никаких колец не увидишь, никакой системы в устройстве ствола не отражено.

В отличие от младограмматика Пауля Соссюр говорит о ненужности и необязательности знания истории языка для понимания его современной системы. В этом отношении описательная школьная грамматика или грамматика XVII в. Пор-Рояля, на его взгляд, более научна, более ценна, чем все младограмматические исторические грамматики, потому что в школьной грамматике описывается целостная система языка, ведущая к его знанию, а в исторических грамматиках описываются, лишь разрозненные факты из этой системы. Здесь Соссюр опять обращается к шахматам. Наблюдатель игры, говорит он, не обязательно должен видеть с самого начала историю развития игры. Он может подойти к игрокам где-нибудь в середине игры, посмотреть положение на доске, и для него будет ясно, у которого выигрышная, а у кого проигрышная позиция или игра равная.

Соссюр подчеркивает противоположность, несовместимость синхронического и диахронического подходов в лингвистике. Создать синхроническую картину языка, пользуясь в то же время диахронией, это все равно что нарисовать панораму Альпийских гор не с одной точки, а переходя с одной вершины на другую. Вывод Соссюра: **нужны две автономные лингвистики, а не одна, - синхроническая и**

диахроническая, Главной из них должна стать синхроническая, а историческая грамматика - второстепенной, вспомогательной.

Так, собственно говоря, и случилось в XX веке, т.е. эта идея Соссюра была плодотворной. Ошибкой было лишь то, что Соссюр отверг связь между этими "двумя лингвистиками", а также то, что он недооценивал роль истории языка для понимания современной языковой системы. Он развел мосты между ними.

Правда, мосты и ныне свести не удалось на практике: современные грамматики не всегда совмещают оба подхода и не всегда дают историю языка в системе.

Тема 7. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В. НА ЗАПАДЕ

Помимо уже рассмотренных крупных лингвистических школ (двух русских школ и школы Соссюра), в этот же период в Европе возникали и другие лингвистические школы, менее значительные, однако повлиявшие на судьбу отдельных проблем языкознания. В отличие от русского языкознания для всех этих школ характерна была более острая критика в адрес сначала натуралистического, а затем младограмматического направления, - критика, нередко переходившая в полный нигилизм по отношению к предшественникам.

Среди отдельных школ и течений заслуживают особое внимания следующие три направления: 1) школа слов и вещей Г.Шухардта, 2) школа неолингвистики, 3) школа эстетического идеализма К. Фосслера.

ШКОЛА СЛОВ И ВЕЩЕЙ

Это условное название деятельности австрийского лингвиста проф. Гуго Шухардта (1842-1927). Г.Шухардт был выдающимся лингвистом своего времени. В своих многочисленных исследованиях (770 работ!) он не мало сделал открытий и высказал плодотворных идей. По основной специальности Шухардт был лингвистом по романским языкам и, например, только по гласным латинского языка написал трехтомное исследование. Кроме того им созданы работы по семитским, славянским, кавказским, венгерскому, албанскому, баскскому и другим языкам.

Однако в истории языкознания Г.Шухардт более прославился как острый и талантливый критик младограмматизма и вообще как способный полемист, чем как создатель нового и оригинального учения. Его деятельность - показатель того, что младограмматизм действительно исчерпал себя к началу XX века. По мнению В.А.Звегинцева, Г.Шухардт так и не создал школы, единой лингвистической концепции и остался одиноком, в стороне от столбовых дорог лингвистики, так как всю жизнь менял свои взгляды, пока искал выхода из младограмматического тупика. Тем не менее, может быть, и "не найдя столбовой дороги", "на тропинках" лингвистики он сделал очень много полезного для языкознания.

Наиболее известны три теории Г.Шухардта: 1) теория географического выравнивания, 2) теория языкового скрещивания и 3) теория слов и вещей. Все они явились результатом критики младограмматических идей.

Теория **географического выравнивания** перекликается с теорией волн Иог. Шмидта. По некоторым источникам, эту теорию Г. Шухардт впервые изложил в 1870 г. в Лейпциге, в открытой лекции, на которой присутствовали Г.Пауль, К.Бругман и А.Лескин. Г.Шухардт, как знаток романских языков и диалектов, доказывал, что между языками или диалектами не существует хоть сколько-нибудь отчетливо обрисованных границ, все языки переплетаются между собой, а внутри переплетаются диалекты. Нельзя, говорит Г.Шухардт, вбить кол в землю и сказать, что вот здесь заканчивается один язык или один диалект и начинается другой. Можно пройти с юга Италии до севера Франции и везде будет наблюдаться такое отсутствие языковых границ. Причем нельзя даже назвать каких-либо диалектных особенностей, которые свойственны исключительно одному диалекту. Лингвистические новшества (а в языке все было когда-то новым) расходятся лучами (у И.Шмидта - волнами) от места возникновения за счет подражания, Г.Шухардт видит в этом не стихийность, а осознанное усвоение новых языковых особенностей, подкрепляя данный тезис ссылками на высказывания о моде на произношение.

Эти идеи Г.Шухардта положили начало новой языковедческой дисциплине - лингвистической географии. Позднее по данным лингвогеографических исследований была действительно установлена известная зависимость сходств в структуре языков от географического расположения соответствующих народов. Так, между германскими и славянскими языками выявлено 50 сходных черт в структуре, между иранскими и славянскими - 60 черт, а между разьединенными географически германским и иранским языками - только 15 сходных особенностей.

Из рассуждений о географическом выравнивании языковых особенностей, распространяющихся из разных центров, Г.Шухардт сделал неожиданный вывод, который и представляет его теорию **скрещивания**:

нельзя вообще говорить о родственных и неродственных языках, так как чистых языков не существует, все они смешанные. А раз так, то все языки родственны между собой (разве что за исключением тех, которые функционируют в условиях полной изоляции от других языков, например на острове). Теория скрещивания прямо противопоставлялась шлейхеровскому представлению о родословном древе языков. Сам Г.Шухардт демонстративно обращался к изучению то индоевропейских, то африканских, то угро-финских языков, не считаясь с традициями компаративистов.

В нашей стране теории скрещивания языков придерживался акад. Н.Я.Март, связывавший эту теорию с идеей полигенеза в проблеме происхождения человека.

Теория **слов и вещей** возникла на почве критики фонетических законов, на которые опирались этимологи младограмматической школы. Один из них, французский ученый Ж.Тома, считал, что изучение истории слов должно опираться на звуковую сторону, на закономерности звуковых переходов, а не на семантику слов. Закономерности семантических изменений. “Следует строго применять звуковые законы и в угоду им подчас затыкать себе уши, чтобы не слышать о самых соблазнительных предложениях семантики”, - писал Ж.Тома, Или: “Когда между фонетикой и семантикой образуется конфликт, я всегда обвиняю семантику”.

Против такого подхода и выступал Г.Шухардт. Он считал, что слово в своей истории отражает историю обозначаемой вещи, поэтому этимология должна быть не наукой по истории слов, а наукой по истории **слововещей**. Спор между Ж.Тома и Г.Шухардтом развернулся по поводу происхождения франц. глагола **trouver** - **находить**. Опираясь на звуковые законы, Ж.Тома возвел его к предполагаемому глаголу **troupare** - **сочинять** песню. Его не смущало, что между музыкальным глаголом и общеупотребительным “находить” нет смысловой связи и нет приемлемого семантического перехода. Г.Шухардт же возвел **trouver** к народному слову **turbare** (мутить, волновать), хотя фонетический переход между ними и не поддавался объяснению. Для доказательства своей правоты Г.Шухардт специально изучил все рыболовные публикации от Аристотеля до нового времени, побывал на Венской выставке рыб, наблюдал за рыбной ловлей и в конце концов установил, как изменялось значение глагола **turbare**: 1) мутить воду, чтобы взбудоражить рыбу; 2) взбудоражить рыбу, чтобы облегчить ее поиск; 3) искать для того, чтобы взять рыбу; 4) икать вообще; 5) находить.

Идеи Г.Шухардта оказали сильное влияние на развитие этимологии. Любопытно, что вскоре после полемики между Г.Шухардтом и Ж.Тома в 1909 году был создан даже журнал под названием “Wort und Sachen” (“Слова и вещи”), издававшийся Р.Мерингером, в котором последователи Шухардта продолжали развивать и применять эту теорию.

Таковы основные идеи Г.Шухардта. За свою долгую жизнь он обращался ко многим вопросам языкознания: помимо этимологии, что составляло главный предмет его интересов, он занимался проблемами происхождения языка, грамматики, метода исследования языка и т.д. Как заметил сам Г.Шухардт, он затронул больше вопросов, чем их разрешил. Правильно подмечая недостатки чужих концепций, он далеко не всегда мог выдвинуть свои положительные решения. После 1916 г. он успел покритиковать Соссюра за схематизм, поспорить с К.Фосслером; французских социологов он обвинил в том, что они обходят трудные вопросы, которых, напротив, не боятся немцы (немцев он сравнивает с уличными мальчишками, шлепающими по лужам, французов - с галантными джентельменами, обходящими лужи, чтобы не запачкать лаковых ботинок). Не было, пожалуй, ни одной школы, с которой бы Г.Шухардт не поспорил. Это - следствие его теоретических убеждений в том, что всякая научная школа односторонняя, сковывает научную мысль, что главное в работе исследователя - личный талант и интуиция, языковое чутье.

НЕОЛИНГВИСТИКА

Это самое позднее направление разбираемого периода, оно провозглашено в Италии в 1925 году. Представители этой школы: Маттео Бартоли (1873-1946) - проф. Туринского университета, основатель неолингвистической школы; Витторио Пизани (род. в 1899 г.) - проф. Миланского и других университетов; Джулиано Бонфанте (род. в 1904 г.) - проф., читал лекции в университетах Италии и США, и др.

По идеям неолингвистов стоят в одном ряду с другими критиками младограмматизма. Более того, в них они не добавили ничего нового к уже высказанному в трудах В.Гумбольдта, Б.Кроче и К.Фосслера, Г.Шухардта и др., т.е. повторяли известные положения о языке как продукте художественного творчества, о языковом смешении и отсутствии четких границ между языками и т.д.

Новым у неолингвистов было то, что они более резко, чем Г.Шухардт, отрицали наличие конкретных языков и языковых семейств.

Они утверждали, что между языками не только нет четких границ, но существует лингвистическая непрерывность с постепенными переходами. Следовательно, не существует и единых языков, а имеется лишь совокупность различных изоглосс.

Изоглосса - понятие, впервые введенное неолингвистами, означает линию, нанесенную на лингвистическую карту и показывающую

территориальное распространение того или другого языкового явления.

Чтобы доказать нереальность национальных языков как целостного явления, неолингвисты сосредоточили основное внимание на фиксации таких новообразований, которые выходили за рамки национальных языков и географических границ, и описывали их методом лингвистической географии, т.е. строили изоглоссы распространения этих новообразований. На основании большого количества несовпадающих между собой изоглосс (что естественно при таком подходе) делались не вполне объективные выводы об отсутствии границ между языками.

В связи с изложенными идеями о взаимодействии языков неолингвисты разработали ряд понятий, которые до настоящего времени широко используются в лингвистике. Так, вместо генетического родства языков неолингвисты выдвинули понятие “языкового союза” - объединение смежных языков. При смешении языков в языке-победителе остаются следы того языка, который существовал на данной территории раньше, - это остаток был назван субстратом. Выявлению роли субстрата неолингвисты уделяли много внимания. В работах неолингвистов зародилось также понятие ареальной лингвистики и др.

ШКОЛА ЭСТЕТИЧЕСКОГО И ДЕАЛИЗМА К. ФОССЛЕРА

Карл Фосслер (1872-1949) - профессор Мюнхенского университета (с 1909 г.), филолог, специалист по французской, итальянской и испанской литературе, автор многочисленных литературоведческих исследований. Однако мировую известность ему принесли не монографии по литературе, а несколько работ, написанных по вопросам языкознания, особенно: “Позитивизм и идеализм в языкознании” (1904 г.), “Язык как творчество и развитие” (1905 г.) и “Культура и язык Франции” (1 изд. - 1913 г.).

К вопросам языка К.Фосслер подходил как филолог, литературовед и, не будучи лингвистом, не стремился обосновывать свои теории систематически и скрупулезно подобранными фактами языка; критики Фосслера упрекали его за многочисленные фактические ошибки.

В своих лингвистических построениях К.Фосслер опирался на концепции итальянского философа Бенедетто Кроче, а также на учение В.Гумбольдта. Он был непримиримым противником материализма, который не разграничивал по оттенкам. В первой же своей лингвистической работе К.Фосслер заявляет: “Никто лучше не уживается друг с другом, чем материалисты, позитивисты, мистики и мошенники” (1904 г.). Главными своими противниками он считал младограмматиков, которых причислял к материалистам, или позитивистам, по его терминологии. Всей своей критикой К.Фосслер показывает, что младограмматики ничего не достигли со своим материализмом и завели языкознание в тупик.

Как же разрешает К.Фосслер главные вопросы языкознания - о сущности языка, его развитии и задачах лингвистики?

К.Фосслер не считает язык общественным явлением. Язык - явление сугубо индивидуальное, личное, это проявление индивидуального творческого акта, это духовное творчество. Язык нельзя выучить: каждый человек создает свой язык. Воспроизводить чью-то речь - это дело попугаев. Правда, говорит он, кое-что от попугая есть в каждом из нас; но то, что повторяют все (т.е. то, что стало в языке общественной нормой, или языковым узусом, как это называли младограмматики) - это, по Фосслеру, не язык в собственном смысле слова, это дефицит языка, пассивный и мертвый капитал его. Поэтому все лингвистические дисциплины, созданные неутомимыми позитивистами-младограмматиками при описании языкового узуса - это колоссальное кладбище, где мертвые части языка похоронены в роскошных гробницах, а гробницы пронумерованы и снабжены надписями.

Язык служит для выражения **эстетических** начал в человеке, это проявление культуры. При этом каждый человек создает свой стиль: сколько индивидуумов - столько и стилей. Никаких объединяющих эти стили языков не существует - ни диалектов, ни национальных языков. Единственное, что людей объединяет, - это дар речи. Доказательство? Соедините двух или нескольких индивидуумов из самых разных мест, например Китая, Швеции, Бразилии, - и они очень скоро начнут говорить друг с другом, так как их объединяет дар речи. Современные языки - результат подобных, более или менее произвольных группировок людей.

Как же развивается язык? Как происходят изменения в его фонетике, морфологии и т.д.?

Младограмматики, как известно, искали объективные законы развития языка и внутренние причины, управляющими ими. Так, они открыли звуковые законы (в основе которых лежит физиологический фактор) и закон аналогии (психический фактор). К.Фосслер отрицает объективные причины и законы в развитии языка. Развивают язык отдельные гениальные творческие личности, усвоившие дух языка, его душу, или, по определению К.Фосслера, **акцент** языка. В каждом индивидууме изначально заложены два стремления: с одной стороны, стремление говорить языком окружающей среды, с другой - стремление создавать свой собственный стиль. У рядовых людей победило первое стремление: они повторяют только то, что слышали от других. Гении же вновь и вновь ищут свежие средства выражения. В качестве примера понимания “акцента” языка К.Фосслер приводит талантливого итальянского артиста, который произносил по порядку

числа от одного до ста с таким выражением, что публика слышала в этом счете речь убийцы, кающегося в своем преступлении, и плакала от сочувствия к несчастному преступнику.

“Акцент” языка отражает национальный дух, от которого в конечном счете и зависят фонетические, грамматические и прочие изменения в языке (а не от фонетических законов). Например, итальянцы народ музыкальный, у них развито чувство ритма, поэтому в их языке появились долгие гласные и согласные. Во Франции становление купечества и торговых отношений вызвало и новофранцузский дух, заключающийся в рационализме и расчетливости. Это выразилось, в частности, в появлении артикля во французском языке (в латинском языке его не было), с помощью которого слова наглядно группируются; в установлении твердого порядка слов в предложении и исчезновении падежей (при твердом порядке не нужны) и т.д.

Таким образом, по убеждению К.Фосслера, не бытие управляет языком и отражается в нем, а национальный дух и разум отдельной личности. Интересно, что сам К.Фосслер не произвел полного анализа какого-либо языка с помощью своего метода, а ограничился отдельными примерами, которые были дружно опспорены современниками-лингвистами.

Как решается К.Фосслером третий вопрос - о задачах лингвистики? Главная задача лингвистики - изучение эстетических особенностей языка, индивидуальных стилей. Изучение же узуса - ненаучно. Основная лингвистическая наука, по К.Фосслеру, есть стилистика, которая, в свою очередь, представляет раздел эстетики. В противовес формуле Г.Пауля о языкознании (всякое языкознание является историческим) К.Фосслер выдвигает свою формулу: всякое языкознание является эстетическим и относится к разряду наук о культуре. К.Фосслер отрицает и психологизм младограмматиков, подчиняя психологию эстетике: “Тот, кто превращает психологию в основу логики и эстетики, тот взнуздывает своего мула с хвоста”, - писал он.

Заслуга К.Фосслера в том, что он выдвинул новые проблемы, не затронутые младограмматизмом: необходимость создания лингвистической стилистики; проблему изучения языка писателей и взаимоотношений этого языка с общенародным языком; проблему связи языка с историей культуры. Сам К.Фосслер этих проблем не разрешил, но он заронил идею, натолкнул последующих лингвистов на поиски решений.

Работа К.Фосслера в том отношении, что они подтверждают несостоятельность идеализма, невозможность разрешить важные лингвистические проблемы на идеалистическом основании. В частности, подтверждается, что вопросы развития языка можно разрешить лишь исходя из признания общественной, коммуникативной функции языка в качестве определяющей функции. К.Фосслер же строил свою теорию на признании экспрессивной функции в качестве доминирующей и потерпел неудачу.

У К.Фосслера было немного прямых последователей, например Лео Шпитцер (немецкий стилист, семасиолог и этимолог по романским языкам) и некоторые другие. Значительно больше современников критиковали работы Фосслера.

Тема 8. СТРУКТУРАЛИЗМ

Школы конца XIX века - начала XX века, особенно Казанская, Московская и школа Соссюра (социологическая), выросли на критике младограмматизма и занимались поисками новых концепций, которые можно было бы противопоставить младограмматизму.

Наибольшего успеха в этом отношении добился Соссюр. Именно его концепции оказались той базой, на которой развилось языкознание XX века, получившее название **структурализма**¹⁶.

¹⁶ Рецензент Л.И.Баранникова делает следующее замечание к данному разделу пособия: “Следует различать структурализм как особое научное направление в языкознании XX века со своей особой философской базой, пониманием языка и методов его исследования и системно-структурный подход к языку, характерный для языкознания второй половины XX века в целом, существенно отличающий его от языкознания XIX века. Системно-

Что же такое структурализм и каковы причины его возникновения?

Структурализму в целом присущи следующие черты:

1. Признание **системности** и **знаковости** языка как объекта исследования.
2. Признание главной научной задачей лингвистики **описание** системы языка. При таком подходе не обязательно выявление причинно-следственных связей, постановка философских теоретических проблем, не обязателен в науке.

3. Разработка и применение синхронических методов исследования (точнее - способы описания), в которых **дедукция превалирует над индукцией**, а также математизация этих методов.

4. **Предпочтение** в описании **формальной, структурной стороне** языка в ущерб смысловой.

Впрочем, отказ от изучения смысловой стороны, провозглашенный вначале некоторыми структуралистами, не выдержал испытания временем.

Каковы **социальные причины** возникновения структурализма?

1. **Развитие техники**, зарождение информационных машин, создание теории информации, поиск способов интенсификации труда, связанного с языком. К таким поискам относится, например, попытка создать машину-переводчик.

2. **Влияние философии**. На развитии западной лингвистики сказались философские течения, которые поставили задачей поиски непротиворечивых, стройных, красивых теорий, созданных умозрительно, дедуктивно, с целью "упорядочения" науки.

Имелись и другие причины, породившие структурализм¹⁷. В целом структурализм - это явление сложное и противоречивое. Полезное и прогрессивное в нем получило распространение в лингвистике, отрицательное подвергнуто критике. Но и в критике была польза - она помогла найти правильные решения.

Структурализм - явление **собирательное**. Он представлен **несколькими школами** - пражской, датской, американской и др., общим для которых является:

1. Понимание сущности и строения языка.

В отличие от школ XIX века, структуралисты больше говорят о структуре языка, чем о его сущности.

Сущность понимается структуралистами одинаково: язык - знаковая система, т.е. и сущность сводится к устройству, а не к функциям.

2. Понимание задач лингвистики и строения науки, ее рубрикации.

Особое внимание уделяется разработке методов исследования (описания) языковой структуры.

Не затрагиваются сугубо теоретические, философские вопросы: развитие языка, закономерности развития, связь языка и мышления и другие. Лингвистика оказалась в целом формализованной, негуманитарной.

Школы зародились еще в 20е годы XX века, между ними было много общего, антимладограмматического, но в дальнейшем наметилось усиление расхождений.

В целом структурализм - господствующее направление всего XX века, как компаративизм - господствовавшее направление XIX века. В 1970-е годы позиции структурализма уже ослаблены, тем не менее под его влиянием в современном языкознании широко используется в качестве одного из методов структурно-системный подход.

ПРАЖСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Пражский структурализм многое заимствует из лингвистики XIX в., сохраняет ее традиции, поэтому особым течением его иногда не признают. Начинается пражский структурализм с деятельности Пражского лингвистического кружка, возникшего в 1926 году. Это был первый в Западной Европе лингвистический кружок, по образцу которого стали создаваться позднее и другие. Сам же Пражский лингвистический кружок (ПЛК) создан под влиянием Московского лингвистического кружка (МЛК), существовавшего в

структурный подход включает ряд новых течений и направлений, но объединяется общим пониманием языка как сложного системно-структурного образования. Недооценка значимости развития такого подхода (характерного для современного развития и других наук) сказалась и на оценке ряда научных школ и направлений (в первую очередь работ Ф. де Соссюра и ряда представителей американской и пражской школ). (Примеч. сост.)

¹⁷ Очевидно, одним из важнейших факторов возникновения структурализма является развитие системного подхода к изучаемым явлениям, столь характерного вообще для науки XX века. Этот подход отразился, например, в химии (таблица Менделеева), физике (работы Н.Бора, Э.Резерфорда), социологии и ряде других работ. (Примеч. редактора).

1919-1923 гг. Одним из основателей ПЛК был **Р.О.Якобсон** (1896-1982), участвовавший в свое время в создании МЛК.

Р.О.Якобсон эмигрировал из Москвы в Прагу в 1921 году. Он стал известен как литературовед и лингвист еще до эмиграции. В России Р.О.Якобсон окончил два вуза Лазаревский институт восточных языков в Москве в 1914 году (где изучал арабский, персидский, турецкий языки) и Московский университет в 1918 году. Это про него писал В.Маяковский в стихотворении “Товаришу Нетте - пароходу и человеку” в 1926 году: “...напролет болтал о Ромке Якобсоне...” Позднее, после Праги, Р.Якобсон переехал в США, стал профессором Гарвардского университета и Массачусетского технологического института. Он создал Нью-Йоркский лингвистический кружок.

Возглавлял ПЛК профессор **Вилем Матезиус** (1882-1945), специалист по общему языкознанию и английскому языку. Из чешских лингвистов в ПЛК входили также **Б.Гавранек**, позднее академик, глава послевоенной чешской лингвистики; **Ф.Травничек**, позднее академик, отошел от структурализма; **Й.Вахек**, автор лингвистического словаря; **Б.Трика**, **В.Скаличка** и др.

Из русских эмигрантов, помимо Р.О.Якобсона, в деятельности ПЛК принимали участие **Н.С.Трубецкой** (1890-1938), **С.О.Карцевский** (1884-1955).

Н.С.Трубецкой - сын профессора философии С.Трубецкого, ректора Московского университета, затем слушал лекции в Лейпцигском университете, с 1915 года - приват-доцент Московского университета с 1905 года. Окончил в 1913 году Московский университет, в 1918 году - профессор Ростовского университета, в 1919 году эмигрировал в Софию, с 1922 года - профессор Венского университета, с 1930 - академик Венской Академии Наук.

С.О.Карцевский родился в России, в Тобольске, но окончил Женевский университет в Швейцарии, был учеником Соссюра. С 1920 года - преподаватель Страсбургского университета в Германии, затем - Пражского, Берлинского и Женевского университетов, профессор.

Выходцы из России наложили определенный отпечаток на идеи пражского структурализма. Так, Н.С.Трубецкой при разработке фонологии опирался на работы Бодуэна, которого считал своим учителем.

Кроме того, в деятельности пражцев принимали участие собственно советские филологи: лингвисты Г.О.Винокур, Е.Д.Поливанов, литературоведы Б.В.Томашевский и Ю.Н.Тынянов.

Из других зарубежных лингвистов с пражцами контактировали француз Андре Мартине, датчанин Л.Ельмслев, англичанин Д.Джоунз, поляк В.Дорошевский и др.

Объединяла лингвистов Европы с пражцами, во-первых, антимладограмматическая направленность их деятельности, во-вторых, возможность выступать в Праге и печататься в “Трудах ПЛК”, регулярно издававшихся в период с 1929 по 1939 годы - десятилетие расцвета ПЛК.

Пражский кружок возник как реакция на засилье младограмматизма в чешской лингвистике в начале XX века. Возглавлял чешскую лингвистику с 1880-х годов профессор Я.Гебауэр (1883-1907), активный сторонник младограмматизма, призывавший к изучению истории чешского языка, к публикации старочешских памятников, к созданию исторического словаря и т.д. В настоящее время чехи высоко ценят его труды, а в 1920-е годы подняли бунт против засилья диахронизма, провозглашенного Я.Гебауэром.

1. Понимание сущности языка . Строение языка

Язык - это система знаков (это исходное положение взято у Соссюра и является общим для всех структуралистов), которая выполняет определенную роль, имеет определенную целенаправленность, определенное значение - **функцию**.

Главное в данном определении для пражцев - **назначение** языка и его знаков в процессе коммуникации. Язык для них - не имманентная, независимая ни от чего система, существующая в самой себе

и для себя, как говорил Соссюр, а система знаков, зависящая от реальной действительности и служащая этой действительности. Поскольку у прагматов делается упор на функцию языка, самоназванием прагматического структурализма является **функциональная лингвистика**.

Прагматики подчеркивают, что в языке, так же как и в любой знаковой системе, все зависит от функции. Критикуя Соссюра, они говорят, что те же шахматы становятся совсем другой игрой, если меняют свою общественную функцию. Так, не в любительском, а в спортивном употреблении они приобретают новые правила: в них появляются понятие цейтнота, ограничение во времени, нормы присвоения мастера и гроссмейстера, правила засчитывания очков и т.д. То есть прагматиками решительно отвергается независимость знаковых систем от внешних условий, отвергается имманентизм как таковой.

Точно так же отвергается независимость отношений знаков от способа их манифестации: в каждом языке своя системность, свои отношения между письменной и устной формой, между буквами и звуками и т.д.

2. Задачи, проблемы, цели, методы лингвистики

Задачи и цели лингвистики определяются прагматиками в соответствии с исходной формулой языка. В каждом языке лингвист должен выделить **типы языков** (или проявления языка) **по их функциям**. Таких типов и проявлений оказывается очень много, т.к. очень много функций. Например, диалектные и специальные профессиональные языки; внутренняя и внешняя речевая деятельность; устная и письменная форма языка; монологическая и диалогическая речь. Особенно важным считается выделение двух функций языка - функции общения и так называемой поэтической функции.

Первая представляет интеллектуальную речевую деятельность, вторая - аффективную, вызывающую эмоции у слушателя. В соответствии с этим прагматики выделяют два таких основных языка: **литературный язык и поэтический язык**.

Не без влияния прагматов в советской лингвистике Е.А.Земская и ее группа выделяют разговорную речь как особый язык, противопоставляя ее кодифицированному литературному языку.

В каждом выделенном языке, по мнению прагматов, имеется своя система и своя речевая реализация. Они отвергают схематическую формулу Соссюра о выделении языка и речи в общем виде. Языков или языковых систем столько же, сколько типов функциональных речевых проявлений.

Здесь прагматики впадают в крайность. Они, например, отказывают поэтическому языку в функции общения: поэзия служит не для передачи мыслей, а представляет собой лишь индивидуальные творческие упражнения над языком, цель которых - воздействовать на чувства. К таким упражнениям относятся рифмы, ритм, мелодия, подбор звуков и звуко сочетаний, отступления от общепринятых норм, особый порядок слов, отбор редких (свежих) слов и пр. На самом деле, и поэзия служит целям общения, а инструментальность стиха не является самоцелью, выполняет вспомогательную роль.

Положительным в функциональной лингвистике является то, что она уходит от имманентного изучения языка, учитывая внеязыковые, так называемые **экстралингвистические факторы**. Отсюда постановка и решение таких важных проблем, как язык и культура, язык и история народа, межъязыковые связи, географическое проявление языка (ареальная лингвистика), сравнение языков по функциям (а не только по родству) и разработка типологии языков (В.Скаличка, Р.Якобсон и др.).

Прагматики, так же как и все структуралисты XX века, особое внимание уделяют **методам** исследования. Для функционального изучения языка они либо разрабатывают специальные методы, либо приспособивают старые.

Прежде всего, прагматики пересматривают антиномию Соссюра о **синхроническом и диахроническом подходе** к изучению языка. Как и Соссюр, они выступают против одностороннего исторического (диахронного) метода младограмматиков, пропагандируют синхронический метод описания и изучения языка. Но, в отличие от Соссюра, прагматики отвергают их противопоставление, критикуют мнение об их несовместимости. Они не только не исключают диахронического подхода, но уже в "Тезисах ПЛК" говорят о том, что в синхроническом описании невозможно избежать диахронии. Для доказательства, в частности, приводятся следующие примеры. При синхроническом описании современных стилистических средств языка исследователь неизбежно должен отмечать такие средства, как архаизмы, неологизмы, а это понятия диахронические, связанные с развитием языка. Синхроническое описание системы словообразования требует выделения продуктивных, малопродуктивных и непродуктивных способов, что тоже связано с диахронией, с развитием языка и потенциальными изменениями в нем. В своих конкретных исследованиях прагматики стремятся совмещать синхронический и диахронический подходы.

При выявлении функций тех или иных речевых единиц, прагматики широко применили и разработали **статистический метод**, намеченный еще Бодуэном. Статистический метод заключается в определении частотности употребления тех или иных языковых единиц: фонем, морфем, слов и т.д. К настоящему

времени этим методом пользуются все лингвисты, причем если у первых пражцев (например, у Н.С.Трубецкого) он был еще на уровне арифметики, то у современных структуралистов статистический метод уже поднялся до уровня алгебры и высшей математики.

По-новому пражцы использовали и **сравнительно-исторический** метод. На его основании они применяют **сопоставительный** (сравнительный) метод для выявления синхронной типологии языков. Так, например, Н.С.Трубецкой в области фонологии сопоставляет фонетические системы не менее чем ста языков мира, включая редкостные африканские языки, не родственные между собой.

Фонетика, морфология и синтаксис трудах пражских структуралистов

Фонетика. В своих конкретных исследованиях пражские структуралисты стараются раскрыть **функциональную сущность всех единиц языка**, т.е. выяснить назначение этих единиц в процессе общения. Это было новым словом в лингвистике.

Лингвисты XIX века характеризовали звуки речи, например, преимущественно по их объективным показателям: по способу образования, по артикуляционной природе, по акустическому восприятию и т.д. **Н.С.Трубецкой**, вслед за Бодуэном де Куртэнэ, подошел к звукам с **позиций функциональных** - с выяснения роли членораздельных звуков в речи. Он установил, что фонетические единицы имеют три назначения: 1. Указывают количество значимых единиц в речи (количество слов или словосочетаний). Звуки выступают в этой роли вместе с паузами и ударениями. Это - "**вершинообразующая**", **кульминативная** функция. 2. Указывают границы между единицами речи (между словами). Это - **разграничительная** функция, свойственная "пограничным сигналам" (эти сигналы необязательны в языках). 3. Выполняют **смыслоразличительную** функцию, наиболее важную именно для звуков (а не для пауз и ударения), ср. *дом - том, сом - сам*.

Учение о функции звуков, их назначении Н.С.Трубецкой назвал **фонологией**, которую резко противопоставил собственно **фонетике**. "Фонология так относится к фонетике, как политическая экономия к товароведению или наука о финансах к нумизматике", - говорит он.

Так же резко противопоставляется и понятие **звука речи** и **фонемы**. Звук речи - понятие артикуляционно-акустическое, фонема - функциональное. Функционируя в языке, звуки становятся фонемами, выполняют роль фонем.

Как же выполняют фонемы свою главную - смыслоразличительную функцию? Это достигается благодаря системности фонем. В каждом языке в качестве фонем используется не случайный набор звуков, а набор звуков, связанных между собой попарно (или по три, по четыре элемента и т.д.). Звуки, связанные между собой, воспринимаются говорящими (и слушающими) как противопоставленные друг другу, например: *дом* и *том*. *д* и *т* противопоставлены: один звонкий, другой глухой. В качестве фонем в языке могут выступать только звуки, находящиеся в **опозиции** друг к другу. **Учение об оппозициях является центральным ядром всей фонологии Н.С.Трубецкого**. Это учение изложено в его книге "Основы фонологии", которая была опубликована после смерти автора, в 1938 г. Над данной монографией Н.С.Трубецкой работал 12 лет, изучив системы оппозиций более чем в ста языках мира.

Он разрабатывает учение о **типах оппозиций**. Оппозиции могут быть парными, или бинарными (*б - п, д - т, л - л*), трехчленными (греч. *π - β - φ*), четырехчленными (древнеинд. *р - рh - в - vh*) и даже шестичленными (в грузинском, черкесском и др. кавказских языках). Особенно характерны для языков бинарные оппозиции. Как позднее уточнил Р.Якобсон, бинарных оппозиций в языках мира не более двенадцати: лабиальные - нелабиальные, носовые - неносовые, долгие - краткие, закрытые - открытые и т.д.

Оппозиции бывают постоянные и нейтрализуемые. Так, звуки, далекие друг от друга по артикуляции, находятся в постоянной оппозиции, они никогда не совпадают друг с другом, например: *т - р, б - г* и т.д. (это так называемые эквиополентные, равнозначные оппозиции). Напротив, звуки *д - т, б - п* и под. находятся в нейтрализуемой оппозиции (так наз. привативной), когда при определенных условиях фонемы совпадают, ср.: *род - рот*. Нейтрализация происходит потому, что один из звуков утрачивает дифференциальный признак (звонкость), а оставшиеся недифференциальные (интегральные) признаки оказываются общими у двух фонем (ср. *прудик - прутик* и *пруд - прут*). Фонему, возникающую в результате нейтрализации, Н.С.Трубецкой назвал **архифонемой**. Она может совпадать с одним из членов оппозиции (*д - т*), но может быть и промежуточной между ними (например, *ь* в словах *планом - планам*). Нейтрализуемые оппозиции включают неравноправные члены: один звук имеет дифференциальный признак (например, звонкость), другой его не имеет. Соответственно они называются Н.С.Трубецким сильным и слабым членами, или маркированным и немаркированным.

Таким образом, Н.С.Трубецкой проникает в глубь структуры фонемы, разлагает ее на составные части. Фонема для него - это совокупность фонологически существенных признаков, комплекс из таких признаков, это не сам физически данный звук, а то, что отличает один звук от другого.

Помимо архифонемы Н.С.Трубецкой вводит понятие морфонемы - т.е. фонемы, которая возникает в одной и той же морфеме в результате чередований (например, *рука - ручной*, морфонема *к/ч*; *нога - ножной*, морфонема *з/ж*). Понятие морфонемы не используется в современной фонологии, однако **морфонология**, провозглашенная Н.С.Трубецким, получила распространение и в советском языкознании. Фонологическая теория Н.С.Трубецкого в целом используется в большей мере Московской фонологической школой, чем Ленинградской.

Помимо учения об оппозициях, Н.С.Трубецкой разрабатывает **теорию о разграничительной функции фонем** и других фонологических средств. В последнем разделе своей книги он описывает так называемые **пограничные сигналы**, по которым узнается начало или конец слова. Так, сигналом конца слова во французском языке выступает ударение, в русском языке - оглушение звонкого согласного (ср. *продрог ли* и *продрогли*, *ослаб ли* и *ослабли* и т.д.). Сигналом начала слова является, например, ударение в венгерском языке, где оно закреплено за первым слогом.

Заслугой Н.С.Трубецкого является также разработка **статистической характеристики фонем** (т.е. статистики встречаемости фонем в тексте). Это позволяет выявить место каждой фонемы в системе, равноправное или неравноправное ее положение среди однотипных с ней фонем. Так, выявилось, например, что в русском языке твердые согласные встречаются в два раза чаще, чем мягкие, но *д* и *д* составляют исключение. Их встречаемость измеряется цифрами 42% и 58% т.е. *д* употребляется чаще *д*.

В целом учение Н.С.Трубецкого оказало заметное влияние на развитие фонологии в других странах. Не случайно, он считается "отцом" европейской фонологии.

Кроме Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона вопросами фонологии занимался **Андре Мартине**, примыкавший к пражской школе.

Андре Мартине - один из крупных современных французских лингвистов, стоящих на позициях функционально-структурного направления. Он родился в 1908 г., окончил Сорбонну и Берлинский университет. В 1947-55гг. - профессор Колумбийского университета в США, с 1955 г. - профессор в Сорбонне, с 1960 г. заведует кафедрой лингвистики в Парижском университете. Начиная с 1937 года, А.Мартине много пишет и публикует. За сравнительно короткое время выпускает около десятка монографий.

В отличие от Н.С.Трубецкого, А.Мартине обратился не к синхронической, а к **диахронической** фонологии. Возможность такого обращения вытекала из общей концепции пражцев, согласно которой именно в процессе функционирования языка происходит его развитие, в том числе развитие фонетики. Вопросы диахронической фонологии разработаны А.Мартине в монографии 1955 г. "Принцип экономии в фонетических изменениях", опубликованной на русском языке в 1960 г.

Главный теоретический замысел этой монографии А.Мартине - показать способность структурализма быть всеобъемлющим направлением, позволяющим давать не только синхроническое описание, но и описание эволюции языка, его истории в системе, что же нового вносит он в диахроническое описание по сравнению с компаративизмом и младограмматизмом?

Во-первых, компаративисты, как считает А.Мартине, только описывали эволюцию, вскрывали то, **как** происходят звуковые изменения. Мартине ставит задачу выяснить, **почему** происходит та или иная эволюция. Во-вторых, компаративисты **атомистически** рассматривали эволюцию отдельных явлений. А.Мартине исходит из **системных отношений** в языке, в чем и проявился структурализм.

А.Мартине обращается к традиционной диахронической проблематике (прежде всего причинам эволюции в языке) вопреки другим структуралистам. Он сознательно противопоставляет себя априористам и дедуктивистам типа датского структуралиста Л.Ельмслева, игнорировавшим задачу выявления причинно-следственных отношений в развитии языка. А.Мартине - материалист, находящий доказательства эволюции и причинности в самой материи языка. Главной причиной всех языковых изменений он считает стремление к гармонии языковой системы. Поскольку полной гармонии достичь невозможно, то эволюция в языке будет всегда.

А.Мартине и в синхроническом описании считает необходимым вскрывать причинные связи явлений, а это неизбежно приводит к привлечению экстралингвистических факторов, а также диахронии. (Диахронический подход проявляется уже в том, что в синхроническом описании имеются в виду разные поколения говорящих, речь которых отражает эволюцию языка). Экстралингвистические факторы, по мнению А.Мартине, тоже определяют историческое развитие языка. Однако эта идея не нашла должного отражения в его работе, оставшись чистой декларацией.

Впрочем, в монографии 1960 г. “Принципы общей лингвистики” он уже отказывается от идеи исследовать экстралингвистические факторы, возвращаясь к идее Соссюра о том, что лингвиста должны интересовать только внутренние факторы: “Лишь внутренние причинные связи представляют интерес для лингвиста”.

Фактически все причины эволюции отыскиваются А.Мартине во внутренней структуре языка. При этом главной причиной фонологических изменений он считает **принцип экономии** языковых средств, заложенный в самой системе языка. Принцип экономии, действительно, важная причина развития языка, но нельзя считать его единственной причиной эволюции, действующей везде и во всем, как полагал А.Мартине. Ошибка его в том, что экономия понимается как явление неизменное, не зависящее от перемены внешних условий, как явление, заложенное в самой природе человека. А.Мартине исключает из исследования все эволюционные явления, под которые нельзя подвести “экономичную” базу, сужая тем самым сферу наблюдений. Таким образом, его объяснение языковой эволюции так же априорно и дедуктивно, как ряд других теорий структуралистов.

В то же время многие мысли и наблюдения А.Мартине, безусловно, интересны. Так, например, он делает вывод о том, что часто употребляемые (частотные) слова в отличие от малочастотных с течением времени неизбежно становятся короче, малофонемнее. Они подвергаются сокращению, например: *метро* вместо *метрополитен*, *кино* вместо *кинематограф* и др. Если слово нельзя сократить, многофонемное и многосложное название заменяется по принципу экономии коротким (пусть даже и просторечным) словом, ср. *шеф* вместо *начальник*. Редко употребляемые слова так и продолжают оставаться длинными, не сокращаются, ср. *динозавр* или *гиппотам*.

Действительно, в русском языке одиннадцатифонемные слова составляют всего 5-7% от общего количества слов. Такой же процент составляют десятифонемные слова в английском и французском языках. (По данным Р.Г.Пиотровского).

Принцип экономии приводит и к изменениям в самой системе звуков. Так, в еврейском языке (идиш) было утрачено увулярное - внесистемное Ч и заменено звуком , которое составляет пару к глухому х, а в русском языке появилось ф, составляющее пару к в. Экономия в подобных случаях в том, что говорящим не требуется осваивать новую артикуляцию и ломать артикуляционную базу языка, а можно использовать привычную артикуляцию и освоенную оппозицию. Заимствование же внесистемного и неэкономного звука (например, английского *th* в русский язык) было бы невозможно.

Представляют интерес и другие наблюдения А.Мартине.

Неприемлемым у него является попытка найти единственную причину всех изменений, что неизбежно ведет к схематизации, упрощению и искажению исторического процесса¹⁸.

Морфология. Эта область разрабатывалась **Р.О.Якобсоном** и **А.В.Исаченко**. В их исследованиях сказалось влияние фонологии Н.С.Трубецкого и прежде всего учения об оппозициях. Грамматические единицы, по мнению Р.О.Якобсона, как и фонемы, находятся между собой в оппозиционных отношениях, т.е. противопоставлены друг другу, например: единственное - множественное число, возвратные - невозвратные формы, совершенный - несовершенный вид и т.д. Эти категории и формы и функционируют одна на фоне другой. они неравноправны. Один из членов грамматической оппозиции обладает положительным, выраженным дифференциальным признаком, а другой отрицательным, никак не выраженным, нулевым признаком.

Первый член называется сильным, или маркированным, второй - слабым, или немаркированным (термины и понятия перенесены из фонологии Трубецкого). Маркированный член является однозначным, узким по значению, более определенным членом оппозиции, немаркированный - широким по значению, способным совмещать и свое значение, и значение противчлена. Например, немаркированное единственное число способно употребляться и в значении множественного числа (ср. *Дерево растет долго*), а маркированное множественное число (*деревья*) не может иметь значения единственного числа. Это явление Р.О.Якобсон назвал асимметричностью оппозиций (первым ввел понятие асимметричности С.О.Карцевский).

Р.О.Якобсон и вслед за ним А.В.Исаченко исходили из положения о том, что в грамматике все находится в бинарных оппозициях (что на самом деле является упрощением, схематизацией). А.В.Исаченко в своей работе “Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким” доказывает, например, бинарность категории рода, времени и падежа в русском языке. Так, с одной стороны, он

¹⁸ Тем не менее принцип экономии А.Мартине довольно широко используется в современной лингвистике. (Примеч. ред.).

выделяет мужской и женский род, как единый сильный, маркированный член оппозиции, с другой стороны, средний род, как слабый, немаркированный член. В последний и включается все, что не имеет ярких родовых признаков (например, несклоняемые существительные типа *такси, рагу*, боа и пр.). В области категории времени два непрощедших времени противопоставляются одному прошедшему. Все падежи у А.В.Исаченко разбиваются на противопоставленные пары и т.д. Однако уже сами чешские лингвисты, а затем советские ученые нашли в теории бинарности уязвимые места. Они отметили, что сводить все грамматические явления к бинарным отношениям - это значит подгонять живой язык под искусственную схему. Даже в фонетике, как указывал Трубецкой, помимо бинарных имеются трехчленные и многочленные оппозиции. Имеются они и в морфологии, особенно трехчленные (например, род, время в русском языке, число в старославянском и т.д.).

Положительным во всех этих морфологических концепциях является то, что пражские структуралисты ведут исследования с учетом значений, не отказываясь от содержания, в отличие от других структуралистских школ.

Синтаксис. В области синтаксиса наибольшую известность получила теория **В.Матезиуса** об актуальном членении предложения (работы по актуальному членению были опубликованы после смерти Матезиуса в 1947 г.). Идеи В.Матезиуса были подхвачены во всем мире, получив свое дальнейшее развитие. В СССР она разрабатывалась такими учеными, как К.Л.Крушельницкая, И.П.Распопов, И.И.Ковтунова и др.

Суть **теории актуального членения** заключается в следующем.

В языке существуют определенные синтаксические единицы, конструкции, модели в виде односоставных, двусоставных и других видов предложений. **В речи** же эти конструкции реализуются в виде конкретных предложений, соответствующих определенным коммуникативным заданиям. При этом одна и та же конструкция может реализовываться, в зависимости от задания, в виде разных предложений. Например, двусоставная распространенная конструкция **“Я пойду сегодня в кино”**, может употребляться в речи в следующих интонационных вариантах: **“Я пойду сегодня в кино”**, **“Я пойду сегодня в кино”**, **“Я пойду сегодня в кино”**, **“Я пойду сегодня в кино”**, а также в виде предложений: **“В кино сегодня пойду я”**, **“Я пойду в кино сегодня”** и т.д. Такая речевая реализация и является актуализацией конструкции. Средствами актуализации выступают порядок слов, интонация и логическое ударение.

Главной задачей синтаксиса, по мнению прагцев, и должно быть изучение функциональной специфики предложений в речи, а не грамматических особенностей языковых конструкций. Они считают недостаточным изучение грамматического членения предложения на подлежащее, сказуемое и второстепенные члены, т.к. при этом членении выявляются лишь языковые особенности конструкции, но не речевые признаки предложений. Грамматический анализ членов предложения не обнаружит различия предложений типа **“Сегодня я пойду в кино”** и **“В кино я пойду сегодня”**.

При актуальном членении в предложении выделяются другие единицы: 1) часть предложения, которая содержит нечто уже известное, - называемая синтаксистами основой высказывания (В.Матезиус, И.П.Распопов), или данным (К.Л.Крушельницкая), или темой (нем. лингвист К.Боост), или лексическим подлежащим (А.И.Смирницкий) и др.; 2) часть предложения, которая включает в себе нечто новое для слушателя, ради чего и осуществлено высказывание, - называемая ядром (В.Матезиус), новым (К.Л.Крушельницкая), ремой (К.Боост), лексическим сказуемым (А.И.Смирницкий), преддицируемой частью (И.П.Распопов) и др.

Актуальное членение вскрывает разницу в предложениях типа **“Я пойду в кино сегодня”** и **“Сегодня я пойду в кино”**, преддицируемой частью которых (ремой) являются разные элементы - **сегодня** и **в кино**.

В актуальном синтаксисе выделяются свои типы предложений в зависимости от способов выражения основы и преддицируемой части. Например, И.П.Распопов выделяет следующие типы:

1. *Осень наступила. Ветер подул. Светает.* (Новой является вся информация).
2. *На закате шел дождь. С моря веет свежестью.* (Основой являются обстоятельства, преддицируемой частью - остальное содержание предложения).
3. *Человек - кузнец своему счастью. У Дымова сильно болела голова.* (В основе называется какое-то лицо или предмет, преддицируемая часть содержит нечто сообщаемое об этом лице или предмете).
4. *На другое утро Базаров проснулся раньше всех. В свободное время Щедрин много читал.* (В основе высказывания указывается на обстоятельства и лицо или предмет, в преддицируемой части что-то сообщается об этом лице или предмете).
5. *Лиза ждала его целый день. Выехал я на станцию в десять часов утра.* (В основе высказывания воспроизводится какой-то факт, преддицируемая часть уточняет обстоятельства его совершения).
6. *Морозка не любил чистеньких людей. Павел был рад приходу Жухрая.* (Основа содержит название двух субстанций, преддицируемая часть определяет отношения между ними). (См.: И.П.Распопов. Строение простого предложения в русском языке. М., 1970, с. 113-133).

Наличие связи между определенным коммуникативным заданием высказывания и языковой моделью доказывает отнесенность актуального членения не только к речевым, но и к языковым фактам. Основы

актуального членения заложены уже в языке. Являясь атрибутом общения, оно не может не принадлежать языку в целом.

Теория актуального членения имеет и свои **недостатки**:

1. При выделении основы и предцизируемой части высказывания возможен субъективизм, нет безусловных показателей их разграничения.

2. Проявляется преувеличенное внимание к логической стороне высказывания при несколько пренебрежительном отношении к стороне грамматической.

Именно поэтому прагматики не считают возможным отказаться от грамматического разбора, утверждая, что полный разбор может быть дан лишь в соединении актуального и грамматического членения.

ДАТСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Глава и зачинатель датской структуралистской школы - **Луи Ельмслев** (1899-1965), профессор Копенгагенского университета с 1937 г., директор Института лингвистики и фонетики при этом университете. Он организовал в 1931 г. кружок по образцу ПЛК. Теорию своей школы Л.Ельмслев опубликовал в 1943 г. на датском языке, в связи с чем она длительное время никому не была известна. Известность эта теория получила в 1953 г. после перевода и опубликования на английском языке книги "Пролегомены к теории языка" (пролегомены - введение). На русский язык эта книга была переведена в 1960 г.

Другие представители датского структурализма: **Х.Ульдалль** (1907-1957), отчасти - В.Брендаль (1887-1942), из современных - Х.Серенсен (р. 1911). За границей последователей теории Л.Ельмслова немного ввиду ее сложности.

Философская база датского структурализма - неопозитивизм неокантианца Карнапа. Характерная черта неопозитивизма - отрицание познаваемости мира, надежности опыта. В опыте мы опираемся на собственные ощущения, из которых знаем, что снег - белый, камень - тяжелый, колючка - острая, крыжовник - кислый и пр. Неопозитивисты же считают, что этот опыт не надежен, что ощущениям доверять нельзя, поскольку они не дают объективного представления о мире (одному предмету показался холодным, а другому теплым, одному тяжелым, а другому легким и т.д.). В опыте мы познаем не внешний мир, говорят неопозитивисты, а только наши собственные ощущения. Истинные же признаки нам неизвестны. Познание мира и его объективных законов вообще невозможно. Отсюда делается вывод о том, что к познанию мира и не следует стремиться, поскольку эта цель все равно недостижима. Задача науки - не раскрытие объективной картины мира, а создание искусственного философского объяснения действительности, поиски стройных концепций без противоречий. Один из путей создания таких концепций - упорядочение научной терминологии своей отрасли и математизация ее.

Опираясь на философию неопозитивизма, Л.Ельмслев ставит перед лингвистикой задачу отказаться от опытного, эмпирического изучения языка индуктивным путем, как это делала традиционная лингвистика. Лингвисты в прошлом сначала изучали частные факты, а затем обобщали их, делали выводы. Например, изучая в языке формы существительных, они установили наличие в русском языке шести падежей, в немецком - четырех падежей, в мордовском - одиннадцати и т.д. Поскольку в языках эти падежи не совпадают, их обобщение невозможно. Л.Ельмслев же идя дедуктивным путем, предлагает сначала построить логическую схему - из головы, априорно, до опыта, а потом по этой схеме проверять каждый язык. Так, он рассчитал математически, что в языке теоретически может быть от двух до двухсот шестнадцати разных падежей. Он создал список таких падежей, матрицу (вроде таблицы Менделеева), по которой может быть проверен любой язык.

Лингвистическим предшественником Л.Ельмслова является Соссюр. Л.Ельмслев использует учение Соссюра о синхронии и диахронии, но развивает его, полностью отрицая диахронию (Соссюр, как известно, считал и диахронию, и синхронию возможными аспектами изучения языка, отдавая предпочтение второму аспекту). Л.Ельмслев же с позиций дедуктивного метода понимает синхронию как панхронию, а фактически - как ахронию. Описать язык нужно так, считает он, чтобы это описание оставалось в силе не только для данного синхронического отрезка, но и для любого времени и любого языка.

Как же решаются Л.Ельмслевым основные вопросы лингвистики?

1. Понимание сущности языка у Л.Ельмслова

В понимании сущности языка Л.Ельмслев продолжает и развивает идеи Соссюра. Как и Соссюр, он признает язык социальным, а не индивидуальным явлением. При этом главное внимание уделяется не философской, а структурной стороне вопроса. Какова же структура языка в понимании Л.Ельмслова?

Прежде всего Л.Ельмслев, как и Соссюр, разграничивает в языке две стороны - язык и речь (не употребляя однако самих этих терминов), но в отличие от Соссюра он не разъединяет их как понятия несовместимые. **Речь** для Л.Ельмслова - это исследуемый **текст**, а **язык** - это **система**, выводимая из анализа разных текстов.

Как и Соссюр, Л.Ельмслев считает необходимым по отдельности изучать текст и систему, т.е. речь и язык, так как у них разные закономерности.

В строении как языка, так и речи Л.Ельмслев различает **план выражения** и **план содержания** (то есть означающее и означаемое - по Соссюру). План выражения - это внешние структурные средства языка: предложения, словосочетания, слова и морфемы. Состоят эти знаки языка из неких частиц, кирпичиков. План содержания - это внутренние, смысловые ресурсы и единицы языка: суждения и понятия, заключенные в словах и предложениях. Смысловые единицы языка тоже устроены из частиц, кирпичиков, только обнаружить их труднее. И план выражения, и план содержания системны, упорядочены.

Таким образом, Л.Ельмслев, как и Соссюр, понимает язык как знаковую систему. Но он идет дальше Соссюра, углубляясь в изучение строения этой знаковой системы. Для Соссюра язык характеризуется двумя показателями: 1) самым набором, перечнем имеющихся в нем знаков (*стол, дом, окно, -щик, -ость* и т.д. в русском языке; *Tisch, Haus, Fenster, -schaft* и т.д. в немецком языке); 2) взаимными связями этих знаков между собой. В каждом конкретном языке эти показатели различаются.

Продолжая эту идею Соссюра, Л.Ельмслев идет дальше. Он не считает существенными для характеристики языка ни самый набор знаков, ни их материальное выражение, или манифестацию. Например, неважно, как манифестировано слово *стол* - с помощью звуков, с помощью букв, с помощью значков азбуки Морзе (... — — — — . - .) или морскими флажками.

Эту мысль о второстепенности материального выражения знаков языка Л.Ельмслев поясняет на шахматах. Необязательно, чтобы шахматный конь был похож на настоящего коня. Несущественно, как выглядит пешка, или ладья, или король. Вместо потерянной фигуры можно положить на шахматную доску пуговицу, монету, спичечный коробок и т.п., суть игры от этого не изменится.

Суть системы языка не в наборе знаков и не в их манифестации, а в отношениях всех элементов языка между собой, или, как говорят математики, в функциях, связывающих знаки. Это подход к языку как к независимой имманентной системе со своими внутренними отношениями (функциями). От функций зависит даже манифестация знаков, т.е. материи.

И план выражения, и план содержания имеют сложную структуру, состоят из двух частей - **формы** и **субстанции**. Элементами **формы** в **плане выражения** являются частицы, из которых состоят слова. В слове *стол*, например, таких элементов четыре, в слове *дом* три и т.д. Как же их назвать? Лингвисты, начиная с Бодуэна, называют их фонемами. Л.Ельмслев отказывается от этого термина. Фонема - это кирпичик произнесенного слова. Но слово может быть не только произнесено, но и написано буквами, передано флажками, значками Морзе. В любом случае в слове *стол* составных элементов будет четыре, каждый из них не связан прямо со смыслом, не несет его, но все вместе они составляют осмысленный знак. Такие элементы слова Л.Ельмслев назвал **кенемой** (греч. пустой), или **фигурой**. **Субстанция** же плановыражения - это акустика и артикуляция звуков.

Субстанцией **плана содержания** каждого знака является какое-то значение, понятие. Такое понятие, взятое само по себе, без внешней оболочки, тоже распадается на свои составные части, атомы, своего рода семантические кенемы (фигуры). Эти составные части понятий, элементы формы Л.Ельмслев назвал **плеремами**. Через плеремы слова и вступают между собой в определенные отношения, взаимодействуют. Плеремы системны, они находятся в оппозициях. Примерами плерем являются такие элементы, как *хороший - плохой, мужской - женский, юный - взрослый, человек - животное* и т.д. Если анализировать понятие, заключенное, например, в слове *слесарь*, то в нем обнаружатся плеремы *хороший, мужской, взрослый, человек* и др., в слове *коза* - *хороший, женский, взрослый, животное* и т.д.

Таким образом, кенемы и плеремы - это показатели устройства, структуры, иначе говоря, - формы плана выражения и формы плана содержания. Эту формальную, структурную сторону и должен изучать структуралист.

2. Понимание лингвистики и ее задач у Л.Ельмслева

(Поскольку диахронический аспект в датском структурализме отрицается, вопрос о развитии языка здесь снимается). Чтобы отгородиться от традиционного языкознания, Л.Ельмслев в 1936 году, еще до опубликования "пролегоменов", отказывается от термина **лингвистика**, имеющего латинское происхождение, и заменяет его своим термином **глоссематика**, от греч. glossa - язык. Главная задача глоссематики (глоссики) - дать формализованное, алгебраическое описание функций, в которых находятся элементы языка, особенно такие универсальные элементы, как кенемы и плеремы.

Глоссематика должна описать язык простейшими формулами, и этих формул должно быть немного. Именно поэтому главное внимание лингвистов должно быть обращено на кенемы и плеремы. Ведь знаков (слов) и понятий в любом языке очень много - необозримое число, в связи с чем свести их к немногим и простейшим формулам невозможно. Количество же кенем и плерем ограничено, обозримо, что и позволяет охватить их алгебраизированными формулами. Раздел глоссематики, изучающий функции кенем, называется кенематикой, а исследующий отношения плерем - плерематикой.

В общем виде структура глоссематики выглядит так:

План выражения		План содержания	
Субстанция	Форма	Форма	Субстанция
[стол]	[с] [т] [о] [л]	хороший, неодушевленный и т.д.	'стол'
Фонетика	КИНЕМАТИКА	ПЛЕРЕМАТИКА	Семантика

↓
ГЛОССЕМАТИКА

Итак, главные разделы глоссематики - кенематика и плерематика. Их основная задача - изучение формы плана выражения и плана содержания. Семантика, изучающая субстанцию в плане содержания (конкретные и разные лексические значения слов), и фонетика, исследующая субстанцию плана выражения (акустику и артикуляцию звуков), исключены из состава глоссематики как вспомогательные науки.

Алгебраизация (математизация) глоссематики дает ей, по мнению датских структуралистов, следующие преимущества перед традиционной лингвистикой:

1. Позволяет создать такие формулы языка, которые будут действительны не только по отношению к любому существующему языку, но и к любому мертвому, и к любому будущему языку. То есть лингвистика - это не только синхроническая, но и **ахроническая** наука. (В ней должны быть формулы, действительные для всех времен).

2. Дает возможность выработать методы, применимые не только к языку, но и к любому объекту.

Эти преимущества, по утверждению одного из структуралистов, Х.Ульдалля, делают глоссематику не разновидностью лингвистики, а наукой всех наук (что соответствует установкам неопозитивистов). Рассуждения Х.Ульдалля таковы: все науки условно можно разделить на два типа: количественные (естественные, или точные) и качественные (гуманитарные). Вторые постоянно отстают от первых из-за несовершенных методов исследования. Чтобы подтянуть гуманитарные науки до уровня естественных, необходимо найти такие методы, которые были бы одинаково пригодны и для тех, и для других объектов исследования. С этой целью надо лишь устранить из всех наук материю, дематериализовать пестрые объекты изучения и заниматься исследованием чистых отношений, функций, т.е. математизировать методы наук. Тогда и обнаружится сходство и в физических, и в химических, и в языковых объектах. Надо найти такие алгебраизованные единицы измерения, с помощью которых можно было бы описать любую структуру, будь то односоставное предложение, или солнечная система, или молекула кислорода.

С этими рассуждениями нельзя согласиться. Нивелировка наук обесмысливает самое их существование, так как науки перестают выявлять особенное, специфическое в своих объектах, - то, ради чего они и существуют. Общественная польза наук - в индуктивных находках, а не в дедуктивных построениях.

Однако сейчас, когда число наук выросло до двух тысяч, появились тенденции к интеграции наук.

Итак, задача глоссематики - изучение не материи языка, а отношений между его единицами, исследование связей и функций этих единиц в системе (в связи с чем последние называются также функцивами). При этом должны быть найдены простейшие формулы таких отношений как во внешней структуре (т.е. в плане выражения), так и в содержательной стороне (т.е. в плане содержания). Начать новую науку лучше с формальной стороны, так как здесь меньше пестроты и разнотипности, меньше всяких нюансов.

В соответствии с указанными установками датские структуралисты особенно тщательно разработали учение о типах отношений (функцивах) в плане выражения - т.е. кенематику. Все многообразие отношений между элементами знака и знаками сведены здесь к трем типам: 1) двусторонняя зависимость элементов (кенем, или фигур, или функцивов); 2) односторонняя зависимость функцивов; 3) свободное сосуществование функцивов.

Первый тип отношений - двусторонняя зависимость элементов - называется у Л.Ельмслева **интердепенденцией** (от англ. to depend - зависеть, dependence - зависимость). Эта зависимость по-разному проявляется в системе языка и в тексте (в речи). Например, в **системе** взаимная зависимость наблюдается у гласных и согласных. Формула их зависимости такова б если в языке есть гласные, то должны быть и согласные. И наоборот: если в системе есть согласные, то неизбежны и гласные. То есть зависимость здесь взаимная. То же - для глаголов и существительных и др. языковых единиц. Проявление интердепенденции в системе называется комплементарностью (от англ. complementary - дополнительный, добавочный).

В тексте такие взаимные отношения необязательны. Например, здесь могут быть существительные, но не будет глаголов. Или есть согласные, но нет гласных (когда весь текст состоит из *бр-р!* или *тс-с!* и

под.). Но в тексте могут быть отношения взаимной зависимости, например, между формами числа и падежа: если в данном тексте есть падежные формы, то обязательно будут и формы числа, и наоборот. Этот тип текстовых функций называется **солидарность**.

Второй тип отношений - односторонняя зависимость элементов - называется детерминацией (от англ. determination - определение). Этот тип отношений предполагает зависимость одного функцива от другого при отсутствии обратной зависимости.

Проявление данной функции в системе обозначается термином **спецификация**. Один из примеров - связь именительного и косвенных падежей. Если есть косвенные падежи, то будет и именительный. Но если есть именительный падеж, то косвенные необязательны (т.е. нет склонения).

Односторонняя зависимость элементов в тексте - **селекция** (от англ. selection - выбор). Пример подобной зависимости между предлогом *для* и родительным падежом: если есть предлог, то будет и падеж, но если есть падеж, то предлог не обязателен. Такова же зависимость между суффиксом и основой, между согласным и гласным в слоге и т.д.

Третий тип отношений - свободная зависимость функцивов - называется термином **конstellация** (от англ. constellation - созвездие).

Проявление конstellации в системе - **автономия**. Пример подобных отношений имеется у лица и рода глагола. Если глагол имеет личную форму, то может иметь и родовую, но необязательно. То же можно сказать о роде глагола. Таким образом, эти формы автономны.

Конstellация в тексте называется **комбинацией**. В отношениях комбинации могут находиться, например, предлог *в* и винительный падеж. Если есть предлог *в*, то может быть и винительный падеж, но необязательно. Если есть винительный падеж, то может быть и предлог *в*, но необязательно.

Соотношение всех этих функций может быть передано схематически следующим образом:

Общее название функции	Функция в системе	Функция в тексте
1 - интердепенденция	комплементарность	солидарность
2 - детерминация	спецификация	селекция
3 - конstellация	автономия	комбинация

Такова кенематика Л.Ельмслева. Полного применения к конкретному языку она не нашла. Благодаря абстрагированию от конкретного материала, указанные выше функции отличаются универсальностью, поскольку они одинаково применимы к любому уровню языка, к любым его единицам: к фонемам, к морфемам, к синтаксису.

Слабее разработана плерематика, изучающая форму семантических отношений в плане содержания (как уже говорилось, содержательная субстанция данного плана - конкретные значения отдельных слов, взятые в полном объеме, со всеми нюансами, - изучается семантикой, которая выведена из состава глоссематики как прикладная наука). Л.Ельмслев ставит задачу математизировать науку о значениях и найти в пестром море значений такие универсальные единицы измерения, которые бы охватывали любые из сотен тысяч разных слов. Плерематика - это и есть наука о неких семантических фигурах (плеремах), на которые распадается конкретные семантические агрегаты. Позднее в нашей лингвистике эти семантические фигуры получили название семантических множителей, или семантических компонентов, или просто сем, а весь анализ стал называться компонентным анализом.

Таково понимание датскими структуралистами задач лингвистики.

Как и другие синхронические направления, глоссематика большое внимание уделяла разработке **методов исследования** (или методов описания, поскольку исследование у структуралистов зачастую сводится к описанию, без объяснений и раскрытия причин). Так, например, глоссематиками введены **единицы описания функций** - те самые формулы, которые, по Х.Ульдаллю, одинаково годны и для гуманитарных, и для естественных наук. Наиболее известными из них являются следующие две единицы: 1) функция **И - И** (т.е. и то, и другое, типа *"И звезды горят, и луна светит"*, *"И подлежащее, и сказуемое"* и т.д.); 2) функция **ИЛИ - ИЛИ** (т.е. или то, или другое, типа *"Или солнце горит, или луна светит"*, *"Или подлежащее, или сказуемое"* и т.д.). На таких формулах, по мнению датчан, можно проверить любую семантику (при полном их наборе).

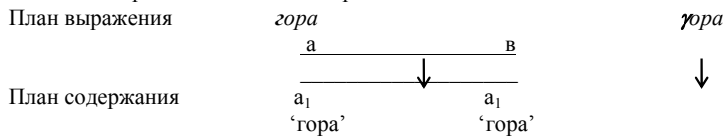
Л.Ельмслев, кроме того, разработал **специальный сопоставительный метод изучения плана выражения и плана содержания**. Этот метод получил в глоссематике название метода **коммутации** (от англ. commutation - замена, замещение).

В американской лингвистике подобный метод, разработанный независимо от датчан, называется методом субституции.

Коммутация - это соотношенность между единицами плана выражения и плана содержания, определенные отношения между ними. Выявление характера этих отношений позволяет установить

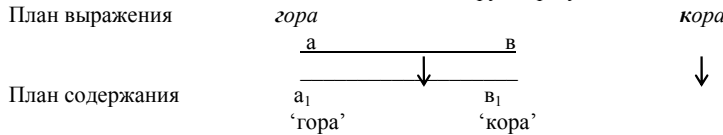
самостоятельность или несамостоятельность языковых единиц, т.е. определить их инвариантный или вариантный характер. Метод универсален, применяется на разных языковых уровнях.

так, он может быть применен на уровне фонем (кеном). Например, необходимо установить, являются ли разными фонемами в русском языке элементы *г* и *г̣*, или же они представляют собой варианты одной фонемы. Для анализа берутся слова, различающиеся данными элементами, и приводится их сопоставление на уровне плана выражения и плана содержания.

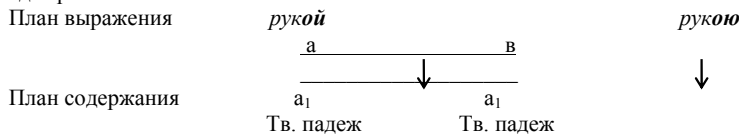
Вывод: Поскольку разные в плане выражения языковые единицы (*г* и *г̣*), обозначенные условно **а** и **в**, не приводят к смысловым различиям на уровне плана содержания (что обозначено одинаковым символом **а₁**), эти единицы не являются в русском языке разными фонемами, это варианты одной фонемы *г*.

Сопоставление же языковых единиц *г* и *к* дает другие результаты:

Вывод: Поскольку разные в плане выражения языковые единицы (*г* и *к*), обозначенные условно **а** и **в**, приводят к смысловым различиям на уровне плана содержания (соответственно **а₁** и **в₁**), эти единицы являются разными фонемами русского языка, или, говоря более математично, представляют собой инварианты языка.

Сходно применение метода коммутации на уровне грамматических форм. Так, с его помощью можно выявить, являются или нет инвариантами в слове различные аффиксы, например, флексии *-ой* и *-ою* или *-ой* и *-е* и т.д. Ср.:

Вывод: *рукой* и *рукою* - варианты грамматической формы, *-ой* и *-ою* - варианты одной флексии.

Вывод: *рукой* и *руке* - инварианты, *-ой* и *-е* - разные флексии.

Возможно применение метода коммутации и на смысловом уровне.

Теория Л.Ельмслева привлекала внимание лингвистов своей строгостью, логичностью, математичностью, но и отпугивала сложностью, необщепринятой терминологией. Никто из лингвистов не применил ее к полному анализу языковой системы, и, таким образом, теория Л.Ельмслева не была проверена ни на одном из языков. (Сам Л.Ельмслев не считал нужным заниматься такой проверкой, главное для него - создать каркас, матрицу языка). В связи с этим, как отмечал А.Мартине, и нельзя сказать, хороша или плоха эта теория. Он считает, что подобная лингвистика, оторванная от субстанции языка, - это никому не нужный замок из слоновой кости.

В целом, можно сказать, что датский структурализм в наименьшей степени из всех остальных школ структурализма нашел отклик в современном языкознании.

АМЕРИКАНСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Американский структурализм представляет собой прежде всего составную часть мировой лингвистики как науки. Он содержит черты и особенности, свойственные другим разновидностям

структурализма, особенно датского. Причины, породившие структурализм, действительны и для Америки (США). Это - развитие техники, стремление математизировать общественные науки.

Однако следует учитывать также специфические, чисто американские условия и причины, в силу которых развилось это направление структурализма.

Удалено:

Как известно, США как государство возникли в 1776 году в результате колонизации Северной Америки в течение XVI-XVII веков выходцами из Испании, Франции, Англии, Голландии, Швеции, а позднее - России (Аляска, XVIII в.). Колонизаторы при этом вытесняли и безжалостно уничтожали коренное население Америки - индейцев. Так сложились два чисто американских языковых обстоятельства, а именно: 1) исключительная языковая пестрота колонизаторов; 2) неравноправное соотношение между языком колонизаторов и языком местного населения.

Следует к тому же подчеркнуть непохожесть европейских языков и языков индейцев по своему строю: языки европейцев, принадлежащие к индоевропейской семье, обладали флективным строем, а языки индейцев - инкорпорирующим строем, в котором слово и предложение разграничиваются слабо.

Сыграл свою роль и уровень развития техники в США. Как известно, США в XX веке являются передовой в техническом отношении страной. Так, в период войны 1941-45 гг., участвуя в боевых действиях против гитлеровской Германии, они показали свою высокую оснащенность средствами связи: радиосвязью, телефонной связью и другими видами. Растянность американских коммуникаций требовала особой тщательности в зашифровке (а также расшифровке) важнейших передач по линиям связи. Характерно, что многие будущие американские лингвисты в период войны работали в армии шифровальщиками (отсюда, между прочим, особое пристрастие их к дешифровочному принципу при описании языка).

И еще одна особенность: в Америке чистая лингвистика появляется очень поздно. Если в Европе лингвисты известны уже с начала XIX века (В. Гумбольдт, А. Шлейхер, А. Востоков и др.), то в США - только в начале XX века, а кое-кто утверждает, что вообще только после войны 1945 года. Лингвистика в США, как и другие науки, отличается особым прагматизмом и утилитарностью.

Все эти обстоятельства дали основание самим американцам подчеркивать свою исключительность и независимость от лингвистического развития Европы. На самом же деле основоположники американской лингвистики, в том числе структурализма, имели европейскую лингвистическую образованность и зависимость.

Непосредственным зачинателем американского структурализма считается **Леонард Блумфилд** (1887-1949), профессор Йельского университета (около Нью-Йорка), основатель Йельской школы лингвистов. Взгляды Блумфилда подробно изложены в книге "Язык", выпущенной на английском языке в 1933 году и переведенной на русский язык в 1968 году. Впрочем, некоторые идеи американского структурализма Блумфилд опубликовал раньше, в 1926 году, в своей статье "Ряд постулатов для науки о языке". Помимо Блумфилда, в Йельскую школу лингвистов входили **Д.Л.Трэджер** (Трейгер), **З.С.Харрис**, **Г.Л.Смит**, **Б.Блок**, отчасти **Г.Глисон**.

Еще одним основателем американского структурализма является **Эдуард Сепир** (1884-1939), опубликовавший свою книгу "Язык" в 1926 году (на русский язык она переведена в 1934 году). От Сепира берет начало другая школа американского структурализма - Энн-Арборская (по названию Энн-Арборского летнего института по подготовке миссионерских кадров, расположенного в штате Мичиган, около Детройта, в районе пяти озер). Однако Сепир считается прежде всего основателем этнолингвистики, поэтому речь о нем пойдет несколько позже. Помимо Сепира, в Энн-Арборскую школу входили **К.Л.Пайк** (фонетист), **Ю.Найда**, **Ч.Фриз**, **Гринберг** и др.

Американские структуралисты любят подчеркивать свою независимость от Европы, свой особый, неповторимый путь развития. Между тем в действительности это не так. Например, Л.Блумфилд, считающийся основателем американского структурализма, в своей книге "Язык" часто цитирует Дельбрюка, одного из представителей европейского младограмматизма; знает он и деятелей XVIII века, например Палласа и его словарь, Аделунга и др.; называет Панини, Франца Боппа, Расмуса Раска, Якоба Гримма, Августа Шлейхера, Карла Бругмана, Германа Пауля, Вильгельма фон Гумбольдта, Августа Лескина, Фердинанда де Соссюра. Таким образом, утверждения об изоляции американской лингвистики, ее независимости от европейской науки - это миф.

Несмотря на достаточное знание европейских традиций, Л.Блум-филд решительно отходит от них и создает оригинальную лингвистическую концепцию, положившую начало структурализму в США.

Во-первых, он отказывается от принципа **историзма** в науке. "Для описания языка, - говорит он, - не нужно никаких познаний в области истории". Главное - описать систему языка. Отсюда само название американского структурализма - **дескриптивизм**, дескриптивная лингвистика (т.е. описательная лингвистика, от англ. глагола describe - описывать).

Во-вторых, Л.Блумфилд, хотя и часто говорит о значении в языке, призвал к описанию **без учета значений**, без семантики, обращаясь только к формальной стороне. В этом отношении американский структурализм - самый формалистичный, даже более формалистичный, чем датский.

На формализм американцев толкали три обстоятельства: во-первых, влияние Франца Боаса, который действительно описывал индейские языки, не зная их; во-вторых, обращение ранних структуралистов, вроде Л.Блумфилда, к фонетике, где возможно в какой-то мере отрешение от семантики (когда позднейшие американские структуралисты обратились к синтаксису, они должны были заговорить и о семантике); в-третьих, опора Л.Блумфилда на философию бихевиоризма.

Франц Боас (Боуэз) (1858-1942) - это не лингвист, а антрополог, изучавший физическую природу человека, расовые особенности и т.д., и этнограф, занимавшийся изучением быта, нравов и культуры народов, - крупнейший исследователь коренного населения Америки (индейцев и эскимосов). Попутно с изучением быта и нравов ему приходилось интересоваться и языком индейских племен.

При изучении языка индейцев Ф.Боас столкнулся со многими трудностями. Индейские языки - бесписьменные языки инкорпорирующего строя. Эти языки не были описаны ни в словарях, ни в грамматиках, история их была неизвестна, и сами индейцы из-за неграмотности ничего не могли разъяснить о своем языке. Классические европейские методы (например, сравнительно-исторический метод) не годились для изучения и описания этих языков. Поэтому Ф.Боас вынужден был разрабатывать собственные приемы описания и анализа языка. Таким образом, он оказался предшественником американской описательной лингвистики. В 1917 году Ф.Боас основал первый в Америке лингвистический журнал.

Как же Ф.Боас анализировал незнакомый ему индейский язык? Без знания языка нельзя было выделить каких-либо единиц языка: слов, морфем и даже фонем. Ф.Боас опирался на внешние показатели. Например, отрезок текста от паузы до паузы он назвал **сегментом**, а самый прием деления текста получил название **метода сегментации**. Сегмент мог оказаться и предложением, и группой предложений, ведь смысл сказанного не был известен исследователю. Затем делались попытки без обращения к значению выделить внутри сегмента более мелкие единицы - так, как раскрывают шифровку с неизвестным шифром. Этот дешифровочный метод впервые приведен Ф.Боасом в 1911 г.

Приемы, применявшиеся Ф.Боасом вынужденно, из-за незнания языка, были уже сознательно применены и использованы Л.Блумфилдом и другими структуралистами к английскому языку, то есть языку известному. Л.Блумфилд уже дает теоретическое обоснование такого применения. Естественно, что приемы Ф.Боаса были усовершенствованы, на их основе созданы новые методы.

Отказ от анализа значений у Л.Блумфилда имел под собой и философское обоснование. В отличие от своих последователей и позднейших "чистых" лингвистов (Д.Л.Трэджера, З.С.Харриса, Г.Л.Смита, Б.Блока и др.), Л.Блумфилд подходил к языку с позиций психолого-лингвистических. Он опирается на психологию **Джона Уотсона** (1878-1958) и **Эдуарда Торндайка** (1874-1949).

Первые работы Э.Торндайка вышли в 1898 году. Основной труд Д.Уотсона "Психология, как наука о поведении" - в 1919 году.

Психология Э.Торндайка и Д.Уотсона носит своеобразный, тоже чисто американский характер. Она провозглашает необходимость изучать не внутренние причины психологических процессов, а лишь внешние проявления их, сказывающиеся в поведении. Это своеобразие, по-видимому, вызвано тем, что Э.Торндайк начал свою деятельность с изучения психики животных. Поскольку животные не говорят и не могут рассказать о себе, то ученый объявил принципом в своей науке принцип наблюдения за поведением животных. Позднее этот принцип был перенесен с животных на человека. Так родилась **поведенческая философия - бихевиоризм** (от англ. behaviour - поведение).

Согласно этой теории, внутренние причины психологических процессов не должны изучаться потому, что они недоступны для наблюдения. Следует изучать внешнее проявление этих процессов в поведении человека, доступное для наблюдения. Мотивы же поведения объясняются упрощенно, механистически. Человек толкуется как некая машина, автомат, действующий бессознательно. Его поведение отрывается от сознания. Оно есть результат либо врожденных инстинктов, либо приобретенных навыков, т.е. в основе всех поступков учитываются только биохимические реакции. Например, чувство голода вызывается тем, что в желудке выделяется желудочный сок, который раздражает его стенки. Это и приводит человека к определенному поведению, а именно: он хватается пищу и ест. Все просто, как в механизме.

Также механистически понимается бихевиористами и речевая деятельность. Она, по Д.Уотсону, есть тоже один из элементов поведения, точно такой же, как и другие реакции на раздражители, например слюнный условный рефлекс. А самое мышление, которое проявляется во внешней и внутренней речи, - это тоже лишь привычка, навык, реакция на внешние раздражители, результат приспособления организма к внешним условиям. Мышление - это не проявление сознания, а просто навык поведения, который, по словам Д.Уотсона, "по существу не отличается от игры в теннис, плавания или любого другого акта наружной деятельности", которому так же можно научиться.

На этой бихевиористской базе и развивает Л.Блумфилд свою теорию языка. Язык - это результат деятельности мускулов глотки, языка и гортани. Вызывается эта деятельность в конечном итоге какими-то внешними раздражителями или биохимическими реакциями. То есть умственные и речевые процессы - это разновидность телесных процессов.

Вот, например, как Л.Блумфилд описывает психологию и речевой процесс в поведении людей: Представим себе, что вместе идут Джек и Джилл. Джилл голодна (т.е. некоторые ее мускулы в желудке были сокращены и выделялся желудочный сок, вызвавший чувство голода). Она видит яблоко на дереве (т.е. световые волны, отраженные от красного яблока, ударили в глаза). Джилл издает звук при помощи гортани, языка и губ (т.е. приводит свои голосовые связки, нижней челюстью, язык и губы в движение, чтобы возникли звуковые волны приводят в движение окружающий воздух; они ударяют в барабанную перепонку Джека; та вибрирует, и Джек слышит речь). Речь действует на Джека как стимул (т.е. так же, как желудочный сок или световые волны от яблока на Джилл). Он прыгает через ограду, карабкается на дерево, срывает яблоко, приносит его Джилл и кладет в руку. Джилл ест яблоко. Вот и весь процесс общения.

Механистическое понимание языка у Л.Блумфилда сказывается в том, что он не подчеркивает качественной разницы между речевой деятельностью человека и криками животных. Язык - точно такая же система сигналов, что и у животных, разница только в их количестве (у собаки - два-три разных сигнала, у человека - больше).

Механистически понимается и назначение языка быть средством общения. Л.Блумфилд не отрицает коммуникативной функции языка, но исключает из процесса общения работу сознания, понимание смысла. Этот процесс, в его понимании, сводится к следующему: говорящий произносит слово, звуковые волны ударяют в барабанную перепонку слушающего, вызывают биохимические реакции, и слушающий отвечает действием или словом, в общем, отвечает своим поведением на поведение говорящего. Процесс понимания сказанного устраняется. А ведь в этом, как учит марксизм, и заключается цель общения: добиться взаимного понимания. Л.Блумфилд же пишет: "Проблема понимания является чистой абстракцией. Она никогда не возникает в процессе научного наблюдения над поведением". Бихевиоризм, таким образом, изводит человека до роли автомата или лунатика (за что он в свое время был резко раскритикован академиком И.П.Павловым).

Наконец, в понимании языка и речи у американских структуралистов тоже сказывается влияние механицизма. Между языком и речью они находят только количественную разницу и не видят качественных различий, которые отмечал уже Соссюр. Речь для американцев - это данный записанный текст. А язык - это сумма максимального количества текстов. Получается, что в язык включается все, что встретилось в индивидуальной речи, всякое индивидуальное отступление от общепринятого. И в то же время в него может не войти общепринятое, но случайно не попавшее ни в один текст.

Главной задачей американских структуралистов была разработка методики описания языка. Они даже не пытаются раскрыть, почему то или иное явление имеет место в языке, главное для них - зафиксировать и изобразить это явление в соответствующих единицах измерения. Американцы ввели целую систему таких единиц: помимо фонем, морфем и лексем у них есть просодема (единица для измерения долготы и краткости звуков), глоссема (всякая значимая единица языка), тонема (единица для измерения слогового тона) и т.д.

С легкой руки американцев названия языковых единиц, образованные по эвоному принципу, широко распространились в современной лингвистике: сема, графема, синтаксема и др.

В соответствии с пониманием задач лингвистики американский структурализм начального этапа по особому решил вопрос о **структуре языкознания**, подвергнув его математизированному расчленению. В языкознании выделяются "главные" и "неглавные" науки о языке. К главным наукам относится **микролингвистика**, состоящая из двух разделов - фонологии и морфологии. В числе неглавных наук - **пралингвистика** (как бы "долингвистика", задача которой - изучение физиологии звуков, артикуляции, акустики и пр.; сюда же включается и экспериментальная фонетика) и **металингвистика** (учение о значениях, наука о семантике, т.е. семасиология). Все вместе науки о языке образуют **макролингвистику**, лингвистику в широком смысле.

Каждый из разделов микролингвистики - фонология (учение о фонемах) и морфология (учение о морфемах) имеют свои подразделы. Фонология состоит из фонематики и фонотактики. **Фонематика** - это раздел, где описывается набор, система фонем. **Фонотактика** - раздел, где описываются закономерности сочетания фонем, их поведения ("тактики") и расположения ("аранжировки"). Изучаемые единицы этого раздела микролингвистики - фон, аллофон, фонема.

Морфология состоит из морфематики и морфотактики. Задача **морфематики** - описание системы морфем, инвентаря морфем, их набора; задача **морфотактики** - описание поведения морфем, их сочетаемости, аранжировки. Изучаемые единицы в морфологии - морфы, алломорфы, морфемы.

Таким образом, в дескриптивной лингвистике не нашлось места лексикологии, словообразованию и синтаксису. Эти разделы растворились в морфологии. Для американцев несущественно качественное различие между формообразованием и словообразованием. То и другое достигается с помощью комбинации морфем, значит подлежит ведению морфотактики. Несущественна разница и между словом и морфемой.

Слово равно морфеме, либо состоит из нескольких морфем, т.е. тоже вполне может быть охвачено морфотактикой. Предложение, сочетание слов тоже можно свести к комбинации морфем.

Такое понимание лингвистики и ее структуры.

Итак, главной целью американских дескриптивистов было объективное описание структуры языка.

Для достижения этой цели из описания языка устраняются:

1. **Обобщения парадигматического характера.** Лингвист должен описывать только то, что дано в тексте, т.е. вести только синтагматические наблюдения. Парадигматика - это субъективные привнесения лингвистов (например, система дежей или система словоизменения вообще). Соссюровское понимание языка как знаковой (парадигматической) системы чуждо структуралистам школы Л.Блумфилда¹⁹

2. **Всякие диахронические и вообще процессуальные явления.** Реально и объективно только статическое описание. Нельзя, например, искать, что от чего образовано в языке, поскольку здесь уже возможен субъективизм. Нужно просто наблюдать, как расположены морфемы в речевом отрезке на плоскости, т.е. их аранжировку, остальное - необъективно. Синхрония у американцев - это плоскостное изображение без элементов перспективы.

Особое внимание американцев было уделено разработке **методов** описания, т.е. тех **операций**, с помощью которых производится описание. Этим операциям иногда придавалось настолько большое значение, что они превращались в самоцель исследования, а не в средство достижения исследовательских задач. Недаром американская лингвистика получила название операционалистской лингвистики. С одной стороны, это ее положительная черта: американцам удалось разработать тонкую, "изохренную" (по словам В.А.Звегинцева) технику лингвистического описания; но с другой стороны, это большой ее недостаток: американская лингвистика продвинулась лишь в чистом описании языка, но не в его изучении. Ни один вопрос "**почему?**" не поставлен и не разрешен американскими структуралистами. Как заметил один из их лингвистов, Р.Уэллз, американский структурализм - это набор предписаний об описании. В целом же, в связи с указанными обстоятельствами, задачи лингвистики у американцев оказались суженными. Так, у них не исследованы проблемы связи языка и мышления, общественной сущности языка, взаимодействия языка и общества, языка и культуры, взаимовлияния языков, законов развития языка и вообще всего диахронического аспекта лингвистики.

Ко всем методам и приемам американскими структуралистами предъявлялись определенные требования:

1. Метод исследования (а фактически - описания) должен быть **объективным**, основанным на внешних языковых показателях, а не на интуиции, не на догадках и чутье исследователя. (Это требование, однако, не всегда выдерживается структуралистами). Результатом его явилось описание фактов без объяснений.

2. Метод должен быть **универсальным и последовательным**, т.е. одинаково применимым и к фонетике, и к морфологии, и к синтаксису. Он должен подходить не только к частному языковому явлению, но и ко всему языковому материалу в совокупности. (Это требование тоже не выдерживается самими американскими лингвистами).

3. Метод должен быть **простым**. Отсюда у структуралистов введение символики, различных формул. Например: V - Vocal - символ гласного, C - consonant - символ согласного, # - символ паузы, . - символ суперсегментной фонемы. Применение символов позволяло кратко выразить структуру языка. Так, например, формула структуры слова в одном из индейских языков выглядит следующим образом: # [c v (e)] v (e) # (т.е. после паузы всегда следует согласный, а затем гласный, после чего опять согласный и опять гласный, завершающиеся паузой). Возможные варианты показаны в скобках).

Однако подобные формулы не могут свидетельствовать о том, что язык изучен, они часто лишь стенографически укорачивают запись, при этом затрудняя понимание написанного (см.: А.Ф.Лосев. Логическая характеристика методов структуральной типологии. ВЯ, 1967, N1, с.70). Чтобы понять простую формулу, надо предварительно изучить и знать язык. Формулы хороши как вспомогательное средство, но не больше.

На разных этапах деятельности американских структуралистов разрабатываются разные методы. Для начального этапа наиболее характерны следующие три метода: 1) метод НС (непосредственно составляющих); 2) метод субституции (подстановки); 3) метод дистрибуции (распределения).

Важнейшим для этого периода считается метод дистрибуции, отчего весь ранний американский структурализм называется **дистрибутивной лингвистикой**. Некоторые из этих методов проникли в европейское и советское языкознание.

Охарактеризуем каждый из них.

¹⁹ Фактически дескриптивисты опираются на парадигматические ("вертикальные") отношения в языке, но лишь для отождествления речевых единиц - фонем, морфем - с единицами языка - фонемами, морфемами. (Примеч. сост.)

1. **Метод НС (непосредственно составляющих)** развился из приема сегментации, применявшегося Ф. Боасом при исследовании неизвестного ему языка индейцев. Этот прием, как указывалось, был применен Блумфилдом к английскому языку, - т.е. языку, которым лингвисты владели. В связи с этим, хотя структуралисты декларативно и отрицали значение в языке, но фактически опирались на него. Метод НС - это последовательная сегментация речевого потока, по определенным упорядоченным правилам до тех пор, пока отрезки поддаются членению. Цель его заключается в том, чтобы выделенную в тексте фразу расчленил на две НС (непосредственно составляющих) части фразы, при этом определив, которая из двух НС главная (ядро) и которая подчиненная (спутник, спутник). Конечно, это было бы невозможно без знания значения фразы.

Л. Блумфилд показывает применение метода НС на английской фразе "Бедный Джон убежал прочь". Эта фраза делится на две НС: "бедный Джон" (ядро) и "убежал прочь" (спутник). Затем, на втором этапе анализа, так же на две НС делится и ядро и спутник: "бедный" (спутник) "Джон" (ядро), "убежал" (ядро), "прочь" (спутник). Полученные элементы - это конечные составляющие синтаксического уровня.

Как уже отмечалось, американские структуралисты стремятся найти универсальные методы, одинаково применимые на любом языковом ярусе. Так, метод НС применим и на морфологическом уровне. В приведенной выше фразе он выглядит следующим образом:

- 1) "**бедный**" = бедн (ядро) - ый (спутник);
бед (ядро) - н (спутник).

Это конечные составляющие морфологического уровня.

- 2) "**Джон**" = Джон (ядро) - нулевое окончание (спутник).
- 3) "**убежал**" = убежал (ядро) - нулевое окончание (спутник);
у (спутник) - бежал (ядро);
бежа (ядро) - л (спутник);
беж (ядро) - а (спутник).

Некоторые советские ученые, например, Н.А. Кондрашов (1979), утверждают, будто метод НС применим и на фонетическом уровне. Однако этот метод уже на морфологическом уровне выглядит неубедительным, а на фонетическом вообще не применим, поскольку между фонемами нет иерархических отношений и выделить там фонему-ядро и фонему-спутник практически невозможно. Метод НС применялся преимущественно на синтаксическом уровне.

Достоинства метода: 1) последовательность описания структуры, последовательная сегментация текста; 2) всеохватывающий характер метода, его универсальность; 3) упорядоченность описания.

Недостатки: 1) Метод излишне формалистичен. Так, при разбивке слов на ядерные и подчиненные морфемы совершенно не учитывается фактическая последовательность присоединения морфем. На синтаксическом уровне формалистичность проявляется в том, что во фразе непременно отыскивается два компонента (идея бинарности). Между тем немало фраз, которые включают три и более компонентов. Ср.: "На лугу росли красные, желтые и белые цветы". Бинарность практически невозможна, если сложное предложение состоит не из двух, а из трех простых.

2) Метод НС предполагает, что и в ядро, и в спутник входят части фразы, которые стоят рядом, в то время как возможны конструкции с прерывистыми компонентами. Ср.: "Мальчик, который бегал по двору, упал и заплакал". В этой конструкции ядро прерывисто: "Мальчик ... упал и заплакал" (его разрывает спутник: "который бегал по двору"). К таким конструкциям метод НС неприменим. Некоторые лингвисты пришли к выводу, что этот метод вообще нельзя применять к сложному предложению.

3) Метод НС не предусматривает анализа служебных слов - союзов, предлогов, артиклей и т.д.

4) По методу НС не выявляется разный характер подчинения, а лишь констатируется самое наличие этого подчинения.

Указанные недостатки были замечены уже самими американцами, которые в конце концов были вынуждены отказаться от метода НС и разработать более совершенный метод синтаксического анализа - трансформационный анализ (в 1957 году).

2. **Метод субституции** (подстановки) более универсален, чем метод НС. Он одинаково применим и на синтаксическом, и на морфологическом уровне. Это метод не нов. Он применялся и ранее в традиционной лингвистике под названием лингвистического эксперимента. В отечественном языкознании лингвистическим экспериментом особенно активно пользовался академик Л.В. Щерба. Да и в обычной практике этот метод не редкость.

У американских лингвистов метод субституции ведет свое начало от Ф. Боаса. Применялся он при анализе незнакомого языка, когда для проверки языковых фактов в качестве консультанта, референта привлекались носители языка. Так сложился своеобразный метод проверки тождественности или нетождественности языковых единиц путем искусственного лингвистического эксперимента.

Метод субституции разработан у американцев тщательно, основательно, однако широкое применение его неизвестно. По сути он совпадает с методом коммутации у Л.Ельмслева.

3. **Метод дистрибуции** (лат. - распределение, размещение одних элементов по отношению к другим) является главным методом американского структурализма вплоть до 1957 года (когда он был вытеснен трансформационным анализом). Суть и цель метода - характеристика языковых единиц (фонем, морфем, слов) не по их собственным особенностям, а по языковому окружению, по сочетаемости с другими единицами того же уровня. Здесь как бы реализуется принцип: скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты.

Прием дистрибуции не нов в лингвистике. Он, например, традиционно применяется в синтаксическом разборе, в морфологии частей речи. Так, при разграничении переходных и непереходных глаголов в русской практике учитывают окружение - наличие и отсутствие прямого дополнения.

У американских структуралистов, однако, этот метод возведен в принцип, отчего весь структурализм до 1957 года называют дистрибутивным (в отличие от трансформационного структурализма после 1957 года). С этим методом связаны их главные достижения и главные просчеты.

Впервые метод дистрибуции был применен к фонемам, потом распространен на морфемы, к более крупным же единицам почти не применялся. При изучении окружения фонем (фоном, аллофонов) выявляется сначала **мелкая дистрибуция**, т.е. окружение на глубину одной (соседней) единицы. Если, например, устанавливается мелкая дистрибуция аллофона **a** в русском языке, то отмечается, что **a** может иметь впереди себя: **б** - база, **в** - ваза, **г** - газ, **д** - да, паузу - #ах и т.д.; позади себя: **б** - жаба, **в** - лава, **г** - шага, паузу - да# и т.д.

Все наблюдения представляются в виде таблицы, при этом отмечается не только наличная сочетаемость, но и отсутствие сочетаемостей. Например, **а** не может стоять после мягкого согласного (в этой позиции появляется другой аллофон - **а'**: *ч'аща, д'ада* и т.д.).

Аллофоны, взаимно исключаящие друг друга в данной позиции, находятся в отношениях **дополнительной дистрибуции**. Так, **а** и **а'** взаимно исключают друг друга: один аллофон встречается только после твердых согласных и паузы, а другой - только после мягких согласных. Такое варьирование аллофонов называется **контрастным варьированием**. Оно наблюдается в условиях дополнительной дистрибуции у алломорфов, ср.: **-ий** встречается в окончаниях только под ударением, **-ьй** - без ударения: *руко**й*** и *ручко**ь***.

Если варианты появляются в одной и той же позиции и не обусловлены окружением, они представляют свободное варьирование, ср.: *благо- бла**ю*** (свободное варьирование аллофонов), *руко**й*** - *руко**ю*** (свободное варьирование алломорфов).

Помимо мелкой, американцы выделяют **глубокую дистрибуцию**, когда описывается окружение на две и более единицы. Однако выявление и описание глубокой дистрибуции настолько громоздко и в то же время малосущественно для характеристики системы языка, что сами же американцы решительно осудили этот принцип (не хватит жизни на описание всех окружений!).

С целью усовершенствования метода дистрибуции и устранения его громоздкости, было введено понятие важных (релевантных, диагностирующих) и второстепенных (иррелевантных) окружений. Американцы стали описывать не все, а только диагностирующие окружения.

Собственно говоря, этим занимались и лингвисты в прошлом. Так, например, для переходных глаголов учитывалась тоже только сочетаемость с винительным падежом без предлога, а остальные падежи не затрагивались.

В методе дистрибуции различают **индивидуальную дистрибуцию** (для конкретного аллофона или алломорфа) и **групповую** (для класса единиц; например, для гласных в целом, для суффиксов в целом и т.д.).

В связи с применением метода дистрибуции было выработано понятие **валентности** (как в химии), т.е. способности к сочетанию, способности иметь окружение. В советской лингвистике принцип валентности применяют обычно только на уровне слов. Различают левую и правую валентность. Так, глагол *пишет* во фразе *"Он пишет письмо"* двухвалентен, имеет левую и правую валентность; глагол *спит* во фразе *"Он спит"* - одновалентен, имеет только левую валентность; глагол *морозит* имеет нулевую валентность и т.д. (в данном случае речь идет о сочетаемостных возможностях глаголов по залоговости и переходности).

В целом дистрибутивный анализ имеет ряд достижений. Так, он дал возможность точно, математизированно описать систему языка, ничего не пропуская. Благодаря дистрибутивному методу удалось обнаружить в языке такие единицы, которые раньше не выделялись. Так, среди фонем стали выделяться два класса единиц - сегментные, или линейные, фонемы (**a, o, в, г** и др.) и супraseгментные, надлинейные фонемы. Например, в словах *мука* и *мука* линейные фонемы совпадают. Эти слова различаются надлинейной *"фонемой ударения"*. Выделены также *"фонемы интонации"* (ср.: *Идет?* - *Идет!*), фонемы сочленения (по терминологии М.В.Панова - диэремы) - т.е. слогоразделы на стыках слов, ср. *продро**г**ли* и *продро**к** ли*.

Недостатками метода являются громоздкость, а главное -тенденция к максимальной формализации анализа и устранению смысловой стороны речи. Метод не имеет объяснительной силы, исследование носит операционалистский характер. В целом, таким образом, американские методы оказались несколько несостоятельными с точки зрения требований, которые к ним первоначально были предъявлены.

Выводы о дескриптивной лингвистике

1. Дескриптивизм главной задачей ставил непосредственное наблюдение за фактами языка без обобщения этих фактов. Это идеалистический эмпиризм, который ведет к ошибкам типа ошибки Птолемея о вращении солнца вокруг земли.

2. Дескриптивизм обрекал лингвиста на роль беспристрастного наблюдателя фактов и их регистратора и классификатора. По концепциям дескриптивистов ученый не должен был ограничивать существенное от второстепенного, не должен вскрывать причины фактов. Наука же, не имеющая объяснительной силы, утрачивает одно из основных своих значений.

3. Дескриптивисты, опираясь на непосредственную наблюдаемость, по существу сводили задачи лингвистики к изучению только речи, но не языка, ибо для них язык не был качественно отличным от речи, он понимался как простая сумма речевых высказываний. Подобный подход отмечался у них и по отношению к морфеме (как простой сумме фонем), и по отношению к слову (как простой сумме морфем). Непризнание качественной специфики единиц каждого яруса означало, следовательно, непризнание самих ярусов.

4. Дескриптивная школа оказалась только индуктивной, но не дедуктивной наукой, свелась к методике описания, а не к исследованию и обобщению закономерностей.

Все эти недостатки раннего, дистрибутивного этапа американского структурализма привели в 50-х годах к развитию нового метода, основанного на учете сложности и вариативности языковой системы. Таким методом стал трансформационный анализ.

Трансформационный анализ применяется к значимым единицам языка (исключительно синтаксическим) и заключается в преобразовании, трансформации анализируемой конструкции, например: *дом лесника = лесников дом; стеклянная посуда = посуда из стекла; я написал письмо = письмо написано мной* и т.д.

В применении трансформационного анализа американские лингвисты не были первооткрывателями. Задолго до них приемом трансформации пользовались в русской и советской традиционной лингвистике (прежде всего Л.В.Щерба), однако известен он был под названием **лингвистического эксперимента**. Лингвистический эксперимент широко распространен у нас не только в качестве научно-исследовательского приема, но и в качестве школьного методического приема преподавания.

Так, например, в школьной практике издавна используются трансформации причастных оборотов в придаточные предложения, необособленных оборотов в обособленные, простых предложений в сложные, придаточных одного типа в придаточные другого типа, предложений с прямой речью в предложения с косвенной речью и т.д.

Спецификой американского структурализма является то, что здесь трансформационный анализ разработан в виде **цепи последовательных операций**, т.е. ему придан операционалистский характер. Каждая из операций получила специальное название. Цель анализа - сведение всего многообразия реальных синтаксических конструкций к ограниченному числу так называемых ядерных (или элементарных) структур, что, в свою очередь, позволяет установить существенные черты сходства и различий между конкретными конструкциями.

Вот пример применения последовательных операций с предложением "**Ученик пишет письмо**".

1 операция - трансформация **перестановки**: *Письмо пишет ученик.*

2 операция - трансформация **интонационная**: *Ученик пишет письмо?*

3 операция - трансформация **расчленения**: *Ученик пишет. Он пишет письмо.*

4 операция - трансформация **свертывания**: *Ученик пишет.*

5 операция - трансформация **развертывания**: *Ученик пятого класса пишет письмо товарищу.*

6 операция - трансформация **пассивизации**: *Письмо пишется учеником.*

и т.д.

Таким образом, как и дистрибутивный анализ, трансформационные процедуры приобрели затяжной, не ограниченный чем-либо характер. К примеру, одна только операция перестановки потребует перебирать десятки возможных вариантов, особенно для многословных конструкций (еще проф. А.М.Пешковский отметил, что фраза "Я завтра утром пойду гулять" допускает 120 перестановок).

И все-таки трансформационный анализ был значительным шагом вперед для американского структурализма, так как он основан на учете семантики синтаксических конструкций. Не случайно именно 1957 год, когда был провозглашен трансформационный анализ, считается концом американского дистрибутивного структурализма (отвергнувшего семантический фактор) и началом нового направления, связанного с деятельностью американского лингвиста Наума Хомского (род. в 1928 г. в Филадельфии), а также примкнувшего к нему Э.Харриса.

В чем же достоинства трансформационного анализа, широко распространившегося в странах Европы и отчасти в Советском Союзе? С его помощью можно обнаружить и убедительно доказать семантические различия у конструкций, внешне схожих между собой, что открывает новые перспективы в исследованиях синтаксиса.

Рассмотрим некоторые конкретные проявления таких случаев.

1. **Письмо пишется учеником** и **Письмо пишется карандашом**. Для той и другой конструкции возможны одни и те же трансформации (перестановки, расчленения, свертывания, интонационные и т.д.), однако некоторые трансформации не совпадают. Так, например, активную конструкцию можно образовать только от первой фразы и нельзя от второй. Ср.: *Ученик пишет письмо* и *Карандаш пишет письмо*. Это и позволяет сделать вывод о смысловом различии данных внешне сходных конструкций.

2. **Решение задачи** и **Решение ученика**. Эти конструкции также опускают ряд сходных трансформаций, но некоторые трансформации оказываются реальными только для одной из них. Например, можно сказать: *решаю задачу*, но нельзя: *решаю ученика*; можно сказать: *решает ученик*, но нельзя: *решает задача*.

Отсюда делается вывод о том, что в первом случае родительный падеж имеет объектное значение, а во втором - субъектное, и следовательно, в первом случае зависимое существительное является дополнением, во втором случае - несогласованным определением. Подобную проверку целесообразно проводить и в школе в качестве методического приема.

3. **Ручка двери** и **Голова человека**. Трансформационный прием выявляет в подобных конструкциях еще более тонкие семантические различия. Так, наряду со сходными конструкциями (*Дверная ручка* и *Человеческая голова*, *Ручка у двери* и *Голова у человека*), отмечаются такие различия, которые свидетельствуют о том, что в первом случае речь идет об отделяемом предмете, во втором - о неотделяемом (ср.: *Ручка от двери*, *Ручка к двери*, *Ручка для двери* и *Голова от человека*, *Голова к человеку*, *Голова для человека*). Без трансформационного анализа эти семантические оттенки могли бы ускользнуть от внимания.

Как видно из приведенных примеров, самый существенный момент в данном анализе - выявление недопустимых вариантов.

Трансформационный анализ используется для подготовки данных для электронных машин-переводчиков.

На базе трансформационного анализа американскими лингвистами (Н.Хомским) создано учение о **порождающей грамматике** (переведено на русский язык в 1962 г.). Порождающая (или **генеративная**) грамматика является описательной грамматикой, в задачи которой входит установление исходных (глубинных, ядерных, базисных) конструкций языка, порождающих бесчисленное множество их трансформ, так называемых поверхностных конструкций.

Так, для всех приведенных выше трансформ с учеником и письмом ядерной будет, очевидно, активная конструкция **Ученик пишет письмо**; для трансформ **решение ученика** - **ученик решает** и т.д.

Н.Хомский при этом, на базе трансформационного метода и метода НС, попытался разработать особый **метод** порождающей грамматики, который можно было бы применить не только к синтаксису, но и к анализу слов, т.е. расширить сферы его действия.

Ядерные конструкции, описываемые в порождающей грамматике, представлены в виде простейших и универсальных **моделей** (процесс их установления в языке называется **моделированием**), изображенных не словами языка, а **формулами, символами**. Так, например, моделью ядерной конструкции **Ученик решает** будет формула NV (т.е. имя и глагол от лат. Nomina и Verbum). Модель неядерной конструкции **Решение ученика** представлена более сложной формулой $-N_v N_g$ (т.е. имя, образованное от глагола (V), и имя в родительном падеже (g = genitiv)).

Цель порождающей грамматики - компактно описать модели языка и определить правила порождения трансформ, не противоречащих данному языку. Эти правила рассчитаны как на человека, не знающего данного языка, так и на машину, которая должна перевести конструкции с одного языка на другой.

Предполагалось, что машина должна свести поверхностную конструкцию первого языка к ядерной модели по законам этого языка, а от нее построить конструкцию (породить) на втором языке

по его правилам порождения. Если результат оказывается правильным, то модель и правила порождения были определены верно.

Сторонники порождающей грамматики ссылаются на опыт Менделеева : построенная им модель химических элементов ввиду ее правильности привела к открытию ("порождению") новых элементов, заранее предусмотренных этой моделью.

Правила порождения, разрабатываемые структуралистами, носят обычно искусственный характер, они не соответствуют языковым процессам, но это считается допустимым, лишь бы конечный результат порождения был правильным, совпадал с естественной конструкцией.

Вот один из примеров искусственных правил порождения для русских глаголов 2-го спряжения (придумано русскими структуралистами): Для образования формы 1-го лица требуется осуществить 6 операций.

- I операция.** От глагола берется корень:
реш(ить), стой(ать), люб(ить), ход(ить)
- II операция.** К корню добавляется компонент *á* с ударением:
реш - á, стой - á, люб -á, ход - á
- III операция.** К полученной конструкции добавляется компонент *и*:
реш-á-и, стой-á-и, ход-á-и
- IV операция.** Затем добавляется заданное окончание:
реш-á-и-у, стой-á-и-у, ход-á-и-у
- V операция.** Все гласные после ударного компонента *а* делаются ударными: *-á-í-ý*
реш-á-í-ý, стой-á-í-ý, ход-á-í-ý
- VI операция.** Из всех ударных слогов остается только последний, все предыдущие совпадают:
реш - ý, стой -ý, люб - ý, ход - ý

Как видно уже из приведенного примера, искусственные правила порождения не всегда "срабатывают" (при безударных окончаниях, при исторических чередованиях и др.).

В подобных правилах порождения в генеративной грамматике используется идея "черного ящика", связанная с развитием современной техники, кибернетики, - когда известны данные на входе и результаты на выходе, а происходящие внутри процессы недоступны наблюдению.

Общий недостаток порождающей грамматики - упрощенное понимание модели языка, его сложной структуры. Искусственность правил порождения, попытки универсализации этих правил сплошь и рядом приводят к их неприменимости к живому языку.

Под влиянием критики в теорию генеративной грамматики был включен семантический анализ синтаксических конструкций, который получил название компонентного семантического анализа.

Позднее компонентный анализ получил широкое распространение в лексике.

При анализе определенных лексических микросистем выявляются ядерные конструкты и семантические множители. Так, в микросистеме глаголов речи ядерным конструктом будет глагол *говорить*. Добавление к нему семантического множителя

"последовательность реплики" приводит к образованию глагола *ответил*, добавление множителя "оценка содержания речи" - *подтвердил* или *возразил* и т.д.

Учение о порождающей грамматике, о глубинных и поверхностных структурах языка вызвало критику многих лингвистов, как зарубежных, так и советских.

В частности, этой критике был посвящен почти целый номер журнала "Вопросы языкознания" в 1978 г., N 5.

Отмечаются следующие недостатки генеративной грамматики:

1. Лингвистическая теория Хомского исходит из того, что в языке существуют глубинные и поверхностные структуры, что между ними имеются иерархические, временные связи. Между тем в действительности язык имеет не две, а только одну, одновременно существующую систему. Все единицы в этой системе сосуществуют. В концепции Хомского обнаруживается противоречие, она не соответствует действительности.

2. По теории генеративной грамматики все реально, объективно наблюдаемое в языке - это поверхностные структуры, не представляющие ценности, не отражающие сути языка. Главное в языке - глубинные структуры, которые должен восстановить исследователь, опираясь на поверхностные структуры.

Таким образом, за истинное в языке выдается не то, что объективно существует, а то, что субъективно построит, "восстановит" исследователь. Это откровенный субъективизм в науке.

3. Хомский все свои примеры берет из современного английского языка и, таким образом, абсолютизирует законы порождения английского языка, выдает их за универсальные. Такой англоцентризм приводит к искаженному пониманию механики языка вообще.

Кроме того, универсализм установок порождающей грамматики не учитывает исторических изменений в одном и том же языке, смену законов в нем с течением времени.

Тема 9. ЭТНОЛИНГВИСТИКА. НЕОГУМБОЛЬДТИАНСТВО

Этнолингвистика. Это раздел языкознания (макролингвистики), изучающий взаимосвязи лингвистических и этнических факторов. Этнолингвистика получила развитие в трудах этнографов, изучавших быт, нравы, культуру индейцев. Представители данного направления: Ф.Боас, Э.Сепир и др.

Этнолингвистика - это внеструктуралистское направление в языкознании. Здесь главное внимание уделяется не формальной, структурной стороне, а содержательной. Точнее сказать - взаимодействию в языке внутренних (интралингвистических) и внешних (экстралингвистических) факторов.

Американская этнолингвистика привлекла к себе внимание в связи с появлением в ней теории языковой относительности, более известной под названием **гипотезы Сепира-Уорфа**. Эдуард Сепир (1884-1939) - американский этнограф, антрополог, автор книги "Язык" (1921 г.), профессор Чикагского, Иллинойского и Йельского (около Нью-Йорка) университетов. Бенджамен Уорф (1897-1941) - последователь Э.Сепира, познакомившийся с ним в Йельском университете. Но учеником Э.Сепира он не был: Б.Уорф имел инженерное, а не лингвистическое образование, он окончил знаменитый Массачусетский технологический институт (в 1918 г.) и почти до конца жизни работал в страховой компании инженером по технике пожарной безопасности. С 1926 г. на досуге стал заниматься изучением письменности и культуры древних народов (ацтеков и майя), а потом и современных индейских племен. Изучил один из индейских языков (хопи). Прослушал курс индейского языкознания у Сепира, а позднее и сам читал лекции по антропологии в том же Йельском университете.

Сравнивая языки индейцев с европейскими (с английским), Э.Сепир и Б.Уорф пришли к выводу о зависимости культуры, мировоззрения, мышления народов и поведения людей от языка. Не язык зависит от экстралингвистики, как принято считать, а вся экстралингвистика (внеязыковая действительность) зависит от языка. Языковая форма, утверждал Э.Сепир, обладает тиранической властью над нашей ориентацией в мире. Сколько языков, столько и миров. Б.Уорф уточнил это общее положение применительно к нормам мышления, нормам поведения и явлениям культуры. Вот его рассуждения.

Язык навязывает человеку мировоззрение и самые нормы мышления, говорит Б.Уорф. Если бы Ньютон думал на языке хопи, а не на английском, то он не создал бы учения о всемирном тяготении, и вообще его концепция вселенной была бы иной. В самом деле, на языке хопи можно сказать "десять человек", но нельзя сказать "десять дней", так как эти дни рядом, одновременно не выстроишь. Там нет категории вещественности (вода, молоко, песок), а есть только категория конкретности; нет категории времени, а есть только категория вида; нет понятия времени года (зима, лето...), а есть только наречия "когда холодно", "когда жарко" и т.д.

Язык определяет также нормы поведения человека. Например, по данным Б.Уорфа, пожары чаще бывают на складах бензиновой тары, но реже на складах самого бензина. И это объясняется влиянием языка. Если склад называется "цистерны с бензином", то люди ведут себя осторожно. А если написано: "Пустые бензиновые бочки", то люди ведут себя беспечно: курят, бросают спички и т.д. Между тем бочки из-под бензина не менее опасны, так как бензиновые пары взрывоопасны. Другой "пожарный" пример: на кожевенных заводах есть отстойники, которые называются "резервуары с водой". Под магическим влиянием названия люди неосторожно обращаются здесь с огнем, что ведет к пожарам, так как в отстойниках скапливаются горючие органические вещества.

Заслуга Э.Сепира и Б.Уорфа в том, что они обратили внимание на "обратную" сторону проблемы язык и человек, язык и общество, язык и культура. Практическая важность этого вопроса бесспорна. Например, по мнению проф. Б.Н.Головина, изучение законов воздействия языка на людей необходимо для театра, для ораторов, в преподавании и воспитательной работе. Мы еще не знаем, насколько велики экономические потери от неумелого использования языка.

Что касается философской, теоретической стороны проблемы, то в исполнении Э.Сепира - Б.Уорфа она неприемлема. Неверны следующие положения:

1. Признание односторонней зависимости между языком и людьми. На самом деле зависимость двусторонняя. Э.Сепир и Б.Уорф явно преувеличивают обратную зависимость людей от языка и сбрасывают со счета прямую зависимость - языка от людей и условий. А она - ведущая, определяющая.

2. Отождествление суммы знаний народа с набором словарных языковых значений. По Э.Сепиру и Б.Уорфу получается, что народу недоступны те понятия, которых нет в его языке. Но это неверно. Отсутствие в языке тех или иных понятий компенсируется использованием описательной передачи их при переводе с одного языка на другой (в разной степени удачной; например, А.Дюма перевел на французский язык некрасовское выражение “душенька” описательно как “моя маленькая милая душа”).

Показательны также в этом отношении следующие данные. У племени индейцев зуни (США) нет слов для обозначения разных желто-оранжевых цветов. Тем не менее, когда представителю этого племени предъявляли различные оттенки этой части спектра, он безошибочно определял, где оттенки одинаковы, а где различны. Или: в языке хопи одним словом называются птицы, а другим - все другие летающие предметы, а именно: насекомые, летчики, самолеты и проч. Критик Б.Уорфа М.Коул замечает: было бы абсурдом предположить, люди этого племени не могут с помощью зрения отличить летчика от кузнечика. (См.: Коул М. Скрибнер С. Культура и мышление. - М., 1977. - с. 58, 60).

3. Утверждение, что миров столько же, сколько и языков. На самом деле мир один, так как едины основные его объективные показатели: пространство, время, субстанция (материя). На каком бы языке мы ни измеряли расстояния - в километрах, в милях или верстах, - эти расстояния не сделаются большими или меньшими.

4. Язык определяет нормы поведения и психологию людей. В действительности поведение и психология людей в целом не зависят от языка, а определяются жизненными обстоятельствами, опытом. Наблюдение Б.Уорфа относительно бензиновых бочек, объясняется, конечно, не языком, а знанием - незнанием самих объектов действительности. Пока в детстве ребенок не знает, что такое огонь, он может его и потрогать. Но потом уже не будет трогать, на каком бы языке его не учили уму-разуму.

Неогумбольдтианство. Представители: Лео Вайсгербер (род. в 1899 г., профессор Боннского университета), Йост Трир и др. (ФРГ). Неогумбольдтианство возникло в ФРГ и некоторых других европейских странах позднее, чем была высказана гипотеза Сепира-Уорфа, однако американские этнолингвисты рассматриваются ныне как разновидность, ветвь именно неогумбольдтианства - современного субъективно-идеалистического направления в языкознании, опирающегося на философию неокантианства и неопозитивизма (Р.Карнап, Б.Рассел и др.).

Как и этнолингвистика, неогумбольдтианство в известном смысле противостоит структурализму: если структурализм главное внимание уделяет формальной стороне в языке, лишенной содержания, то неогумбольдтианцы основное внимание обращают на содержательную сторону языка, понятийную сторону, в ущерб формальной.

От В.Гумбольдта неогумбольдтианцы берут философскую концепцию языка, усиливая ее в идеалистическом и даже шовинистическом направлении. Изучая главным образом экзотические языки (индийские, полинезийские, малайские, китайский, баскский и др.), В.Гумбольдт, как и американские лингвисты, обратил внимание на резкие различия между языками и сделал из этого такой вывод: каждому народу свойственно некое национальное духовное начало, данное ему свыше (народный дух). (В этом проявилось влияние на Гумбольдта Гегеля.) Это духовное начало, неизменное и предопределенное, отражается на культуре, психологии и языке народа. Как бы язык не менялся, национальный дух народа продолжает в нем сохраняться, постоянно проявляется, составляя некую внутреннюю форму языка. Следовательно, главное в языке - его дух, творческая сила, сама речевая деятельность (energia), а не то, что уже создано в языке, например слова, модели конструкций и т.д., т.е. не продукт деятельности (ergon).

Л.Вайсгербер первоначально выступал как толкователь, интерпретатор В.Гумбольдта, а в конце 40-х годов приходит уже к собственной теории языка. В полном виде эта теория изложена в 4-х томной (из 5 книг) монографии “О силах немецкого языка” (1950-1954 гг.). Основные положения теории можно сформулировать в четырех тезисах, из которых первые три показывают понимание Л.Вайсгербером сущности языка, а 4-й - понимание задач лингвистики. Итак:

1. Язык - это проявление национальной духовной силы, и он стоит выше объективной действительности. Он объединяет и формирует народ, он определяет содержание и направление мышления, самое познание мира проходит через язык. Объективную действительность мы знаем не такой, какова она есть на самом деле (она - вещь в себе), а только такой, как она реализована в языковом изображении. “Язык - это жилище бытия”, - говорит один из сторонников этой философии Хайдеггер, философ-экзистенциалист. Процесс реализации объективного мира в понятиях языка Л.Вайсгербер назвал **вербализацией мира**. Вербализация мира - это языковое овладение миром. Язык в этом смысле есть ключ к миру, посредническое звено между миром и человеком; человек познает только то, что позволяет язык. Мы знаем только вербализованный мир, а не мир вообще.

Язык, по крайней мере родной для Л.Вайсгербера язык - немецкий, Muttersprache, на материале которого он и строит свою теорию, определяет прогресс общества и движение его вперед. Например, сначала зоология представляла мир животных упрощенно. В нем, с помощью немецкого языка, выделялось только 4 класса животных: fisch - все, что плавает, vogel - все, что летает, viche - все, что бегаёт, wurm - все,

что ползает. Но потом появились слова: Amphibien - амфибии, Insekten - насекомые и т.д., и зоология вслед за языком сделала шаг вперед. Глагол fliegen (летать, скользить) подсказал конструкцию летательных аппаратов, т.е. самолетов, летающих за счет планирования, скольжения. Значит, язык двигает вперед технику, науку и вообще всю историю, весь процесс познания.

Вербализованный мир - это мир, упорядоченный языком. Предметы в мире хаотичны. Только язык придает им упорядоченность и ставит вещи на свои классификационные места.

Таким образом, в концепции Л.Вайсгербера наблюдается фетишизация слова, приписывание языку мистической силы воздействия на объективный мир.

Как будто предвидя такое развитие идей, Энгельс еще в XIX веке, т.е. задолго до неогумбольдтианства, заметил, что “от того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, - от этого у нее не вырастут молочные железы” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, с.41). Современный комментатор, профессор П.В.Чесноков, так резюмирует это замечание: “Субъективное причисление предметов к тому или иному классу ничего не изменяет в самих предметах и поэтому не может быть средством упорядочения предметов и организации мира” (Чесноков П.В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. - М., 1977. - С.30).

2. Вербализованный, т.е. данный нам через слова, мир представляет, однако, иллюзорный мир. У каждого языка - свой мир. Истинное строение мира недоступно для познания. В этом утверждении Л.Вайсгербер, в отличие от В.Гумбольдта, следует уже не за Гегелем, а за Кантом и неокантианцами, т.е. примыкает к агностицизму, считающему мир непознаваемым.

Следуя за неокантианцами и так называемой семантической философией, Л.Вайсгербер также выступает с “критикой языка”. Он разделяет мнение этих философов о том, что во всех социальных бедах виноват язык, который дает искаженное представление о мире. Слова языка - это фикция, за которую или против которой люди борются (например, демократия, справедливость, эксплуатация, неравенство и т.д.). На самом деле ничего реального за этими словами нет и бороться ни к чему, надо просто разобраться в языке. Попробуйте крикнуть: “Эй, человечество, сюда!” - И ни один Адам не двинется с места. Значит, понятие человечества - это фикция. (Впрочем, один из критиков семантической философии заметил, что, действительно, можно крикнуть: “Эй, армия США, сюда!” - и ни один солдат не откликнется. Но это вовсе не значит, что армии США не существует.)

3. Историю народа язык не отражает, а творит. Родной язык ведет языковой коллектив, а не наоборот. Немецкий язык, по Л.Вайсгерберу, определил особое положение немецкого народа: немецкий народ выше других народов. Понятие народа Л.Вайсгербер ставит выше понятия нации. Нация - искусственное, временное государственное объединение, а народ, говорящий на одном языке, - постоянное явление. “Закон языкового коллектива” требует, чтобы все люди, говорящие на немецком языке, объединились. Это привело к утверждению его теории в ФРГ в качестве официальной лингвистики. Проявляя шовинизм, Л.Вайсгербер всячески доказывает превосходство немецкого языка над другими, привлекая для этого даже факт возникновения сравнительно-исторического языкознания якобы в Германии. При сравнении языков он применяет оценочный, а значит субъективный, принцип. Например, он говорит, что немецкое слово Blitzableiter (громоотвод) лучше французского paratonnerre (то же). немецкое словосложение отличается наглядностью и предметностью, чего нет у французов. И т.д.

4. В соответствии со своей концепцией сущности языка Л.Вайсгербер понимает задачи лингвистики. Опираясь на учение Соссюра о знаковости языка и его системности, Л.Вайсгербер выделяет в языке две стороны - звучание и содержание (у Соссюра - означающее означаемое). Сила языка, по Л.Вайсгерберу, - в его содержании, оно должно изучаться особо и отдельно от звучания. Л.Вайсгербер пренебрегает фонетикой: в ней слабо проявляется дух народа. Главная наука - грамматика, особенно синтаксис (на основе которого выделяются даже части речи).

Но и в грамматике не все одинаково важно. Традиционные грамматики и исследования младограмматиков описывают застывшую часть языка, ergon, поэтому не имеют никакой ценности. У структуралистов сильной стороной является системность описания, но и это еще не настоящая грамматика, а лишь первый этап грамматики. Главное же в ней - второй этап, изучающий содержание языка. Именно такую, “содержательную” грамматику и надо создать - Inhaltgrammatic, нечто вроде понятийной грамматики. Именно в ней отражается сила языка, дух народа, энергетическая, творческая сила языка. Правда, сам Л.Вайсгербер только декларирует такую грамматику и дает ее наметки, но в полной мере ее не разработал.

Л.Вайсгербер признает сопоставительный метод - для доказательства преимуществ немецкого языка как Muttersprache. С той же целью он признает исторический подход к языку - чтобы показать влияние немецкого языка на особую роль немецкого народа в мировой истории. Так, только у немцев название языка (Deutsch) происходит от слова “народ” (diutick).

Таковы идеи Л.Вайсгербера. Другой представитель неогумбольдтианства - Йост Трир - разрабатывал (начиная с 30-х годов) область словарного состава и семасиологии. Он считает, что в языке нет ни одного слова, стоящего изолированно. Все они группируются в системы наименований, которые он называет

понятийными, или **семантическими полями**. Например, среди глаголов выделяются глаголы движения, которые в свою очередь делятся на еще более мелкие группы - по видам движения. У существительных есть семантическое поле со значением "разум" и т.д.

Й.Трир представляет лексику языка в виде мозаичного панно, на котором взаимопроникновение цветов напоминает взаимодействие семантических полей в языке. Утверждения Й.Трира категоричны. Он считал, что отдельное слово не имеет значения. В сознании говорящих обязательно содержится представление о полях в каждом акте коммуникации. В организации лексики нет ниш (лакун), не заполненных названиями.

Под воздействием критики Й.Трир уточнил свои представления. В 60-е годы он отказывается от образа мозаики и высказывает мысль, что семантические поля - это звездообразные ядра, лучи которых глубоко проникают в соседние поля.

Экспериментальная проверка теории Й.Трира не подтвердила его идей. Оказалось, что говорящие знают значение слов вне полей. Выяснилось, что лакуны в лексике есть. В 1974 г. Г.Гекелер выдвинул гипотезу о различных типах лакун в лексике. Общий вывод, к которому пришли лингвисты: исследовать лексику не обязательно по семантическим полям.

Таковы некоторые положения неогумбольдтианства.

Критика неогумбольдтианства. Оценка неогумбольдтианства в нашем языкознании довольно неоднородна. Одни ученые подчеркивают в нем реакционную сущность, другие, близкие к структурализму, - положительные стороны.

Что же положительного можно отметить у неогумбольдтианства? Делая акцент на проблеме языка и общества, неогумбольдтианцы проникли в такую область, которую до них почти не затрагивали: влияние языка на общество (традиционно подчеркивается обратная зависимость - языка от общества). В этом заслуга неогумбольдтианства. Однако интерпретируется влияние языка на общество с позиций идеалистических и шовинистических, с признанием неравноправия народов. На самом деле все языки в потенциальных возможностях равноправны, а отсталость (например народов бывших колоний) и уровень познания мира зависят от уровня общественного развития народа, но не от типа языка этого народа.

Под влиянием критики Л.Вайсгербер говорит и о влиянии общества на язык. Но говорит об этом весьма своеобразно. Например, по его наблюдениям, в немецком языке при фашизме увеличилось количество переходных глаголов за счет управления названиями лиц (раньше переходные глаголы управляли только названиями неодушевленных предметов), поскольку при фашизме человека считали за вещь.

Неверно утверждение неогумбольдтианцев о непознаваемости мира через язык, об иллюзорности наших языковых познаний. Объективность нашего языкового познания подтверждается опытом, практикой, когда мы успешно применяем познанные законы природы и общества. Прогресс науки и техники доказывает объективность вербальных сведений о мире.

ОСНОВНЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
2. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979.
3. Березин Ф.М. история лингвистических учений. М., 1975.
4. Березин Ф.М. История русского языкознания. М., 1979.
5. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
6. Звегинцев В.А. история языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960 (в 2-х частях).
7. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
8. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
9. Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.
10. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. М., 1979.
11. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
12. Черепанов М.В. Общее языкознание. Саратов, 1969.
13. Щеулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М., 1965.

-

© Барабина М.Н., Карпухин С.А.,
(составление) 1998